

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію „Очерковъ“ типографскимъ способомъ, я внесъ, главнымъ образомъ, стилистическія поправки; впрочемъ, кое-что было выброшено; кое-что, наоборотъ, добавлено. Но распредѣленіе матеріала осталось то же; размѣры западнаго (французскаго) вліянія, испытаннаго османскими писателями, затронуты у меня еще поверхностно. Мнѣ казалось болѣе необходимымъ сперва намѣтить высшія границы, опредѣлить кругъ интересовъ, въ которыхъ вращаются османскіе писатели. Занятый другими работами, я не могъ рассмотреть вопросъ о западномъ вліяніи такъ, какъ бы онъ заслуживалъ, и на-время это откладываю. Не удалось мнѣ также достичь цѣльности въ построеніи, и въ нѣкоторыхъ частяхъ (особенно, въ первой главѣ) сохранилась эпизодичность изложенія.

Мнѣ могутъ сдѣлать еще одинъ упрекъ—въ непослѣдовательномъ употребленіи терминовъ „османскій“ и „турецкій“; но мы такъ привыкли въ газетахъ и книгахъ къ словамъ „младотурки“, „турецкій“, что я рисковалъ быть непонятымъ, если бы вздумалъ писать: „русско-османская война“, „младо-османцы“; поневолѣ я вынужденъ былъ иногда сохранять родовой терминъ, „турецкій“, хотя рѣчь шла о вѣтви обширнаго турецкаго племени,—объ османскихъ туркахъ, или османцахъ.

Среди книжекъ и статей, которыя трагуютъ о новой османской литературѣ, видѣляется сжатая характеристика датскаго ученаго Эструна; подъ рукою, въ Москвѣ, у меня ея не было, и въ одномъ-двухъ случаяхъ я не процитовалъ автора. Матеріалы для исторіи старыхъ газетъ (*Tasvir-i Efkar*, *İbret* и др.) сообщилъ мнѣ Тевфикъ-бей Абу-з-зія, радужно встрѣчавшій меня въ Коніи, гдѣ онъ жилъ въ ссылкѣ.

Переводы отрывковъ изъ новыхъ османскихъ писателей принадлежатъ моимъ слушателямъ и сдѣланы, преимущественно, по моимъ указаніямъ.

А. Е. Крымскій былъ такъ любезенъ, что просмотрѣлъ мои „Очерки“ въ послѣдней корректурѣ, и предупредилъ рядъ промаховъ.

Москва, 3-го октября
1912 года.

Osmanlı edebiyatı Tarihi
OÇERSKİ

TDV İSAM
Kütüphanesi Arşivi
No ZE.2322

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1—8
I. Представители европейской школы	4—73
I. И. Шинаси	4—13
II. Кемаль	13—27
III. Научное османское Общество	27—31
IV. Старѣйшія газеты въ Турціи	31—37
V. Тевфикъ Абу-з-зія	37—46
VI. А. Мидхатъ	46—51
VII. Абдуль-Хаккъ Хамидъ	51—54
VIII. М. Экремъ	54—57
IX. Шемъ-эд-динъ Самп	57—61
X. М. Надки	62—64
XI. Итоги западнаго вліянія	64—69
<i>Приложеніе: Русскіе въ османской литературѣ; переводы съ русскаго</i>	70—73
II. Сатира на галломанію	74—79
I. Аліи Юльви	74—75
II. Х. Рахми	75—79
III. Религіозная реакція; полемическія сочиненія; апологія ислама I—IV	80—89
IV. Національное теченіе	90—113
I. (Споры о языкѣ)	90—94
II. (Отношеніе къ народной литературѣ)	94—96
III. М. Тевфикъ	96—99
IV. А. Расимъ	100
V. Наби-заде Назимъ	101—102

VI. „Ластикли“ Сандъ	102—103
VII. М. Эминъ	103—108
VIII. „Философъ“ Риза Тевфикъ	108—112
IX. (Успленіе интереса къ народу)	112—113

V. Позднѣйшіе западники; кружокъ писателей, группировавшихся вокругъ журнала *Сервѣти фюнуль* . . . . . 114—143

I. (Духовный ростъ молодежи)	114—116
II. Самп паша-заде Сезапъ	116—117
III. Журналь <i>Сервѣти фюнуль</i>	117—119
IV. Тевфикъ Фикретъ	119—122
V. Джепабъ Шехабъ-ад-динъ	122—123
VI. Х. Сюадъ	123—124
VII. А. Хикметъ	125—133
VIII. Ушаки-заде Халидъ Зия	133—136
IX. Х. Джахидъ	136—137
X. М. Реуфъ	138—140
XI. Запрещеніе литературы; положеніе печати	140—143
XII. Заключеніе	143

Приложеніе: Литературный кружокъ „Грядущая заря“; движеніе въ литературѣ . . . . . 144—146

Указатель именъ османскихъ писателей . . . . .

Указатель османскихъ періодическихъ изданій . . . . .

ВВЕДЕНІЕ.

Уже въ XVII вѣкѣ османскіе публицисты подвергаютъ рѣзкой критикѣ порядки своего государства, какъ бы предчувствуя близкое крушеніе. Однако ихъ голоса безслѣдно пропадали въ шумливой обстановкѣ официальной Турціи.

Отрезвленіе наступило тогда, когда смолкъ побѣдный кличъ османскаго войска. Пораженіе, понесенное османцами подъ стѣнами Вѣны (въ 1683 году), знаменуетъ собою начало конца политическаго могущества Турціи. Съ этого времени османское правительство мало-по-малу сознаетъ, что вернуть себѣ силу оно можетъ только, если войдетъ въ семью европейскихъ народовъ, — усвоить европейскую культуру.

Непосредственное знакомство съ европейской культурой открывается въ путешествіяхъ османцевъ, сперва отправлявшихся въ Европу съ дипломатическими порученіями; ихъ мемуары даютъ яркую картину контраста между Востокомъ и Западомъ. Высокая Порта однако не ограничивается посылкой дипломатовъ за границу; она приглашаетъ европейцевъ также къ себѣ на службу, пока, правда, въ качествѣ военныхъ инструкторовъ, да оно и понятно, потому что мысль о реформѣ была внушена дезорганизаціей войскъ; но и это былъ уже шагъ очень важный. Благодаря инструкторамъ османское войско въ XVIII вѣкѣ постепенно захватывается европейскимъ вліяніемъ. Такъ какъ реорганизація войска представляла одну изъ насущныхъ задачъ правительства, — заимствованіе западно-европейской культуры приняло утилитарный, практическій характеръ. Въ срединѣ XVIII вѣка въ Турціи вводится книгопечатаніе; но изъ-подъ печатнаго станка первое время выходятъ, главнымъ образомъ, сочиненія техническія или военно-историческія.

Подготовительный періодъ, выразившійся преимущественно въ преобразованіи арміи, закончился уничтоженіемъ въ 1826 году янычарь, — оплота стараго, до-реформеннаго порядка. Со вступленіемъ на престолъ султана Абдуль-Меджида въ Турцію хлынули европейскія идеи.

Прежде всего, въ Гюль-ханейскомъ актѣ (въ 1839 году) былъ провозглашенъ принципъ равенства всѣхъ подданныхъ Османской имперіи передъ закономъ; конституціонныя заигрыванія Порты съ Европой должны были расположить въ пользу Турціи европейскія державы. Въ Крымскую войну османцы сражались уже бокъ-о-бокъ съ войсками европейскихъ державъ. Это былъ моментъ, когда Турція официально (на Парижскомъ конгрессѣ) была признана (въ 1856 году) членомъ европейскаго концерта державъ, и чтобы удержать благоволеніе своихъ друзей, правительство *volens-nolens* должно было европеизироваться. Подъ давленіемъ все возрастающей опасности европейскаго вмѣшательства, правительство было озабочено тѣмъ, чтобы убѣдить Европу въ искренности своихъ намѣреній.

На помощь приходитъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Посредствующее звено между Портой и Европой, оно учреждаетъ у себя переводческое бюро; поэтому оно острѣе, чѣмъ какое-либо другое министерство, чувствуетъ нужду въ европейски-образованныхъ людяхъ. Въ серединѣ XIX вѣка министръ иностранныхъ дѣлъ, Мустафа Решидъ-паша, воспитывавшійся за границей, посылаетъ въ Европу молодыхъ людей, снабдивъ ихъ определенной программой. Первая фаланга османской молодежи направляется во Францію. Утвердившись въ Европѣ, османцы столкнулись прежде всего съ романскими народами; съ ними они и завязали мирныя сношенія, — сперва съ Италіей (венетіанцами и генуэзцами), а потомъ, въ XVI вѣкѣ, — съ Франціей (союзъ Сулеймана Великолѣпнаго съ Францискомъ I). Уже тогда у нихъ зародились симпатіи къ Франціи, которыя впоследствии все болѣе и болѣе крѣпнутъ.

Западно-европейское вліяніе въ корень измѣнило все. Знакомство съ западной культурой внесло новые образы, и для выраженія своихъ мыслей писателямъ приходилось уже отказываться отъ восточной вычурности и туманности. Теоріи стилистики и эстетики, заимствованныя у персовъ, рушатся; уже не форма, а содержаніе выдвигается на первый планъ, и литература начинаетъ служить общественнымъ идеаламъ.

Пока османская литература отражала на себѣ персидскія литературныя теченія, поэты ея на всѣ лады перепѣвали обветшавшіе образы; но если въ персидской поэзіи роза и соловей воплощали въ себѣ лиризмъ души, — у османцевъ содержаніе, болѣею частью, отступало на задній планъ передъ формой, и поэтъ все вниманіе свое сосредоточивалъ на плавности и звучности стиха. Постепенно рабское преклоненіе передъ персидскими прототипами вытравило изъ османской поэзіи всякую оригинальность; она застыла въ мертвенной гладкости выраженія, потому что ея литературный наставникъ переживалъ также внутренній кризисъ.

Знакомство съ западной культурой вызвало къ жизни не только западниковъ, но и ихъ литературныхъ противниковъ, боровшихся съ ними ихъ же оружіемъ. Въ этомъ заключается жизненная сила и глубина западнаго вліянія, которое въ конечномъ итогѣ должно создать здоровую національную литературу.

I. Представители европейской школы.

I.

Ибрагимъ Шинаси (1827-1871).

Среди османцевъ, получившихъ, благодаря Решиду-пашѣ, европейское образованіе, выдающееся положеніе занимаетъ И. Шинаси-эфенди, «отецъ новой османской литературы». Инстинктивная неудовлетворенность старыми литературными ложноклассическими формами слышится уже раньше, съ конца XVIII вѣка; но у Шинаси-эфенди, воспитанника французской школы, поворотъ отъ персидскихъ традицій, вѣками царившихъ въ османской литературѣ, обозначился такъ рѣзко и такъ властно, что его преемники уже смѣло «рубилъ въ Европу окно», равнодушно слушая нападки консерваторовъ.

«Отецъ новой османской литературы», Ибрагимъ Шинаси-эфенди родился въ Константинополѣ въ 1827 году. Отецъ его, родомъ изъ Болу (городъ на Черномъ морѣ), былъ капитаномъ артиллеріи и палъ во время русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ. Тѣсняемая нуждой, мать хотѣла было сперва отдать Шинаси въ «медресе» (своего рода бурса); однако этотъ планъ былъ оставленъ. Юношей Шинаси-эфенди поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства; здѣсь французскій офицеръ, графъ Шатонёфъ, былъ первымъ его учителемъ французскаго языка. Своими способностями Шинаси-эфенди обратилъ на себя вниманіе Решида-паши, который послалъ его въ Парижъ для изученія политической экономіи. Одновременно Шинаси-эфенди увлекался въ Парижѣ литературой и политикой. Во время революціи 1848 года онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ французскими своими друзьями, въ политическихъ манифестаціяхъ и, взобравшись на куполь Пантеона, водрузилъ надъ нимъ республиканскій флагъ.

Тогда же онъ познакомился съ французскими ориенталистами (Э. Ренаномъ и др.), оказавшими сильное вліяніе на его развитіе. Передъ Шинаси-эфенди открылись двери парижскихъ литературныхъ салоновъ.

Живя пять лѣтъ за границей, Шинаси-эфенди переписывался съ матерью, и одно изъ его писемъ, напечатанное въ «Хрестоматіи османской литературы» («*Нюмунейи эдебийятти османіе*»¹⁾) Тевфика-бея, — представляетъ большое литературное значеніе. Впервые османецъ въ легкой литературной формѣ выразилъ всю глубину сыновней любви; ясность формы, очевидно, была под-сказана искренностью чувства. Это письмо рисуетъ намъ благородство османки, которая, чтобы не беспокоить своего сына, посланнаго за границу государствомъ, вѣроятно, долго скрывала отъ него о своей болѣзни. «Отчего Вы, маменька, до сихъ поръ не писали мнѣ объ этомъ? Если бы Вы сообщили мнѣ тогда же, я сейчасъ же прервалъ бы свои занятія въ Парижѣ и прилетѣлъ бы къ Вамъ», — ласкается къ матери нѣжный сынъ. Это — образецъ не только эпистолярнаго стиля, но и современной классической османской прозы.

Возвратившись въ Константинополь, Шинаси-эфенди отдался служенію родинѣ: онъ былъ назначенъ членомъ комитета по народному образованію; онъ работалъ также въ финансовыхъ комиссіяхъ, составляя проекты административныхъ реформъ. Между прочимъ, въ запискѣ, поданной великому везиру Решиду-пашѣ, Шинаси-эфенди настаивалъ на необходимости учрежденія школы для подготовки опытныхъ чиновниковъ; въ школѣ чиновники, до «исправника» включительно, должны были изучать двойную бухгалтерію, для веденія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Записка Шинаси-эфенди, страдающая сантиментальностью, была отвергнута. Самолюбіе его было уязвлено, и онъ распрощался съ чиновничьей карьерой. Вообще Шинаси-эфенди пришелся не ко двору приказнымъ дьякамъ, которыхъ шокировала уже бритая фигура Шинаси-эфенди²⁾.

¹⁾ Тамъ, гдѣ это не обозначено, удареніе, — согласно общему правилу, — стоитъ на послѣднемъ слогѣ.

²⁾ Религіозный обычай („сунна“) требуетъ, чтобы у мусульманна была борода.

Тогда Шинаси-эфенди задумалъ проводить свои идеи въ газетахъ. Однако покровитель Шинаси-эфенди, Решидъ-паша, умеръ; у кормила власти стоялъ его политическій противникъ, Алій-паша. Шинаси-эфенди зналъ, что ему не позволяютъ издавать подъ своей отвѣтственностью газеты; поэтому онъ началъ хлопотать о разрѣшеніи газеты «Толковникъ событій» (*Терджи-манни ахвалъ*) на имя нѣкоего Агяхъ-эфенди. Агяхъ-эфенди былъ официальнымъ, подставнымъ редакторомъ, а писалъ въ газетѣ преимущественно Шинаси-эфенди. Когда въ 1861 году на престолъ вступилъ султанъ Абдуль-Азизъ, органъ Агяхъ-эфенди сталъ было выражать дворцовыя настроенія. Шинаси-эфенди вышелъ изъ состава редакціи, и это немедленно сказалось на языкѣ газеты, погрузившейся въ восточную вычурность.

Годъ спустя Шинаси-эфенди выпустилъ, уже подъ своей редакціей, газету «Изображеніе мыслей» („*Тасвiри эфкяръ*“). Съ точки зрѣнія литературы и политики, это — одна изъ самыхъ важныхъ османскихъ газетъ. Основной принципъ Шинаси-эфенди, проводимый имъ въ газетѣ, состоялъ въ томъ, что, знакомя Востокъ съ западной культурой, онъ хотѣлъ создать языкъ, пригодный для выраженія новыхъ мыслей, такъ какъ нельзя было о политическихъ вопросахъ говорить съ народомъ устарѣлымъ языкомъ, окутаннымъ тысячью искусственныхъ метафоръ и образовъ. Поэтому Шинаси-эфенди прежде всего создалъ въ газетѣ новый стиль, своею простотой заинтересовавший даже завзятыхъ консерваторовъ¹⁾; такимъ образомъ ему удалось познакомить общество со своими политическими взглядами.

Шинаси-эфенди былъ заклятымъ врагомъ русскихъ или, по крайней мѣрѣ, казался таковымъ. (Возможно, что антипатія его, въ извѣстной степени, объясняется смертью его отца въ войнѣ съ русскими). Чуть ли не въ первыхъ номерахъ газеты онъ напечаталъ статьи «Россія», «Черкесы», и привлекъ ими къ себѣ много сторонниковъ. Въ одной изъ статей онъ

---

¹⁾ Починъ въ реформѣ языка принадлежитъ, впрочемъ, великому везиру Решиду-пашѣ и его политическому противнику, Акифу-пашѣ. Оба они старались уничтожить въ официальной перепискѣ напыщенность азіатской школы.—Акифу-пашѣ принадлежитъ еще трогательная въ своей простотѣ элегія на смерть ребенка.

употребилъ фразу: «мечъ османцевъ, какъ магнитная стрѣлка, неизмѣнно обращенъ на сѣверъ»; это выраженіе, полное глубокаго смысла политическаго, было встрѣчено современниками, какъ нѣчто, выходящее изъ ряда вонъ. Шинаси-эфенди желалъ обратить вниманіе османцевъ на русскую политику и предостеречь ихъ отъ безпечности.

Газета „Тасвіри эфкяръ“ выходила два раза въ недѣлю; номеръ въ отдѣльной продажѣ стоилъ 60 парá (12 копеекъ). По тому времени (шестидесятые годы) газета расходилась бойко, и даже очень; когда какой-нибудь номеръ заключалъ въ себѣ статью на злобу дня, розничная продажа достигала двадцати тысячъ экземпляровъ. Черезъ газету общество знакомилось съ новыми идеями, облеченными въ легкую литературную форму; лица, до тѣхъ поръ восхищавшіяся одной поэзіей, теперь постигли значеніе политики въ общественной жизни, опредѣлили рознь, которая лежитъ между правительствомъ и народомъ. Въ каждомъ номерѣ Шинаси-эфенди разбиралъ какой-нибудь вопросъ, который иллюстрировалъ его взгляды. Такъ, напр., въ статьѣ, написанной по вопросу объ уничтоженіи нищенства, онъ говорилъ: «Всякое правительство, бюрократически - центростремительное, должно нести на себѣ послѣдствія, вытекающія изъ приемовъ его управленія». Онъ хотѣлъ сказать, что правительство обязано искоренять институтъ нищихъ или, по меньшей мѣрѣ, содержать ихъ на свой счетъ, потому что увеличеніе числа нищихъ въ Константинополѣ, обратившихъ попрошайничество въ ремесло, свидѣтельствуется только о непригодности правительственной системы. Словомъ, во всякой статьѣ онъ старался расширить умственный горизонтъ общества. Напр., возвѣщая своимъ соотечественникамъ 27-го іюня о пораженіи шведовъ подъ Полтавой, запечатлѣвшемся въ ихъ памяти, какъ день національнаго траура, — онъ удивлялся, почему никому не придетъ на мысль праздновать знаменательную побѣду надъ Петромъ Великимъ на Прутѣ (въ 1711 году), какъ-будто это — «сказка, не стоящая вниманія». Культурные народы, — говорилъ Шинаси, — не довольствуются тѣмъ, что сохраняютъ воспоминаніе о побѣдахъ; они передаютъ потомству также память о пораженіяхъ и утѣшаютъ себя мыслью объ отмщеніи, открывая широкую перспективу въ славу и величіи націи.

Такими рѣчами Шинаси-эфенди пробуждалъ въ обществѣ любовь къ отечеству и его политической независимости.

Ко времени редакторства Шинаси-эфенди относится полемика, известная под именем «меселэи мебхуса анха» (вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь). Poleмика эта завязалась между газетой Шинаси „*Tasvir-i Efkâr*“ и „*Ruzname*“ (Газета), выходившей въ видѣ приложенія къ газетѣ „*Dжеридейи хавадисъ*“. Одинъ изъ сотрудниковъ „*Ruzname*“, Саидъ-бей,¹⁾ помѣстилъ въ мѣстной французской газетѣ „*Courrier d'Orient*“ опроверженіе на статью газеты относительно поставки угля для адмиралтейства. „*Tasvir-i Efkâr*“, возражая противъ опроверженія, стала поддерживать газету „*Courrier d'Orient*“. Въ пылу полемики Саидъ-бей употребилъ выраженіе «меселэи мебхуса анха». Когда Шинаси вздумалъ указать на безграмотность этого выраженія, противнаго правиламъ арабской грамматики,—исправивъ его на „меселэи мебхусъ анха“,—между двумя газетами, скоро позабытыми о сути вопроса, началось литературное состязаніе. Poleмика длилась съ годъ, и за это время значеніе „*Tasvir-i Efkâr*“ поднялось даже въ глазахъ литературныхъ противниковъ, между тѣмъ какъ раньше они смотрѣли иногда косо на писательскую дѣятельность Шинаси. Съ одной стороны, упорное отстаиваніе газетой „*Ruzname*“ ошибки; тысячи примѣровъ, приведенныхъ „*Tasvir-i Efkâr*“ изъ старыхъ произведеній, въ защиту своего толкованія, съ другой,—все это возвысило въ ихъ мнѣніи Шинаси, обнаружившаго широкую начитанность въ литературныхъ памятникахъ. Такъ какъ этотъ вопросъ касался арабской грамматики, редакторъ-издатель арабской газеты въ Константинополѣ „*Аль-джеваибъ*“ (Почта), Ахмедъ Фарисъ Шидьякъ²⁾, обсудивъ всесторонне вопросъ, сталъ на сторону „*Tasvir-i Efkâr*“. Такъ воочію обнаружилось невѣжественное упрямство газеты „*Ruzname*“.

Эта полемика,—съ нашей точки зрѣнія мелочно-ничтожная,—символизировала борьбу между старымъ и новымъ направлениемъ въ литературѣ. Усматривая въ поражении одной изъ спорящихъ сторонъ крушеніе того или другого литературнаго направленія, общество съ жадностью набрасывалось на га-

¹⁾ Впослѣдствіи „Ключюкъ“ (Крошка) Саидъ-паша, великій везиръ.

²⁾ По происхожденію ливанскій маронитъ, онъ въ послѣдствіи, озлобленный выходками духовенства, перешелъ въ мусульманство, что произвело сильную сенсацию.

зеты. Розничная продажа „*Tasvir-i Efkâr*“ дошла въ это время до двадцати четырехъ тысячъ экземпляровъ.

Редактируя „*Tasvir-i Efkâr*“, Шинаси-эфенди участвовалъ также въ другихъ изданіяхъ. Военный министръ, Фуадъ-паша, основалъ газету „*Dжеридейи аскеріе*“ (Военная газета). Шинаси-эфенди, по его порученію, написалъ для газеты вступительную статью, въ которой напоминалъ османскому войску о громкихъ побѣдахъ предковъ. Пожалуй, въ программной статьѣ проглядываетъ кое-гдѣ шовинизмъ; но подъ-конецъ Шинаси забываетъ, что говоритъ съ военными, и напоминаетъ, что слава, добытая предками, можетъ быть сохранена потомками *при умномъ заимствованіи съ запада*, гдѣ царитъ порядокъ. Какъ официальный редакторъ министерской газеты, Шинаси въ глазахъ Фуада-паши былъ *persona grata*; однако онъ всячески сторонился его, да и было отчего.

Шинаси-эфенди вошелъ въ тѣсное общеніе съ (албанцемъ) Сандомъ Сермеди-беомъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще со времени студенчества въ Парижѣ. С. Сермеди отличался большимъ свободомыслиемъ и былъ страстный сторонникъ конституціоннаго правленія. Черезъ него Шинаси подружился съ издателемъ газеты „*Courrier d'Orient*“, Пьетри. Когда почему-либо онъ не могъ опубликовать у себя въ „*Tasvir-i Efkâr*“ статьи, онъ писалъ ее по-французски и отдавалъ въ „*Courrier d'Orient*“, а затѣмъ уже обсуждалъ ее въ своей газетѣ. Какъ-то вечеромъ, разоткровенничавшись съ пріятелями, С. Сермеди-бей завелъ разговоръ на политическія темы. На слѣдующій день «пріятель» донесъ Фуаду-пашѣ, что Сермеди—человѣкъ опасный, и что-то затѣваетъ. Немедленно Сермеди былъ арестованъ и послѣ допроса сосланъ въ крѣпость Акку (на Сирійскомъ побережьѣ). Напуганный арестомъ, Шинаси-эфенди сѣлъ, при посредствѣ Пьетри, на французскій пароходъ и бѣжалъ во Францію, гдѣ и умеръ.

Такъ внезапно оборвалась публицистическая дѣятельность Шинаси-эфенди.

Этимъ однако еще не исчерпывается значеніе Шинаси. Шинаси-эфенди былъ не только публицистъ; въ османской литературѣ съ его именемъ связывается новая эпоха какъ въ смыслѣ проникновенія въ общество западно-европейскихъ идей, такъ и въ смыслѣ введенія новыхъ формъ литературныхъ для новыхъ мыслей.

Въ 1859 году Шинаси выпустилъ небольшой сборникъ переводовъ изъ французскихъ писателей, — Расина, Ламартина, Лафонтена, Жильбера и Фенелона. Выборъ отрывковъ свидѣтельствуесть о романтизмѣ Шинаси. Проникнутый идеей о бренности человѣческаго существованія, онъ уносится въ созерцаніе божества; ему онъ посвящаетъ свои пѣснопѣнія, оригинальныя и переводныя; такъ, въ «Гимнѣ Богу» онъ воспѣваетъ вѣчнаго царя царей, который царствуетъ по волѣ своей прежде всѣхъ временъ.

Большое общественное значеніе представляетъ его комедія „*Шайръ эллемеси*“, (Какъ женится поэтъ). Кажется, Шинаси хотѣлъ высмѣять члена «Научнаго Общества» въ Константинополѣ, невѣжественнаго муллу-пінту, Вехби.

Пьеса открывается разговоромъ двухъ друзей: Муштакка-бея и Хикмета-эфенди. Муштаккъ-бей, поэтъ, изливается въ восторгахъ передъ своимъ другомъ по поводу предстоящей свадьбы. Его невѣста, Кумру-ханумъ, такъ молода, красива и умна. Одна бѣда: у нея есть сестра, отвратительная мегера, Саплине-ханумъ. Хикметъ-эфенди, — какъ уже указываетъ его имя ¹⁾, — по характеру, полная противоположность стремительному поэту; онъ старается умѣрить пылъ друга и предостерегаетъ, что родители невѣсты могутъ его одурачить, подсунувъ ему, — вмѣсто младшей дочери, красавицы Кумру-ханумъ, — ея сестру, давно уже засидѣвшуюся въ дѣвкахъ. Въ это время появляется сваха. Это — типъ восточной сводницы, готовой за деньги на все. Она объявляетъ жениху, что сейчасъ приведутъ его невѣсту, и потому онъ долженъ быть благоразуменъ и прекратить свои мальчишескія выходки. Муштаккъ-бей, по уходѣ свахи, начинаетъ размышлять о томъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь. Правда, онъ бѣденъ; однако онъ успокаиваетъ себя мыслями:

«Голубка, идеаль моей души!

Въ твоемъ желаю сердцѣ я свить себѣ гнѣздо.

Люблю тебя всѣмъ сердцемъ, отъ всей моей души,

И въ сердцѣ твоемъ нѣжномъ совью себѣ гнѣздо!

Вотъ подарокъ, по истинѣ достойный такого поэта, какъ я», — разсуждаетъ онъ.

¹⁾ „Хикметъ“ значитъ мудрость.

Между тѣмъ, опасенія друга, оказывается, были основательны. Воспользовавшись легкомысліемъ жениха, родители подсылаютъ старшую дочь, Сакине-ханумъ. Едва Муштаккъ-бей замѣчаетъ, что его обманули, — онъ подымаетъ крикъ и начинаетъ осыпать Сакине-ханумъ бранью. Вступаетъ сваха и зоветъ человѣка, заключавшаго брачный контрактъ, и сосѣдей, чтобы они вразумили жениха. Она грозитъ ему тюрьмой, но Муштаккъ-бей не смущается. «Я и тамъ проживу счастливо, — говоритъ онъ, — сопутствуемый благословеніями и добрыми пожеланіями кредиторовъ, которыхъ приобрѣлъ благодаря тебѣ». — А ну, какъ ты тамъ заболѣешь? — замѣчаетъ сваха. — «Мои кредиторы пошлютъ ко мнѣ доктора, который будетъ за мной ухаживать».

Во время ихъ водевильнаго разговора на сценѣ появляется Абу-лаклатат-уль-унфи, который заключалъ брачный договоръ между женихомъ и невѣстой; онъ сердитъ, что потревожили его ночной покой, и требуетъ, чтобы Муштаккъ-бей женился. Между ними затѣвается споръ, въ которомъ принимаютъ участіе сѣжавшіеся на шумъ сосѣди ¹⁾. Они начинаютъ передавать всевозможныя сплетни: такъ, ночной сторожъ («бекчи»), представитель старой Турціи, враждебный ко всякимъ новшествамъ, заявляетъ съ негодованіемъ, что когда онъ, въ силу своихъ обязанностей караульщика, спросилъ разъ возвращавшагося поздно ночью домой Муштакка-бея, куда онъ ходилъ, — тотъ отвѣчалъ: «въ тартарары» (театръ). Невѣжество толпы осмѣяно также въ лицѣ «хамбала» (носильщика), Атакъ-кесе. Еще не зная, въ чемъ дѣло, онъ бѣжитъ уже на шумъ и заодно съ сосѣдями выкрикиваетъ: «не надо намъ его!» Когда Хикметъ-эфенди спрашиваетъ у него, кого не надо, онъ наивно говоритъ, что не знаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе упрямства Муштакка-бея дѣло кончилось бы очень скверно для него; но на-счастье вмѣшивается другъ и успокаиваетъ расхорившагося «посаженаго отца», Абу-лаклатат-уль-унфи, — давъ ему хорошій кушъ. Картина мѣняется, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и «посаженный отецъ» торжественно заявляетъ, что если онъ говорилъ, что обручилъ большую дѣвушку, это еще не значитъ: ту, которая старше, а

¹⁾ Характерная народная сцена, которой нерѣдко пользуются народные разсказчики („меддах“).

ту, которая больше ростомъ. Немедленно онъ приказываетъ привести возлюбленную Муштатка-бея. Хикметъ-эфенди опять пробуетъ, но безуспѣшно, читать наставленія своему легкомысленному другу ¹⁾.

Съ литературной точки зрѣнія водевиль Шинаси-эфенди не представляетъ большой цѣнности. Въ пьесѣ видна еще неопытная рука драматурга,—и не удивительно, потому что это, кажется, первое въ османской литературѣ драматическое произведение ²⁾. Для исторіи сюжета я указалъ бы, что Шинаси, быть-можетъ, вспомнилъ библейскій рассказъ объ Иаковѣ, который, служа въ пастухахъ у Лавана, былъ обманутъ имъ, и чтобы жениться на Рахили, долженъ былъ сперва взять за себя старшую дочь, Лию ³⁾.

Пьеса важна какъ протестъ противъ укоренившейся на Востока системы брака. Шинаси-эфенди хотѣлъ показать своимъ соотечественникамъ, какія опасныя послѣдствія протекаютъ, когда человѣкъ беретъ въ жены дѣвушку, которую никогда не видалъ въ глаза ⁴⁾.

По своимъ взглядамъ убѣжденный сторонникъ европейскаго вліянія,—западникъ, Шинаси-эфенди не порывалъ однако связи со своимъ народомъ. Ему принадлежитъ одно изъ первыхъ собраній пословицъ. Въ предисловіи Шинаси называетъ пословицы «народной философіей». Правда, характеръ сборника опредѣляется господствовавшими тогда представленіями о народномъ языкѣ, а также личными мнѣніями. Такъ объясняется, съ одной стороны, пуризмъ Шинаси, проявившійся въ томъ, что онъ выбросилъ изъ собранія грубыя пословицы, а съ другой,—то, что наряду съ восточными параллелями, въ сборникѣ встрѣчаются пословицы французскія и, однажды,—латинская.

¹⁾ Германъ Вамбери, Очерки жизни и нравовъ Востока. Переводъ съ нѣмецкаго. СПб. 1877, стр. 41-52.

²⁾ Если не считать переведенной на османскій языкъ драмы „Велизарій“, которая была поставлена въ Константинополѣ въ 1842 году: A. Ubicini, Lettres sur la Turquie. Première partie. Paris. 1853. 2-е издание, стр. 250.

³⁾ Georg Jacob, Geschichte des Schattentheaters. Berlin. 1907, стр. 46-47, примѣчаніе 3.

⁴⁾ Впрочемъ, кое-какія отступленія отъ этого правила наблюдаются даже въ деревняхъ.

Подъ конецъ жизни Шинаси-эфенди занялся составленіемъ джагатайскаго (средне-азиатско-турецкаго) словаря; но смерть прервала его работу.

Это была широкая натура, для которой, по собственному выраженію Шинаси-эфенди, «родиной была вселенная, а соотечественниками—человѣчскій родъ».

Если при жизни, Шинаси-эфенди пришлось не мало страдать за прямоту своихъ сужденій, потомки оцѣнили его значеніе. «Благодаря Шинаси-эфенди,—пишетъ въ своей «Хрестоматіи» Тевфикъ-бей,—наша интеллигенція можетъ облекать въ ясную форму свои мысли и желанія и передавать ихъ другимъ; по этой причинѣ всѣ мы являемся духовными дѣтищами Шинаси-эфенди».

II.

Мехмедъ Намыкъ Кемаль-бей (1842-1888).

Западническія идеи И. Шинаси-эфенди не умерли съ нимъ; онѣ нашли еще болѣе яркое выраженіе въ ученикѣ его, Намыкѣ Кемаль-бей.

Несмотря на то, что по своему происхожденію, Кемаль-бей принадлежалъ къ старинному роду, выставившему цѣлый рядъ крупныхъ именъ, это былъ демократъ въ лучшемъ значеніи слова; всю жизнь боролся онъ съ предрасудками, сковавшими свободу его соотечественниковъ. Это былъ апостолъ европейскихъ идей, какъ выразился о немъ ориенталистъ Луиджи Бонелли ¹⁾, и какъ апостолы, прибавимъ, онъ цѣною жизни заплатилъ за свои убѣжденія.

Только онъ не сразу нашелъ свой путь. Сперва онъ занимался виршеплетствомъ,—пописывалъ или переводилъ стишки съ французскаго языка; но знакомство съ Шинаси-эфенди сыграло въ его жизни крупный переворотъ. Служа въ переводческомъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ снесъ однажды въ редакцію „Тасвиръ эфкаръ“ переведенную имъ дипломатическую ноту французскаго правительства, чѣмъ расположилъ къ себѣ Шинаси-эфенди.

¹⁾ Luigi Bonelli. La letteratura ottomana. Memorie (R. Istituto Orientale in Napoli). Napoli, 1904. I, стр. 72.

Когда Шинаси-эфенди, опасаясь ареста, покидалъ Константинополь, онъ сообщилъ Кемалю-бею, что на нѣкоторое время ѣдетъ въ Брусу на воды и, поручивъ ему завѣдываніе газетой, указалъ, какой программы долженъ держаться Кемаль-бей.

Съ этого момента газета „Тасвѣри эфкяръ“ вступаетъ въ новый фазисъ. Оставшись фактическимъ редакторомъ „Тасвѣри эфкяръ“, Кемаль-бей выказалъ сначала полное неумѣніе вести газету. Въ теченіе года газета заполнялась исключительно переводами изъ французскихъ газетъ. Правда, широкое заимствование матеріала изъ западныхъ газетъ объясняется политическимъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Европа. Европейскія державы серьезно были заняты въ шестидесятые годы двумя вопросами: польскимъ возстаніемъ и междоусобной войной Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Литературное значеніе газеты также все болѣе и болѣе падало. Газета, расходившаяся сперва въ двадцати четырехъ тысячахъ экземпляровъ, черезъ какой-нибудь годъ стала печататься уже въ количествѣ трехъ тысячъ. Въ 1866 году, съ началомъ Австро-прусской войны, значеніе „Тасвѣри эфкяръ“ снова поднялось. И редакторъ газеты въ умственномъ отношеніи выросъ. Особенный интересъ вызвали въ обществѣ статьи Кемаля-бея, политическія и литературныя. Для сужденія о публицистическомъ талантѣ Кемаля-бея приведемъ въ извлеченіи статью¹⁾, написанную во время волненій на островѣ Критѣ, по поводу слуховъ о предстоящемъ вмѣшателствѣ европейскихъ державъ.

«...Разъ въ Турціи установлено равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ, можно ли выдвигать вопросъ, который служить для другихъ источникомъ жалобъ, какъ затрагивающій интересы одного народа (т. е. греческаго населенія острова). Развѣ образъ дѣйствія правительства къ разнымъ народностямъ различенъ? Говорятъ, что отношеніе правительства неравно. Такъ почему же этого не доказываютъ опредѣленными ссылками? И если это — такъ, почему жалобы на правительство высказываются только въ отношеніи къ одному народу (грекамъ), а о другихъ — ни слова? При такой ненависти и партійности, какая можетъ быть рѣчь о справедливости?.. Въ Парижскомъ трактатѣ

¹⁾ Изъ перевода Ф. И. Хури.

(1856 г.) ясно выражено, что ни одно государство не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи. Въ такомъ случаѣ чего нужно европейцамъ отъ насъ? Невмѣшательство во внутреннія дѣла не есть ли въ настоящее время самое важное правило въ политикѣ? Вѣдь вотъ Россія, нарушая обязательства, разгромила Польшу... и хотя это касалось всѣхъ европейскихъ державъ, никто не протестовалъ. Отчего же намъ не пользоваться тѣми правами, которыми пользуются другіе?..»

Отстаивая политическую самостоятельность Турціи во внутреннихъ вопросахъ, Кемаль-бей началъ выдвигать въ своихъ статьяхъ принципъ народовластія. Впервые на страницахъ „Тасвѣри эфкяръ“ появился терминъ «младотурки», на которыхъ общество возлагало тогда всѣ свои надежды.

Своею издательскою дѣятельностью Кемаль-бей непрерывно пробуждалъ въ народѣ политическое самосознаніе. Однако скоро наступило вынужденное молчаніе: вслѣдъ за опубликованіемъ Кемалемъ-беемъ статьи о восточномъ вопросѣ, надъ печатью было учреждено болѣе строгое наблюденіе, а чтобы отдѣлаться отъ беспокойнаго журналиста, правительство задумало отправить Кемаля-бея въ Эрзерумъ. Подъ предлогомъ, что ему нужно устроить свои дѣла, Кемаль-бей выпросилъ себѣ отсрочку на нѣсколько мѣсяцевъ.

Онъ занятъ былъ тогда осуществленіемъ тайныхъ плановъ младотурецкаго кружка. Во главѣ правительства стоялъ Али-паша, чья политика, въ значительной степени, подготовила удушливую реакціонную атмосферу, свергнутого впоследствии, султана Абдуль-Хамида. Чтобы угодить султану Абдуль-Азизу, великій везиръ давилъ въ странѣ зарождающуюся свободу. Вслѣдствіе этого недовольство политическимъ строемъ росло и выразилось въ образованіи младотурецкаго кружка.

Кемаль-бей давно вошелъ въ составъ младотурецкаго комитета, проектировавшаго установить въ Турціи конституцію. Когда замыслы партій — побудить султана Абдуль-Азиза пойти на уступки были раскрыты, члены комитета тайно бѣжали (въ 1866 году) изъ Турціи; бѣжалъ также и Кемаль-бей. Младотурки устроились въ Лондонѣ, гдѣ начали издавать газеты «Мухабиръ» (Корреспондентъ) и «Хурриетъ» (Свобода). (Впоследствии органы младотурецкой партіи были перенесены въ Парижъ).

Живя въ Англій, Кемаль-бей воочию могъ видѣть богатство

западной культуры, передъ которой у него на-всегда осталось восторженное преклоненіе. О своихъ впечатлѣніяхъ онъ разсказалъ соотечественникамъ въ *«Путешествіи въ Лондонъ»*. Въ изображеніи Лондона Кемаль-бей впадаетъ иногда въ смѣшныя преувеличенія, когда, напр., говоритъ, что въ магазинахъ можно встрѣтить конторщиковъ, которые не задумаются критиковать философію права германскихъ ученыхъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, наблюдая англійскую жизнь, Кемаль-бей убѣдился въ могуществовъ человѣческаго ума, подчиняющаго себѣ силы природы. И, что больше всего удивляло его, это — полисмены, безмолвнымъ поднятіемъ жезла водворяющіе на улицахъ порядокъ.

Впослѣдствіи Кемаль-бей не разъ возвращался къ темѣ о цивилизаціи, значеніе которой невѣжды въ Турціи пытались сводить къ нулю. Шагъ за шагомъ разбивалъ онъ доводы своихъ противниковъ и доказывалъ всю пользу культурной обстановки, обеспечивающей человѣку спокойное, независимое политическое положеніе. «Я вѣрю,— писалъ Кемаль-бей,— что если мы, располагая такими спасительными каноническими правилами, какія заключены въ исламѣ; обладая необыкновенными способностями, сокрытыми въ народѣ; надлежащимъ образомъ возьмемъ за работу у себя, въ Турціи,—территорія которой нѣкогда, во времена халдеевъ, евреевъ, персовъ, арабовъ или грековъ, являлась школой знанія и центромъ просвѣщенія;—мы сумѣемъ создать такую цивилизацію, что удивимъ весь міръ». Но для этого нужно отказаться отъ предрасудковъ, сковавшихъ османцевъ по рукамъ и ногамъ, потому что это — высшая сила, вторгающаяся въ общественную и семейную жизнь.

Эти взгляды, сложившіеся у Кемалья-бея, несомнѣнно, во время заграничныхъ скитаній, развивались въ рядѣ статей, которыя напечатаны были, главнымъ образомъ, въ газетѣ *«Ибретъ»* (Назиданіе).

Какъ только въ Турціи умеръ великій везиръ Алій-паша, для младотурокъ явилась возможность вернуться (въ 1869 году) на родину, и они купили у одного армянина право на изданіе газеты *«Ибретъ»*.

¹⁾ Мнѣ припоминается по этому поводу,— *mutatis mutandis*, — исторія приказчика Больцани, ставшаго, благодаря Лобачевскому, профессоромъ физики въ Казани; Д. К л е м е н ц ъ, Изъ прошлаго. *Русскія Вѣдомости*, 1910. № 171.

Въ день выхода перваго номера газеты,—разсказывалъ мнѣ ветеранъ журналистовъ, Тевфикъ-бей Абу-з-зія,—на улицахъ Константинополя царило необычное оживленіе. На публику сильнѣе всего, лучше всякой рекламы, подѣйствовали имена младотурокъ, издателей газеты. Быстро номеръ былъ раскупленъ. Днемъ было выпущено второе изданіе въ пять тысячъ экземпляровъ. Всего, первый номеръ разошелся въ количествѣ двадцати пяти тысячъ экземпляровъ.

Ежедневно газета печатала статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, какъ-то: «Наша будущность обезпечена», «Европа не знаетъ востока», «Отечество», «Семья», «Предразсудки», «Мусульманская нравственность», «Право», «Равенство», «Просвѣщеніе», «Единеніе на почвѣ ислама», «Завоеваніе Хивы», «Бухара», и т. д. Составъ сотрудниковъ былъ очень разнообразенъ: былъ между ними Исмаиль Кемаль, впослѣдствіи мечтавшій объ автономіи Албаніи; былъ также Мемдухъ (министръ-реакціонеръ при султанѣ Абдуль-Хамидѣ). Когда Мемдухъ (паша), арестованный въ 1908 году, выпустилъ записку о младотурецкомъ движеніи, сатирической журналъ *«Карайезъ»* зло замѣчалъ, что кому же лучше и знать всю эту исторію, какъ не Мемдуху-пашѣ, тридцать лѣтъ преслѣдовавшему младотурокъ. Такъ странно раздѣлила судьба членовъ редакціи газеты *«Ибретъ»*, которая, борясь съ бюрократіей, выписывала у себя на знамени золотыя слова свободы.

Но не розами усѣянъ былъ путь газеты *«Ибретъ»*. Постъ великаго везира занималъ тогда Махмудъ Недимъ, послушное орудіе русскаго посла, гр. Н. П. Игнатьева. М. Недимъ, или, какъ его называли въ Турціи,—Недимовъ, поощрялъ всячески въ султанѣ Абдуль-Азизѣ стремленіе къ неограниченному правленію. Онъ повторялъ султану: «государство, нація,—словомъ, все находится въ рукахъ султана, и онъ воленъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Что касается Европы, то она не посмѣетъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Для насъ важнѣе прислушаться къ мнѣнію нашихъ сосѣдей-русскихъ. Поэтому съ Россіей намъ нужно быть въ дружбѣ. Выразителемъ взглядовъ великаго везира сталъ *«Хакъикъ-уль-векаи»* (Истины событій), офиціозный органъ Высокой Порты.

Газета *«Ибретъ»* безъ-устали полемизировала съ офиціозомъ, рѣзко комментируя распоряженія Высокой Порты. Сперва Порта терпѣла издѣвательства, но скоро закрыла газету.

Такъ, въ самомъ разгарѣ насильственно была прервана журнальная дѣятельность Кемалья-бея. Но еще большую славу стяжалъ онъ своими литературными произведеніями, и прежде всего, — своими драмами.

«Бѣдное дитя» (*Заваллы чоджукъ*) — первая драма Кемалья-бея, написанная имъ въ 1873 году. Вотъ содержаніе драмы.

I-е дѣйствіе. Въ домѣ Халиля-бея живетъ его бѣдный родственникъ, Ата-бей, талантливый студентъ-медикъ. Жизнь подъ однимъ кровомъ сближаетъ его съ дочерью Халиля, Шефикой. Шефика еще не достигла каноническаго возраста, и потому свободно можетъ видѣться съ Ата-беемъ ¹⁾. Молодые люди вмѣстѣ читаютъ, и на дѣвушку производитъ сильное впечатлѣніе повѣсть о дочери паши, полюбившей своего сосѣда. Когда ее выдаютъ замужъ за другого, юноша, съ горя, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Дѣвушка тоже лишаетъ себя жизни. Съ этихъ поръ Шефика задумывается надъ смысломъ любви. Ее особенно удивляютъ слезы Ата-бея, пролитыя имъ во время чтенія повѣсти. Черезъ нѣсколько времени, при встрѣчѣ, Шефика напоминаетъ объ этомъ Ата-бею и невольно признается ему въ любви. Ата-бей отвѣчаетъ ей тѣмъ же и, по просьбѣ ея, описываетъ ей свои чувства и ощущенія, вызываемыя въ немъ любовью. Бесѣду ихъ прерываетъ отецъ Шефики. Онъ видитъ, что между молодыми людьми что-то происходитъ и заставляя Ата-бея прочесть что-либо изъ книги, Ата-бей раскрываетъ книгу на описаніи чаръ любви. Послѣ ухода отца, Шефика проситъ у Ата-бея на память прядь волосъ.

II-е дѣйствіе. Когда-то Халиль-бей задолжалъ «саррафу» (мѣняль); теперь наследники «саррафа» требуютъ отъ него долгъ, и жена, чтобы избавить мужа отъ позора, предлагаетъ выдать дочь за богатаго старика. Отецъ однако упирается, такъ какъ безъ согласія дочери онъ не отваживается на такой шагъ. Они зовутъ дочь; изъ ложнаго стыда передъ отцомъ, дочь скрываетъ, что любитъ Ата-бея. Мать торжествуетъ. Но едва отецъ уходитъ, дочь съ плачемъ признается ей во лжи. Мать отговариваетъ ее, указывая на затруднительное положеніе отца, съ

¹⁾ При наступленіи половой зрѣлости дѣвушка, выходя на улицу, закрываетъ лицо „яшмакомъ“ (вуалью).

одной стороны, и на бѣдность Ата-бея, — съ другой. Она пускается на хитрость: «стало-быть, — говоритъ она, — ты хочешь, чтобы кредиторы засадили отца въ тюрьму; меня ты сведешь въ могилу, а твой нѣжный кузень будетъ побираться милостыней». Тогда дочь, сохраняя на лицѣ спокойствіе, соглашается принести въ жертву свое личное счастье.

Является Ата-бей. Онъ еще ничего не подозреваетъ, и съ радостью рассказываетъ Шефикѣ, что первымъ сдалъ экзаменъ; его хвалили, и посылаютъ врачомъ въ Анатолію или, какъ онъ говоритъ, — въ «Туркистанъ». Своими успѣхами въ наукахъ онъ обязанъ ей: любовь къ ней окрыляла его и вдохновляла. Однако Ата-бей замѣчаетъ у Шефики слѣды какого-то безпокойства; его удивляетъ ея нервность; но онъ удаляется, такъ ничего и не узнавъ. Между тѣмъ, Шефика кашляетъ и падаетъ въ обморокъ. У нея обнаруживаются первые признаки скоротечной чахотки.

III-е дѣйствіе. (Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ около мѣсяца). Шефика умираетъ. Случайно приходитъ Ата-бей и видя, въ какомъ безнадежномъ состояніи она находится, посылаетъ за ядомъ и выпиваетъ его на глазахъ дѣвушки. Потомъ онъ ложится рядомъ съ Шефикой и въ страшныхъ мученіяхъ умираетъ. На крики Шефики сбѣгаются домашніе, и Шефика объявляетъ имъ, что она — жена Ата-бея: смерть вѣнчала ихъ, и пусть поэтому раздадутъ бѣднымъ милостыню. Всѣ плачутъ. «Вотъ, до чего ты довела дочь», — говоритъ женѣ потрясенный горемъ Халиль-бей.

Въ драмѣ «Бѣдное дитя» Кемаль-бей хотѣлъ представить конфликтъ между долгомъ и чувствомъ. Достигъ ли онъ цѣли? Естественно ли развивается дѣйствіе? Съ точки зрѣнія мусульманина, — да: дѣвушка — безлична; она — безлична, какъ всякій вообще мусульманинъ, подавленный вѣрой въ предопредѣленіе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она такъ безропотно подчиняется желанію матери. Да и только ли въ османскомъ обществѣ таково положеніе женщины! Но въ характеристикѣ Шефики чувствуется искусственность. Реальнѣе зарисована мать, въ которой олицетворены застарѣлые предрасудки («любовь приходитъ послѣ брака», — рассуждаетъ она, и нечего, стало-быть, спрашивать дочь, согласна она на бракъ или нѣтъ, и т. д.). Какъ драматическое произведеніе, «Бѣдное дитя» слабо: пьеса состоитъ

больше изъ разговоровъ, длинныхъ и невѣроятныхъ по своему внутреннему содержанию.

Странно предположить, чтобы уже лѣтъ сорокъ тому назадъ въ османскомъ обществѣ были женщины, въ которыхъ такъ рельефно жило бы стремленіе къ образованію ¹⁾. Несомнѣнно, въ уста Шефики Кемаль-бей вложилъ свои мысли, и съ этой точки зрѣнія пьеса сохраняетъ свое значеніе. Несмотря на длинноты, — въ чтеніи, впрочемъ, пропадаящая, — пьеса до сихъ поръ находится въ гаремахъ горячихъ поклонницъ, для которыхъ печальная судьба Шефики такъ близка и понятна.

Пьеса любопытна еще тѣмъ, что на ней впервые замѣтно влияніе «Дамы съ камеліями», Дюма-сына. Типъ французской героини, Маргариты Готье, умирающей отъ чахотки, какъ нельзя болѣе пришелся по душѣ сантиментальнымъ османцамъ, и они не разъ возвращались къ нему въ своихъ романахъ и пьесахъ.

Какъ бы то ни было, недостатки пьесы покрываются важностью затронутого въ ней общественнаго вопроса: авторъ трактуетъ о необходимости — предоставить женщинѣ свободу чувства.

Другая драма, «Отечество, или Силистрія» (*Vatanъ İhtudъ Силистрія*), заслужила въ обществѣ еще болѣшій успѣхъ. Герой пьесы, Исламъ-бей, молодой офицеръ, по первому призыву бросаетъ горячо любимую имъ дѣвушку, Зекіе-ханумъ, и идетъ на защиту родины, которой угрожаютъ русскіе. Дѣвушка, одинокая не переноситъ разлуки, и тайно, въ одеждѣ мужчины, слѣдуетъ за своимъ женихомъ въ лагерь; она исполняетъ слова своего жениха, который передъ походомъ такъ возбуждалъ въ товарищахъ энтузіазмъ: «кто любитъ меня, пусть слѣдуетъ за мной!» Во время штурма Силистріи Исламъ-бей раненъ, и когда приходитъ въ себя, видитъ у своего изголовья Зекіеханумъ.

Чтобы выгнать изъ Силистріи русскихъ, требуется взорвать пороховой погребъ. Это берутся исполнить Исламъ-бей, переодѣтая

юношей невѣста его и «чаушъ» (ефрейторъ) Абд-улла. Казалось бы, смѣльчаки должны погибнуть; однако какимъ-то чудомъ они спасаются. Между тѣмъ открывается, что командиръ отряда подъ Силистріей никто иной, какъ отецъ невѣсты Ислама-бей, давно уже безъ вѣсти пропавшій. Узнавъ отъ Ислама-бей, что передъ нимъ — его дочь, онъ въ радости выдаетъ ее за героя. Такъ, съ ликованьемъ война отъ удачи сплетается восторгъ отъ личнаго счастья.

«Отечество, или Силистрія» принадлежитъ къ самымъ популярнымъ пьесамъ въ театральномъ репертуарѣ Турціи, и слушающая тирады о любви къ родинѣ, сѣдовласые османцы начинаютъ проливать слезы. Говорятъ, что когда пьеса впервые была поставлена въ Константинополѣ, публика, выходя изъ театра, восторженно кричала: «да здравствуетъ Кемаль!» Приподнятое настроеніе публики было истолковано врагами Кемалья-бей, какъ призывъ къ государственному перевороту, и Кемаль-бей былъ сосланъ на островъ Хіосъ.

Пьеса эффектна съ вѣншей стороны; но какъ французскія ложноклассическія пьесы, она скучна своими длиннотами. Дѣйствіе идетъ въ ней безпорядочно, и часто авторъ прибѣгаетъ къ устарѣлымъ приемамъ. Такъ, чтобы познакомить зрителей съ отцомъ дѣвушки, А. Сыдкли-беємъ, онъ заставляетъ его рассказать исторію своей жизни пріятелю Рюстему, который и введенъ въ пьесу какъ наперсникъ. Герои драмы, начиненные благородными мыслями, черезчуръ ужъ краснорѣчивы въ то время, когда отъ нихъ ожидается дѣйствіе, а не исповѣдь чувствъ. Это прежде всего нужно сказать о монологѣ Ислама-бей, гдѣ онъ поетъ хвалу своей родинѣ. По силѣ впечатлѣнія этотъ монологъ является однако лучшимъ мѣстомъ въ пьесѣ; въ немъ сказана горячая любовь Кемалья-бей къ Турціи, — любовь, которую онъ неизмѣнно выражалъ въ своихъ произведеніяхъ. «Отечество въ опасности, — восклицаетъ Исламъ-бей, — и мнѣ ли сидѣть спокойно дома! Любовь къ отечеству теперь должна быть всего священнѣе на свѣтѣ. Отечество — въ опасности! Слышишь ли ты? Меня Богъ сотворилъ. Отечество возростило. Меня Богъ питаетъ и питаетъ ради отечества. Я былъ нагъ... и одѣлся подъ сѣнью отечества... Развѣ я не человѣкъ? Развѣ у меня нѣтъ долга? Развѣ я не обязанъ любить отечество? Отечество,

¹⁾ Даже теперь онѣ представляютъ рѣдкое явленіе, и немало приходится имъ бороться съ невѣжественными фанатиками. Такъ, писательница Халиде (Салихъ), преподававшая въ Женской Учительской Семинаріи, должна была оставить школу, когда случайно поздоровалась въ училищѣ за руку съ преподавателемъ. О ней интересныя свѣдѣнія въ статьѣ А. Т у р к о в о й: *Речь*, 1912, № 154.

которое охраняетъ права и жизнь каждаго, теперь само нуждается для своей защиты въ сынахъ своихъ...»¹⁾).

Когда послѣ вынужденнаго перерыва пьеса Кемалья-бея лѣтомъ 1908 года была разыграна въ Константинополѣ, представлѣніе было сплошнымъ энтузіазмомъ. Отъ избытка чувствъ, такъ долго сдерживаемыхъ, публика неистово хлопала всякой фразѣ, въ которой видѣла осужденіе стараго, реакціоннаго режима.

Тема о любви къ родинѣ неоднократно затрагивалась Кемалемъ-беемъ въ его произведеніяхъ. Кемаль-бей любилъ не старую родину, забрызганную кровью насильниковъ; ему грезилась свободная Турція. Можно даже сказать, что любовь къ родинѣ была лейтмотивомъ его поэзіи, и не только драматической.

Въ «Сновидѣніи» (*Рюййя*) Кемаль-бей, воспользовавшись старой литературной формой, мечтаетъ о грядущихъ временахъ, когда спадутъ съ его отечества цѣпи рабства.

Въ «Стонахъ» (*Васейла*) онъ скорбитъ о своемъ несчастномъ отечествѣ, которое представляется ему закутаннымъ въ окровавленный саванъ. Оно какъ бы раскрываетъ передъ Богомъ свои нѣдра, и изъ нихъ показываются мученики, разсѣянные по всему лицу земли. «Ахъ,—восклицаетъ Кемаль-бей,—если ты погибнешь, и намъ ничего не останется, какъ, бросившись въ твои объятія, рассыпаться прахомъ у твоихъ ногъ!» Однако онъ не падаетъ духомъ; въ заключительной «касыдѣ» онъ съ проной обращается къ тиранамъ, старающимся подавить въ народѣ стремленіе къ свободѣ. «Если можешь,—вызывающе кричитъ Кемаль-бей,—возьми у человечества разумъ... Пройдетъ еще немного времени, и очнется отъ безпечнаго сна гнѣвный левъ»,—заканчиваетъ онъ свою касыду, въ которой слышится мужественный призывъ къ свободѣ.

Раздумывая о томъ, что ввергло Турцію въ несчастья, Кемаль-бей не можетъ замалчивать губительнаго вліянія, какое оказывала политика Россіи. Онъ пускаетъ ядовитыя стрѣлы сарказма по адресу сѣверной сосѣдки, изображая ее въ видѣ орла, который, подкошенный, влачитъ по землѣ свои крылья.

¹⁾ В. Д. Смирновъ. Турецкая (= османская) цивилизація. *Восточныя Европы*. 1876, кн. IX, стр. 15.

Когда-то онъ своими крыльями заслонялъ отъ міра свѣтъ; но могуществу его, думаетъ поэтъ, близится конецъ. «Въ одинъ прекрасный день рухнетъ колоссъ, и если онъ изъ камня,—его разобьютъ на куски, а если онъ изъ мяса,—его пожрутъ. Народы воскликнутъ: погибъ презрѣнной смертью «богъ войны», а мы, пораженные Божіимъ предопредѣленіемъ, будемъ твердить: какъ великъ Богъ! Чудны дѣла Его!» Это стихотвореніе было написано Кемалемъ-беемъ во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ, и въ немъ отразились мечты османскихъ патріотовъ объ удачномъ исходѣ войны для османцевъ.

Одно время искренность общественно-политическихъ взглядовъ Кемалья-бея была заподозрѣна, и его обвиняли въ томъ, что онъ настаивалъ передъ султаномъ Абдуль-Хамидомъ на бесполезности конституціи. Толки о Кемаль-бее нашли себѣ отголосокъ въ тенденціозной работѣ А. Мидхата «Основы потрясенія» (*Ўссинкильбѣ*), гдѣ онъ подвергаетъ критикѣ эпоху реформъ въ Турціи. Теперь, послѣ опубликованія писемъ Кемалья-бея А. Мидхату, эти сомнѣнія должны рушиться.

Если въ драмѣ «Отечество, или Силистрія» Кемаль-бей беретъ звучные аккорды, въ которыхъ славословить въ человѣкѣ, отрекающемся отъ своихъ выгодъ и интересовъ, чувство любви къ родинѣ,—въ драмѣ «Джелляль-эд-динъ» горизонтъ его расширяется, и онъ грезитъ объ единствѣ между мусульманами. Провозвѣстникомъ этихъ, пожалуй, панисламскихъ тенденцій у него выведенъ шахъ Харезма (Хивы), Джелляль-эд-динъ (1220—1231). Написанная, вѣроятно, подъ вліяніемъ «Кромвеля» В. Гюго, пьеса Кемалья-бея дышитъ страстнымъ протестомъ противъ системы управленія османскихъ султановъ. Обычная романтическая канва также блещетъ перлами таланта. Вотъ для образца монологъ Михри-джиханъ, повелительницы Тавриза, влюбленной въ Джелляль-эд-дина.

«О мой господинъ, мой господинъ! Я внимательно слушала твои слова. Когда ты говоришь, какъ бы распускаются розы и жасмины, сотканые изъ зорницы... Я не могу вложить въ свое сердце даръ слова и переслать тебѣ, чтобы изъяснить тебѣ, какъ бы желала, свои чувства.

Выслушай меня! Четыре года была я женою другого. Въ этой тюрьмѣ рабской неволи,—тюрьмѣ, которую вы, мужчины, зовете величественнымъ дворцемъ счастья, я провела самые

свѣтлые, самые блестящіе часы своей весны. Чѣмъ еще могутъ развлекаться несчастные, брошенные весною въ темницу, въ руки палача, какъ не пѣніемъ соловьевъ? И я... если у меня была какая забава, такъ это—пѣніе избранныхъ соловьевъ, которыхъ величаютъ поэтами. Я читала много описаній идеальной любви. Вездѣ—одна исторія: сердце, на границѣ между дѣтствомъ и юностью, подобно красавицѣ, которая просыпается отъ сна только потому, что лучи солнца ослѣпляютъ ея глаза,—безмятежно предается невиннымъ забавамъ и, убаюкивая себя надеждами, вкушаетъ живительный покой, сладкую нѣгу; всюду сердце видитъ тогда одно сіяніе красоты. Оглядываясь вокругъ себя, сердце думаетъ, что оно—въ какомъ-то раю, среди прелестей и среди свѣта въ тысячѣ формъ и цвѣтовъ. Ему кажется, что воздухъ, который оно вдыхаетъ, полонъ аромата жизни, а земля, которую топчаты его ноги, насыщена эссенціей духа. Оно испытываетъ наслажденіе, какъ если бы созерцало теченіе рѣки, въ водахъ которой, при свѣтѣ луны, отражаются серебристые тополя. Оно приходитъ въ экстазъ отъ радости, что наступаетъ вѣчное блаженство, о которомъ страстно мечтаетъ всякая живая душа,—блаженство, котораго такъ долго искало оно, съ эпохи созданія человѣка. Оно какъ бы говоритъ: судьба, рассчитывая помѣстить меня въ бранный міръ,—раскрыла, тѣмъ не менѣе, передо мною двери рая, и мой приходъ въ міръ совпалъ съ весною этого вѣчнаго обиталища счастья. Однако скоро,—увы!—сердце натывается на жестокость какого-то соперника, который убиваетъ въ немъ всѣ надежды, превосходя своимъ безстыдствомъ рокъ человѣческаго рода, или оно встрѣчаетъ на своемъ пути разлуку, которая, по силѣ вызываемаго ею отчаянія, можетъ потягаться со смертью; или, наконецъ, оно сталкивается со старостью, которая давитъ душу, какъ Божій гнѣвъ. И вотъ, ярко-пестрые цвѣта становятся отвратительнѣе переливовъ, въ июльскую жару, на змѣиной кожѣ; калейдоскопическія прелести—страшнѣе огненныхъ языковъ, изгибающихся отъ порывовъ вѣтра. Каждый атомъ воздуха какъ бы напоенъ ядомъ, и въ каждой горсти земли сердцу чудятся разсыпавшіеся въ прахъ человѣческіе трупы. Міръ, еще недавно казавшійся раемъ,—теперь для него адъ, сосредоточившій въ себѣ въ какіе-нибудь нѣсколько дней всѣ пытки вѣчныхъ мученій. Тогда, подавленный, человѣкъ падаетъ подъ бременемъ сильныхъ страстей; или

онъ старается найти радость въ новыхъ тревоженіяхъ любви. Ему кажется, что отъ кровавыхъ слезъ, горько проливаемыхъ имъ на землю, исходятъ лучи,—рождается вселенная, вся сіяющая отъ горячихъ вздоховъ, выпускаемыхъ имъ...

Таково, въ общихъ штрихахъ, содержаніе его драмъ. Въ драмѣ, по преимуществу, Кемаль-бей выражалъ свои заповѣдныя мысли, и причина тому—наглядность и убѣдительность идей на подмосткахъ театровъ; въ «Письмѣ о театрѣ» онъ называетъ театр «полезной забавой», оказывающей нравственное воздѣйствіе на народъ. Драммы Кемалья-бея будили въ обществѣ дремавшія чувства; ихъ герою призывали зрителей сбросить съ себя оковы вѣковой спячки, которая привела страну на край гибели.

Въ романахъ Кемалья-бея,—особенно въ романѣ «Предостереженіе, или приключенія Алія-бея» (*Итибахъ яхудъ Али-бей серюзешити*) тонъ спокойнѣе. Герой романа, Алій-бей, вкусилъ верхушекъ европейской образованности, и авторъ съ какой-то любовностью говоритъ о немъ, хотя съ нашей точки зрѣнія, это—легкомысленный повѣса. Романъ живописуетъ домашній бытъ османцевъ; иногда Кемаль-бей раскрываетъ язвы Турціи (какъ, напр., при описаніи поисковъ матерью для своего сына любовницы), и странно, пожалуй, что Кемаль-бей такъ равнодушно воспроизводитъ позорящіе его родину нравы, повидимому, не уясняя себѣ всего ихъ ужаса ¹⁾.

Романъ «Джезми», сюжетъ котораго взятъ изъ войны съ Персіей въ XVI столѣтіи,—превосходитъ «Приключенія Алія-бея» композиціей и богатствомъ красокъ. Талантъ Кемалья-бея въ «Джезми» зрѣлѣе. Это произведеніе, какъ и драма «Джеляль-эд-динъ», создавалась въ то время, когда Кемаль-бей изъ узкаго круга идей, вращающихся вокругъ родины, хотеть перешагнуть уже національныя путы, чтобы въ грезахъ создать единое мусульманское государство, въ которомъ его родина—лишь звено, связующее Востокъ съ Западомъ. Возвышенность идеаловъ Кемалья-бея ярко проступаетъ въ героѣ романа, Адиль-Гирей. Очарованный персидской красавицей, Периханъ (сестрой

¹⁾ Содержаніе романа подробно передано въ «Очеркѣ исторіи турецкой (=османской) литературы», В. Д. Смирнова: Всеобщая исторія литературы Корша-Кирпичникова, СПб. 1892, т. IV, стр. 532—539.

шаха), онъ выкладываетъ передъ ней свою душу и говоритъ, что какой-то тайный голосъ, даже въ минуты блаженства и счастья, нашептывалъ ему на ухо слова, будившія въ немъ стремленіе къ безконечному: «Уносись выше изъ бреннаго міра; увлекаться имъ можетъ только безумецъ... Уносись выше, вѣдь есть надземные міры, гдѣ человѣкъ вкушаетъ невѣдомое блаженство»...

Страстность тона объясняется въ значительной степени происхожденіемъ Кемалья-бея: онъ унаслѣдовалъ отъ матери своей, албанки, «неистовство» дикаго сына горъ, который вѣками отстаивалъ свою независимость отъ посягательствъ централизирующаго правительства.

Мечты объ единствѣ мусульманскихъ странъ, подтачиваемыхъ спорами изъ-за какихъ-то религіозныхъ мелочей, носились передъ нимъ и тогда, когда онъ писалъ свои «Разрозненные листки» (*«Эвряки першианъ»*). По живости изображаемыхъ портретовъ и по рельефности стили, «Разрозненные листки» занимаютъ въ ряду прозаическихъ произведеній Кемалья-бея едва ли не первое мѣсто. Герои Кемалья-бея взяты не только изъ исторіи Турціи: султанъ Мехмедъ II (1451—1481), Селимъ I «Грозный» (1512—1520), но вообще, изъ міра мусульманскихъ властителей, прославившихъ въ исторіи свое имя (Салахъ-эд-динъ, Саладинъ въ европейской литературѣ).

Недолгая литературная дѣятельность Кемалья-бея внесла въ сознаніе народа новыя идеи; Кемаль-бей ясно понималъ оторванность старой османской литературы отъ жизни, и безпощадно громилъ старый литературный Парнасъ. Впрочемъ, кое-кого онъ все-таки цѣнилъ; на его творчествѣ сказалось, кажется, влияние сатирика Нѣфъи (жилъ въ XVII вѣкѣ). Въ предисловіи къ переводу, съ персидскаго, «Весны знанія» (*Бехари дамшиз*) Кемаль-бей еще рѣзче произноситъ приговоръ надъ старой литературой, — рабской подражательницей персовъ. Не то, чтобы Кемаль-бей отрицалъ за персидской литературой всякое значеніе; наоборотъ, онъ восхищается ею и говоритъ, что если бы въ османской литературѣ было хоть одно произведеніе, равное по своимъ достоинствамъ «Гюлистану» Саадія или «Месневи» Джеляль-эд-дина Руми, — османская литература до скончанія вѣка могла бы имъ гордиться. Предисловіе Кемалья-бея заключаетъ еще въ себѣ цѣнную мысль, что книги должны писаться не для элитовъ, а для всего народа; этому принципу Кемаль-бей

слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ (драматическихъ), и въ этомъ — его сила и значеніе.

Послѣдніе годы своей жизни Кемаль-бей провелъ вдали отъ Константинополя. Султанъ Абдуль-Хамидъ опасался его популярности, и удерживалъ въ провинціи. Вынужденное уединеніе пагубно отозвалось на здоровьѣ Кемалья-бея: онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе хирѣлъ; его угнетала тоска, и задумавшись, онъ меланхолически ходилъ часами у себя по комнатѣ. Вскорѣ (въ 1888 году) пришла избавительница — смерть. Останки Кемалья-бея были перевезены въ Галлиполи и похоронены надъ Дарданеллами, у входа въ Мраморное море, которое онъ такъ любилъ въ его радужныхъ переливахъ.

Съ тѣхъ поръ могила Кемалья-бея, мученика свободы, въ глазахъ османцевъ освятилась, и сотни паломниковъ устремляются ежегодно лѣтомъ въ Галлиполи, чтобы поклониться праху дорогаго наставника жизни.

Среди османскихъ писателей нѣтъ другого, чье имя произносилось бы съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ имя Кемалья-бея. Въ вѣкъ разнузданной реакціи, когда достаточно было сказать одно слово «Кемаль», чтобы навлечь на себя гоненіе правительства, — молодежь втихомолку зачитывалась его сочиненіями, которыя были для нея путеводной звѣздой, общавшей близкій разсвѣтъ. Кемалю-бею этого разсвѣта, — увы! — не суждено было дождаться. «Если я умру, — восклицалъ Кемаль-бей въ одномъ стихотвореніи, — прежде чѣмъ увижу свое отечество въ счастіѣ, — пусть на моемъ могильномъ камнѣ будутъ начертаны слова: «если отечество мое въ печали, печалюсь съ нимъ и я!»

III.

«Научное османское Общество».

Первые османскіе западники раскрыли передъ своимъ народомъ, какая глубокая пропасть лежитъ между Европой и Турціей. По мѣрѣ силъ они старались знакомить своихъ соотечественниковъ съ западной культурой; однако эта задача такъ обширна, такъ настоятельно требуетъ быстрого разрѣшенія, что старанія отдѣльныхъ лицъ уже недостаточны. Необходимы объединенныя усилія всего интеллигентнаго класса, проникшагося важностью образованія.

Одной из таких крупных культурных сил, насаждавших в стране просвещение, явилось «Научное османское Общество». Общество было основано в 1861 году по инициативе Мюнифа. Уставъ Общества, напечатанный в его органе *«Меджмуайи фюнунъ»*, сочиненъ, очевидно, по образцу европейских (французских) Обществъ. Прежде всего, Общество заявляет, что своей деятельностью оно преследуетъ учено-просветительныя цѣли и категорически исключаетъ изъ программы вопросы религіи и политики. По своему характеру, Общество в той же степени демократично, какъ демократично исламское вѣроученіе. Двери его раскрыты были для всѣхъ, сочувствующихъ его задачамъ, будь онъ мусульманинъ, христіанинъ или еврей. Къ членамъ предъявляются только требованія, вытекающія изъ устава Общества: сверхъ одного изъ восточныхъ (османскаго, арабскаго или персидскаго) языковъ, каждый обязательно долженъ знать какой-либо европейскій языкъ: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій или греческій. Исключеніе составляетъ президіумъ Общества: отъ предсѣдателя и секретаря требуется только знаніе османскаго языка и стилистики ¹⁾. Члены Общества обязаны были ежемѣсячно вносить одинъ «меджидъ» (= 1 р. 60 коп.).

Хотя о рамкахъ деятельности Общества в уставѣ говорится неясно, Общество съ первыхъ шаговъ показало, какъ широко понимаетъ оно свои задачи. Кромѣ обычныхъ засѣданій, происходившихъ еженедѣльно по пятницамъ, оно устраивало при константинопольскомъ университетѣ публичныя лекціи, и въ ихъ организаціи большое участіе принималъ великій везиръ Фуадъ-паша. Лекціи и курсы были сочувственно встрѣчены обществомъ, такъ какъ отвѣчали проснувшейся жаждѣ знанія. Иногда на лекціяхъ присутствовало до 500 человекъ; эта цифра, сама по себѣ крупная, еще болѣе вырастетъ, если мы припомнимъ, что Турція тогда только-что становилась на путь реформъ. Лекціи захватывали разныя дисциплины человѣческаго знанія: Эджемъ-паша и Дервишъ-паша читали лекціи по естественнымъ наукамъ, Каратеодори-паша — по римской исторіи, Салихъ — по ботаникѣ, историкъ Хайръ-улла и А. Вефикъ-паша (первый пред-

¹⁾ Эта оговорка, противорѣчащая уставу, очевидно, была сдѣлана для перваго президіума Общества, избраннаго изъ членовъ-учредителей.

сѣдатель османскаго парламента ¹⁾—по исторіи Турціи. Оповѣщая читателей о курсѣ Хайръ-уллы, редакторъ журнала *«Меджмуайи фюнунъ»*, Мюнифъ, въ особенную заслугу ставилъ лектору, что онъ не ограничивается изложеніемъ голыхъ фактовъ, но старается стать на прагматическую точку зрѣнія. «Если на исторію смотрѣть, какъ на собраніе веселыхъ разсказовъ, тогда, разумѣется, между знаніемъ и невѣжествомъ нѣтъ никакой разницы, и бесполезно изучать исторію. Но мы предъявляемъ къ исторіи другія требованія»,—заканчивалъ статью Мюнифъ.

Эти лекціи перваго свободнаго университета в Турціи, изъ которыхъ слушатель узнавалъ объ успѣхахъ знанія на Западѣ, сыграли въ образованіи османскаго общества большую роль.

Доклады, читавшіеся на засѣданіяхъ Общества, а также публичные курсы печатались обыкновенно в органѣ Общества, выходящемъ в свѣтъ около четырехъ лѣтъ. Общество такъ прочно стало на ноги, что могло уже оборудовать свою типографію, гдѣ и печатало журналъ. Только одинъ разъ встрѣтились матеріальныя затрудненія, и въ изданіи журнала произошла заминка. Извиняясь передъ читателями, редакція оправдывалась тѣмъ, что «въ этомъ мѣрѣ всѣ дѣла, для насъ сокровенныя,—игрушка въ рукахъ судьбы».

Редакторомъ журнала былъ Мюнифъ, в послѣдствіи трижды занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія. Свое образованіе получилъ онъ в Берлинскомъ университетѣ; прекрасно зналъ западные языки и, встрѣчая иностранца, Мюнифъ, сохранившій до смерти бодрость, неизмѣнно заговаривалъ съ нимъ на иностранныхъ языкахъ, не столько, вѣроятно, чтобы испытать своего собесѣдника, сколько, чтобы воскресить въ своей памяти молодость, когда онъ такъ горячо ратовалъ за европеизацію османскаго общества.

Съ нашей точки зрѣнія *«Меджмуайи фюнунъ»*, какъ указываетъ уже заглавіе (*сборникъ наукъ*), былъ не журналомъ, съ опредѣленно-очерченной политической или общественной физиономіей, а скорѣе именно сборникомъ, въ которомъ печатались статьи разнообразнаго содержанія. Это былъ, такъ-сказать, без-

¹⁾ Большой оригиналь, онъ одергивалъ в парламентѣ неудобныхъ ему ораторовъ окрикомъ „сузъ“ (Молчи!).

б) „Утарида“ (Меркурій).

Спустя два года нѣкто Сами, родомъ изъ Мосула, сталъ выпускать газету подъ названіемъ „Утарида“. Этотъ человѣкъ прекрасно владѣлъ восточными языками, но онъ не зналъ ни одного западно-европейскаго языка. Фактическимъ редакторомъ былъ Айетъ-улла, сынъ (нумизмата) Субхи-паши, выдававшійся между сверстниками талантиностью. Но въ общественно-политическихъ воззрѣніяхъ онъ былъ неустойчивъ: въ первомъ номерѣ газеты онъ высказался за конституцію, во второмъ номерѣ сталъ уже возражать себѣ. Словомъ, въ то время, какъ Айетъ-улла, очевидно, еще не далъ себѣ отчета, какого направленія будетъ держаться газета,—правительство закрыло ее. Вскорѣ Айетъ-улла ясно обнаружилъ шаткость своихъ убѣжденій, до-несши правительству о существованіи младотурецкой партіи.

в) „Басиретъ“ (Дальновидность).

Незадолго до Франко-прусской войны нѣкто Алиі началъ издавать газету „Басиретъ“. Въ то время константинопольское общество раскололось на двѣ партіи. Значительная часть общества была, естественно, на сторонѣ французовъ: большинство османской интеллигенціи получило за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ французское образованіе. Но побѣда, одержанная Пруссіей надъ Австріей въ 1866 году, направила симпатіи османцевъ въ сторону Пруссіи. Къ тому же, издавна въ артиллеріи были нѣмецкіе инструкторы. Высшіе офицеры арміи также воспитывались подъ руководствомъ иностранныхъ,—нѣмецкихъ офицеровъ. Значеніе галломанской партіи начало еще больше падать вслѣдствіе политики Наполеона III, предпринявшаго, въ защиту христіанъ, военную экспедицію въ Сирію (послѣ Ливанской рѣзни въ 1860 году). Когда же, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій между нѣмцами и французами, послѣдніе стали терпѣть пораженія, ихъ сторонники въ Турціи были еще сильнѣе скомпрометгированы.

Газета „Басиретъ“ явилась проводникомъ германофильскихъ идей. Яростно высмѣивая галломановъ, Алиі полемизировалъ все съ газетой „Таракки“ (Прогрессъ) и въ концѣ-концовъ восторжествовалъ надъ ней, приобрѣтши всеобщее расположеніе.

Это такъ понравилось Бисмарку, что онъ,—если вѣрить разсказу Алиі,—вызвалъ его въ Берлинъ, чтобы выразить ему свою благодарность, и щедро наградилъ его.

Во внутреннихъ вопросахъ газета держалась клерикально-реакціоннаго направленія. Разъ однако и „Басиретъ“ навлекъ на себя гнѣвъ министра полиціи, Хюсни паши, который засадилъ редактора въ тюрьму, за то, что въ газетѣ была напечатана такая фраза: «въ Турціи положеніе журналиста хуже, чѣмъ положеніе полицейскаго». Какъ,—кричалъ министръ,—смѣешь ты такъ отзываться о полицейскомъ, въ формѣ котораго (на груди)—эмблема государства (полумѣсяцъ)?

г) Юмористическія и сатирическія газеты.

Первую юмористическую газету сталъ издавать въ Турціи Тодоръ Касабъ, родомъ изъ Цезарей (Каппадокійской). Въ молодости онъ отправился въ Парижъ и приобрѣлъ тамъ расположеніе Дюма-отца, который ввелъ молодого грека въ свой домъ. Когда Дюма-отецъ предпринялъ, въ періодъ объединенія Италіи, путешествіе на югъ,—онъ взялъ съ собой Т. Касаба. По смерти Дюма-отца Т. Касабъ вернулся въ Константинополь и началъ издавать двѣ юмористическія газеты,—одну на османскомъ языкѣ, другую,—подъ названіемъ „Diogène“,—на французскомъ.

Газеты Касаба своими мѣткими остротами быстро завоевали себѣ симпатіи общества. Разъ десять газеты приостанавливались и наконецъ совсѣмъ были закрыты. Послѣ долгихъ мытарствъ Т. Касабу удалось выхлопотать разрѣшеніе на изданіе газеты „*Чыгыраклы татаръ*“ (Курьеръ). Эта газета выходила около года, пока также не была закрыта, по настоянію русскаго посла, гр. Игнатъева, оскорбленнаго шутовской выходкой по адресу Россіи. Тогда Т. Касабъ сталъ одновременно издавать журналъ на трехъ языкахъ,—османское изданіе называлось „Хайяль“ (Гѣневой театр).

Журналъ „Хайяль“ напалъ на политику великаго везира-русофила, М. Недима; это придавало ему пикантность въ глазахъ публики, которая жадно читала выходившіе номера. Когда въ 1876 году султанъ Абдулъ-Хамидъ провозгласилъ въ Турціи конституцію, „Хайяль“ одинъ сохранялъ,—среди ликованій прес-

сы,—сдержанность, предчувствуя, вѣроятно, что эта свобода, дарованная сверху, безъ глубокихъ корней въ народѣ, недолговѣчна. Въ одномъ изъ номеровъ „Хайяля“ была изображена печать въ оковахъ, а внизу была подпись: «свободна въ предѣлахъ закона». За эту дерзость правительство привлекло редактора къ отвѣтственности. Однако мрачныя предположенія „Хайяля“ оказались справедливы. Вскорѣ правительство, воспользовавшись статьей 113-й акта о конституціи,—предоставившей ему въ извѣстныхъ случаяхъ дискреціонную власть,—объявило Константинополь въ осадномъ положеніи. „Хайяль“ вздумалъ было порицать это распоряженіе, и былъ закрытъ, а редакторъ его, Т. Касабъ, былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Печать, съ ограниченнымъ кругомъ читателей, еле-еле влачила свое существованіе. Въ ней развивалась съ годами рептильность, тѣмъ болѣе, что правительство субсидировало обыкновенно политическія газеты. Когда же надъ печатью сталъ висѣть Дамокловъ мечъ цензуры, учрежденной послѣ русско-турецкой войны 1877-1878 годовъ¹⁾, правительство, прекративъ субсидированіе, спокойно смотрѣло, какъ газеты и журналы, не успѣвъ расцвѣсти, чахли и умирали.

Эта незавидная участь печати обратила на себя вниманіе сатирическаго журнала „Карагёзъ“ (названнаго такъ по имени главнаго дѣйствующаго лица тѣневого театра,—родъ Петрушки); въ остроумномъ діалогѣ между Карагёзомъ и его другомъ, Хаджи Эйвадомъ, журналъ „Карагёзъ“, издававшійся неутомимымъ Т. Касабомъ въ недолгое царствованіе султана Мурада V, такъ выражалъ свое сочувствіе²⁾:

Хаджи Эйвадъ: Да скоро ли ты перестанешь стонать? Кто тамъ умеръ?

Карагёзъ: Ахъ, умеръ „Иттихадъ“³⁾ (Единство), нашъ дорогой

¹⁾ Сперва газеты возникали только съ Высочайшаго соизволенія, и такъ какъ одновременно съ разрѣшеніями, онѣ пользовались правительственной субсидіей (около 2½ тысячъ рублей въ годъ), ясно, что о независимости органовъ печати не могло быть и рѣчи.

²⁾ Въ діалогѣ все время идетъ игра словъ.

³⁾ Во время русско-турецкой войны газета экипировала на свой счетъ полкъ волонтеровъ.

„Иттихадъ“! Онъ кончилъ дни свои; онъ умеръ отъ голода, какъ и „Истибаль“ (Счастье), мой бѣдный другъ, Хаджи Эйвадъ!

Хаджи Эйвадъ: Жаль! Ты правъ, вздыхая по немъ. Пропливай же слезы, проливай ихъ въ такомъ же изобиліи, въ какомъ струится вода изъ константинопольскихъ фонтановъ.

Карагёзъ: „Иттихадъ“ былъ роза, и какъ роза, о смерти которой груститъ французскій поэтъ (Мальзербъ), онъ жилъ такъ же недолго, какъ и роза. Мы не услышимъ болѣе его философскихъ размышленій, его соловьиныхъ трелей... Какъ много знанія распространялъ онъ!

Хаджи Эйвадъ: Такъ, „Иттихадъ“ умеръ отъ голода? А правительство все еще требуетъ съ насъ сборъ за бумагу?¹⁾

Карагёзъ: Я боюсь за всю османскую печать. Уже и надъ „Садакатъ“ (Чистосердечіе, Милостыня) нависла гроза.

Хаджи Эйвадъ: Разумѣется, это—дѣло рѣшенное. „Садакатъ“ такъ была докучлива и все приставала то къ одному, то къ другому.

Карагёзъ. Ахъ, такъ закроются все газеты!

V.

Тевфикъ-бей Абу-з-зія (родился въ 1848 году).

Какъ старѣйшіе «западники», такъ и пресса единодушно сходились на необходимости для народа просвѣщенія. Живымъ проводникомъ этой идеи въ османскомъ обществѣ явился Тевфикъ-бей Абу-з-зія. Съ одной стороны, критикъ,—онъ разъяснялъ общественное значеніе литературныхъ произведеній; съ другой стороны, это былъ практическій дѣятель,—онъ реорганизовалъ въ Турціи типографское дѣло и выпустилъ на книжный рынокъ безчисленное количество строго подобранныхъ сочиненій, старыхъ и новыхъ, и въ этомъ отношеніи Абу-з-зія занимаетъ въ исторіи просвѣщенія въ Турціи то же мѣсто, что у насъ—покойный Ф. Θ. Павленковъ.

Начальное образованіе Абу-з-зія получилъ подъ руководствомъ «ходжи» (духовный учитель), о которомъ вспоминаетъ съ досадой.

¹⁾ Этотъ сборъ былъ отмененъ сравнительно недавно.

Подросткомъ поступилъ онъ уже на службу; семнадцати лѣтъ посѣщалъ лекціи «Научнаго османскаго Общества». Абу-з-зія усердно слушалъ лекціи по римской исторіи и по ботаникѣ; наибольшее вліяніе оказалъ на него нѣкій Искендеръ-бей, пруссакъ, обратившійся въ Турціи въ исламъ. Абу-з-зія, понимавшій важное значеніе иностранныхъ языковъ, обратился къ нему съ просьбой—обучить его какому-нибудь языку, и тотъ въ теченіе семи мѣсяцевъ занимался съ нимъ англійскимъ языкомъ, пока, по своей неосторожности, не умеръ отъ свирѣпствовавшей въ Константинополѣ холеры.

Сначала Абу-з-зія не чувствовалъ никакой склонности къ публицистикѣ. Его болѣе увлекала живопись, и онъ хотѣлъ даже ѣхать съ этой цѣлью за границу. Однако ему прежде всего приходилось подумывать о томъ, какъ прокормить свою семью. Поэтому онъ обратился къ редактору „*Джерибѣи хавадисъ*“, Н. Черчиллю; тотъ устроилъ его у себя, и Абу-з-зія сталъ вести въ газетѣ хронику. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ прекратилъ сотрудничество въ полуофициальной газетѣ и перешелъ въ газету „*Тасвиръ эфьяръ*“ къ Кемалю-бею. Такъ завязалась дружба его съ Кемалемъ-беємъ, идею котораго Абу-з-зія популяризировалъ въ дешевыхъ изданіяхъ.

Вскорѣ Абу-з-зія былъ принятъ въ составъ младотурецкаго Общества, основаннаго для испроверженія въ Турціи абсолютизма.

Основателемъ Общества былъ Нури-бей, родственникъ султана Абдуль-Хамида. Впослѣдствіи однако султану удалось привлечь его на свою сторону деньгами. Душой Общества былъ Мехмедъ-бей. Это былъ въ высшей степени экзальтированный юноша, выросшій въ Парижѣ. Потомъ онъ издавалъ въ Женевѣ газету „*Инкилябъ*“ (Переворотъ). Большую роль въ Обществѣ игралъ также Решадъ-бей, человѣка характера насмѣшливаго. Онъ перевелъ на османскій языкъ рѣчь Франклина, подъ заглавіемъ „*Риджули салихъ*“ (Благочестивый мужъ), въ видѣ воскресной проповѣди, обращенной къ народу; при этомъ, примѣняясь къ жизни своего народа, онъ пересыпалъ рѣчь османскими пословицами.

Всѣ трое: Мехмедъ бей, Нури-бей и Решадъ-бей, во время Парижской осады находились въ рядахъ національной гвардіи. Изъ нихъ Мехмедъ-бей впослѣдствіи тайкомъ вернулся въ Константинополь въ *европейской шляпѣ*, невзирая на то, что риско-

валъ жизнью, такъ какъ всѣ главари Общества заочно были осуждены на смерть. Онъ остановился въ Галатѣ, въ домѣ шейха Фейзь-уллы, раньше принимавшаго видное участіе въ заговорѣ противъ султана Абдуль-Азиза. Мехмедъ-бей спросилъ у шейха, не хочетъ ли онъ снова вести среди своихъ учениковъ пропаганду: «Вѣдь у тебя тысяча учениковъ; сумѣютъ ли они пойти на все?»—Нѣтъ,—отвѣчалъ шейхъ. Тогда Мехмедъ-бей въ раздраженіи ушелъ, прибавивъ: «ты умеръ еще до смерти!»

Въ основу революціонной организаціи, по мысли Мехмеда-бея, были положены принципы карбонаріевъ. Число членовъ доходило до 367 человѣкъ. Члены были раздѣлены на группы, въ семь человѣкъ каждая, подчиненныя «реису», т. е. предсѣдателю. «Реисъ» входилъ въ соприкосновеніе съ девятью «реисами» другихъ группъ; но они не знали лицъ, входившихъ въ составъ постороннихъ группъ, кромѣ непосредственно имъ подчиненныхъ группъ. Такъ быстро образовалась боевая организація изъ пятидесяти кружковъ. Когда задумывалось что-нибудь, ораторомъ выступалъ Зія-паша,—османскій Мирабо. Общее начальство было ввѣрено Омеру-пашѣ. Это былъ венгерскій эмигрантъ, вынужденный въ 1848 году покинуть родину. Пропитанный до мозга костей революціонными идеями, онъ явился въ Обществѣ необходимымъ человѣкомъ. Заговоръ былъ назначенъ на 15-е число перваго луннаго мѣсяца, «мохаррема», 1283 года хиджры (въ 1866 году). Въ этотъ день султанъ, согласно обычаю¹⁾, пріѣзжалъ въ Высокую Порту и выслушивалъ отъ великаго везира отчетъ о событіяхъ прошлаго года, а также давалъ краткія инструкціи на наступающій годъ. Планъ младотурокъ заключался въ томъ, чтобы среди этой помпезной обстановки вынудить у султана согласіе на конституцію. Войсками, назначенными для охраны султана, долженъ былъ командовать Омеръ-паша. Для единства дѣйствій, за три дня до заговора заговорщики впервые собрались въ окрестностяхъ Константинополя (въ Макри-кѣѣ). Весело проведя день, они вернулись въ городъ, не подозрѣвая, что между ними находится предатель,—Айетъ-улла. Айетъ-улла донесъ великому везиру Алию-пашѣ о затѣѣ младотурокъ. Однако, не будучи

¹⁾ Такой порядокъ былъ введенъ съ 1840 года, послѣ опубликованія Гюльханейскаго манифеста.

въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ основателями Общества, Айтѣ-улла затруднялся назвать главарей; впрочемъ, онъ думалъ, что ихъ имена и безъ того будутъ показаны арестованными; но онъ ошибся. Въ назначенный день, согласно уговору, младотурки собрались около мечети Св. Софіи, ожидая, что вотъ заиграетъ музыка, долженствовавшая возвѣститъ приближеніе султана. Прошло однако урочное время, и къ ужасу своему, заговорщики узнали, что Омеръ-паша и нѣсколько другихъ членовъ Общества арестованы. Они двинулись отъ Св. Софіи внизъ и здѣсь встрѣтили министра финансовъ, Рюшди-пашу, который, сидя въ каретѣ, далъ имъ знакъ, что все открыто. Въ городѣ пошли аресты. Сорокъ арестованныхъ было посажено на пароходъ, долго послѣ того стоявшій въ докѣ въ Золотомъ Рогѣ; но вожаковъ они такъ и не выдали. Главные члены кружка сошлись во французскомъ консульствѣ, гдѣ провели семнадцать дней. Отсутствіе ихъ было замѣчено въ Константинополѣ, однако поиски ни къ чему не привели. Изъ Парижа тѣмъ временемъ отъ Фазиля паши (египетскій принцъ) пришли деньги, и ночью они въ шлюпкѣ были перевезены на французскій пароходъ. Они скрылись въ Парижѣ, гдѣ составилъ небольшой кружокъ въ одиннадцать человѣкъ. (Позже къ нимъ присоединился Аліи Суави, сосланный въ Кастамуни¹⁾).

Послѣ смерти Алія паши, новый великій везиръ, М. Недимъ-паша, изъ жалости къ своему племяннику, Мехмеду-бею, разрѣшилъ младотуркамъ вернуться въ Константинополь. Сперва они начали издавать газету „Ибретъ“ (въ которой особенно дѣятельное участіе принималъ Кемаль бей).

Когда газета *Ибретъ* была закрыта, Абу-з-зія попробовалъ выступить уже самостоятельно на литературномъ поприщѣ. Случилось это такъ. Послѣ запрещенія газеты *Ибретъ*, Абу-з-зія долженъ былъ ѣхать въ Смирну. Но Мидхатъ паша («отецъ конституціи»), тогда только-что назначенный въ первый разъ великимъ везиромъ, удержалъ его въ Константинополѣ. Съ помощью своего покровителя, Абу-з-зія купилъ прекратившуюся-было газету „Хадика“ (Садъ), посвященную вопросамъ сельскаго хозяй-

ства,—съ правомъ обсуждать также политическія темы. Въ Каирѣ въ это время былъ открытъ памятникъ, гдѣ на барельефахъ трагивалась честь османцевъ, и газета обрушилась на великаго везира, М. Недима, за-то, что онъ допустилъ издѣвательство надъ національнымъ чувствомъ. Статья вызвала сильное неудовольствіе великаго везира. Чаша терпѣнія переполнилась, когда на другой день Абу-з-зія напечаталъ въ газетѣ прошеніе рабочихъ, жаловавшихся на адмиралтейство за неуплату жалованья. Это было тѣмъ неосторожнѣе, что Высокая Порта отказалась принять прошеніе. Газета „Хадика“ была прекращена. Вообще это была оппозиціонная газета, ежедневно пикировавшаяся съ правительствомъ. Хотя скоро кара, наложенная на газету, была снята,—Абу-з-зія успѣлъ (въ 1873 году) исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе новой газеты,—„*Сираджъ*“ («Свѣтильникъ»).

Разрѣшеніе дано было тогдашнимъ великимъ везиромъ, Халилемъ Шерифомъ-пашей, уволеннымъ позже отъ должности по настоянію русскаго посла, графа Игнатьева. Какъ указываетъ уже заглавіе газеты,—Абу-з-зія подражалъ французскому памфлетисту, Рошфору, который во время Наполеона III издавалъ „*Lanterne*“. Недолго выходила однако газета „*Сираджъ*“. Въ № 14 газета выразила протестъ противъ внутренней политики, въ статьѣ «Наше правительство не можетъ жить безъ займовъ». Правительство предполагало произвести внѣшній заемъ въ 25 милліоновъ османскихъ лиръ (лира = 8 руб. 64 коп.),—на постройку Багдадской желѣзной дороги. Раньше оно заключило внутренній заемъ съ той же цѣлью; но денегъ хватило только на постройку небольшого участка въ девяносто два километра (отъ Константинополя до Измида,—древней Никомедіи), а большая часть денегъ пошла на непроизводительные дворцовые расходы. Протестъ газеты «*Сираджъ*», вѣсть о которомъ разнеслась по Европѣ благодаря агентскимъ телеграммамъ, разсѣроилъ планы правительства. Въ гнѣвѣ на неудачу, оно арестовало редактора газеты, Абу-з-зію, и сослало его на островъ Родосъ. Одновременно пострадали и другіе литераторы: былъ высланъ изъ Константинополя Кемаль-бей (поводомъ послужили бурныя оваціи при постановкѣ драмы «Отечество, или Силестрія»), а также Ахмедъ Мидхатъ (за статью о дарвинизмѣ, возбуждавшую неудовольствіе «ходжей»). Взгляды сосланныхъ яро осуждались въ газетѣ влаха Бордеано «*Шаркъ*» (Востокъ).

¹⁾ Исторія младотурецкаго кружка передается въ освѣщеніи рассказчика, Абу-з-зіи.

Въ ссылкѣ, на Родосѣ, А. Мидхатъ писалъ, составившіе ему впослѣдствіи громкое имя, романы; Абу-з-зія издавалъ литературный ежемѣсячный журналъ «*Мухаррир*» (Писатель).

Со вступленіемъ на престолъ (въ 1876 году) султана Мурада V, изгнанники были возвращены въ Константинополь. Абу-з-зія былъ назначенъ въ Босну правителемъ канцеляріи генераль-губернатора. Когда въ 1878 году Берлинскій трактатъ предоставилъ Босну во временное владѣніе Австріи, предполагалось сперва назначить комиссара изъ османцевъ, чтобы онъ слѣдилъ за правильностью примѣненія шаріата. Мѣсто было предложено Абу-з-зію; но онъ отказался, заявивъ, что не желаетъ состоять на службѣ иностраннаго государства.

Вернувшись въ Константинополь, Абу-з-зія издалъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, Мюнифа-паши, — литературный календарь, объявленіе о которомъ предварительно было напечатано въ газетѣ Филиппа „*Вақыт*“ (Время). Такъ какъ въ календарѣ заключалась рѣзкая критика написаннаго по приказанію свыше сочиненія А. Мидхата, — «*Ўсси ингилябъ*» (Основа потрясеній), — альманахъ былъ сожженъ. Абу-з-зія отправился къ великому везиру, Хайръ-эд-дину, съ жалобой. Тотъ равнодушно выслушалъ пострадавшаго; Абу-з-зія однако добился аудіенціи у султана, который приказалъ уплатить ему понесенные при печатаніи расходы.

Абу-з-зія извѣстенъ въ литературѣ и какъ драматургъ. Впрочемъ, единственная написанная имъ драма «*Эджѣли каза*» (Роковая смерть) — скорѣе мелодрама; въ ней авторъ отстаиваетъ, въ красивыхъ выраженіяхъ, право сердца на свободу любви. Какъ во всѣхъ вообще произведеніяхъ османской литературы, дѣйствіе не развивается логически; но развязка совсѣмъ уже непонятна. Дѣвушка Нійметъ, которая, казалось, послѣ всевозможныхъ препятствій уже стоитъ на порогѣ счастья, — изъ страха (мало-обоснованнаго) попасть снова къ звѣрю отцу, впадаетъ въ сумасшествіе и умираетъ на рукахъ своего возлюбленнаго, Пертева. «Если картины семейнаго деспотизма, — какъ говоритъ проф. В. Д. Смирновъ, ¹⁾ — этнографическая черта нравовъ представителей высшаго османскаго общества, воспитаннаго во всякихъ ужасахъ», — про-

изведеніе *Эджѣли каза* однако утрачиваетъ въ значительной степени художественную цѣнность.

Съ начала 80-хъ годовъ Абу-з-зія съ жаромъ отдается издательству. Онъ завелъ свою типографію и какъ издатель давно приобрѣлъ европейскую извѣстность. Нужно знать, какъ грубо издавались въ Турціи первыя книги, чтобы понять все значеніе введенныхъ имъ въ типографскую технику улучшеній. На европейскихъ выставкахъ его типографія нерѣдко удостоивалась похвальныхъ отзывовъ и наградъ. Тщательность, съ какой выполнялась у Абу-з-зіи работа, привлекала къ нему кліентовъ, и типографія всегда была завалена заказами.

Человѣкъ ума, быть-можетъ, даже направленнаго въ практическую сторону ¹⁾, Абу-з-зія предпринялъ, по образцу крупныхъ западныхъ фирмъ, изданіе популярно-научныхъ серій. Въ одной, — «Библиотека знаменитостей», (*Кютюбханейи мешахиръ*) онъ давалъ характеристики западныхъ и восточныхъ знаменитостей. Не всегда однако онъ руководился при этомъ опредѣленными принципами. Многое здѣсь случайно и говоритъ скорѣе о недисциплинированности ума.

Гораздо важнѣе перевалившая за сотню нумеровъ, серія, — «Библиотека Абу-з-зіи» (*Кютюбханейи Абу-з-зія*): въ небольшихъ книжкахъ (каждый выпускъ стоилъ 20 копеекъ) онъ знакомилъ съ успѣхами знанія на Западѣ или съ исторіей Турціи, политической и литературной. Какъ общественный дѣятель, озабоченный поднятіемъ уровня образованія у себя на родинѣ, Абу-з-зія охотно издаетъ произведенія, носящія воспитательный характеръ: произведенія Кемаля-бея, извлеченія изъ газеты „*Tasvir-i эфкаръ*“, первыя путешествія османцевъ за границу (Ирми-секизъ Мехмеда-челеби, А. Ресми и т. д.).

Кромѣ того, въ теченіе ряда лѣтъ Абу-з-зія ежегодно выпускалъ календари, потому что считалъ ихъ также удобнымъ средствомъ для распространенія образованія. Сверхъ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній (совѣтовъ для земледѣльцевъ и пр.) Абу-з-зія давалъ богатый литературный матеріалъ. Рассказывая о событіяхъ минувшаго года въ Европѣ, Абу-з-зія подчеркивалъ трудолюбіе

¹⁾ Очеркъ исторіи турецкой (= османской) литературы: Всеобщая исторія литературы Корша-Кирпичникова. СПб. 1892, т. IV, стр. 550.

¹⁾ Такъ, въ Коніи онъ собирался даже устроить фабрику для выдѣлки черепицъ

европейцевъ. Онъ хотѣлъ пробудить въ своемъ народѣ общественное самосознаніе; излагалъ исторію войнъ съ Россіей, чтобы такимъ образомъ характеризовать сношенія между двумя сосѣдними государствами; восторгался способностями османской молодежи, въ которой видѣлъ залогъ національнаго благополучія, и т. д. Въ 1899 году онъ издалъ календарь для женщинъ, въ которомъ говорилъ о феминистскомъ движеніи на Западѣ и о значеніи женщины въ османской литературѣ. Преклоняясь передъ мусульманками, Абу-з-зія заявлялъ, что если бы Европа знала ихъ, она во многомъ измѣнила бы свой взглядъ на Востокъ. Надъ уровнемъ обычнаго, восточнаго, взгляда на женщину Абу-з-зія не возвышается. Можетъ-быть, въ основѣ, исламъ предоставляетъ женщинѣ права, и теоретически ея положеніе должно было бы превосходить положеніе ея европейскихъ сестеръ; однако семейный бытъ османцевъ говоритъ о противномъ. Вообще въ разсужденіяхъ Абу-з-зіи чувствуется діалектика софиста.

Календари Абу-з-зіи расходились обыкновенно въ 10—12-ти тысячахъ экземпляровъ. Разъ, по просьбѣ издателя турецкой газеты въ Бахчисараѣ „*Терджиманъ*“ (Переводчикъ),—Исмаила Гаспринскаго, былъ напечатанъ, для Нижегородской ярмарки календарь, разошедшійся между русскими мусульманами, въ 60-ти тысячахъ экземпляровъ.

Абу-з-зія началъ-было изданіе иллюстрированнаго «Словаря» (*Лугати Абу-з-зія*), но изданіе это, выходившее выпусками, не было закончено. Какъ первый опытъ объяснительнаго словаря, по типу французскаго Ларусса,—«Словарь» Абу-з-зіи встрѣтилъ большое сочувствіе.

Среди его литературныхъ предпріятій выдѣляются «Образцы османской литературы» («*Нумунейи эдебиййати османіи*»), выдержавшіе уже нѣсколько изданій. Эта книга свидѣтельствуетъ о большомъ критическомъ талантѣ Абу-з-зіи. Правда, «Образцы» преслѣдуютъ не столько художественныя цѣли, сколько публицистико-общественныя: изученіе произведеній, написанныхъ предками, должно дать отвѣтъ на возможный складъ національной физиономіи. Однако старая османская литература, оторванная отъ жизни, за рѣдкими исключеніями, представляетъ тепличное растеніе; поэтому Абу-з-зія произноситъ надъ ней суровый приговоръ, и изъ безчисленнаго сонма старыхъ писателей признаетъ общественное значеніе только за какимъ-нибудь десяткомъ-

двумя писателей. Этотъ принципъ въ хрестоматіи Абу-з-зіи строго выдержанъ; отрывки изъ старой литературы занимаютъ приблизительно $\frac{1}{4}$ книги, тогда какъ большая часть книги,—чуть не $\frac{1}{2}$,—отведена подъ произведенія Кемалъ-бея.

Хрестоматія Абу-з-зіи цѣнна не только удачнымъ выборомъ матеріала, обнаруживающимъ въ составителѣ тонкаго эстетика, но также—мѣткими характеристиками, въ которыхъ Абу-з-зія всегда схватываетъ типичныя черты изучаемаго писателя и зарисовываетъ его литературный портретъ. Вообще Абу-з-зія—глубокій знатокъ османскаго языка и изящный стилистъ.

Книга выдержала шесть изданій (по тысячѣ экземпляровъ каждое). Эти шесть тысячъ разошлись преимущественно въ публикѣ,—между тѣмъ какъ въ учебныхъ заведеніяхъ Константинополя хрестоматія Абу-з-зіи никогда не была принята. Въ большемъ количествѣ книга шла за границу; особенное распространеніе получила она въ Россіи среди русскихъ мусульманъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, по навѣтамъ недруговъ, которые убѣдили правительство, что Абу-з-зія, занятый тогда организаціей османскаго отдѣла на всемірной парижской выставкѣ (въ 1900 году), хочетъ бѣжать во Францію,—Абу-з-зія былъ сосланъ въ глубь Малой Азіи,—въ Конію. Сперва ему пришлось терпѣть тамъ много лишеній; но потомъ, правительство, взаменъ типографіи (которая была закрыта), назначило ему опредѣленное содержаніе. Условія жизни измѣнились, и онъ могъ снова приступить за работу.

Въ тиши кабинета продолжалъ онъ писать мемуары, которые должны развернуть блестящую страницу изъ исторіи общественнаго (младотурецкаго) движенія въ Турціи.

Домъ Абу-з-зіи въ Коніи былъ литературно-политическимъ салономъ, въ которомъ собирались ссыльные. Мѣстное общество его чуждалось, изъ страха, чтобы не подвергнуться преслѣдованіямъ со стороны правительства. Среди обывателей Абу-з-зія вообще не пользовался большой популярностью, и здѣсь сказалась основная ошибка младотурокъ, которые, открыто порывая съ обрядностью ислама, возбуждали къ себѣ недовѣріе въ народѣ. Это отношеніе ярко обнаружилось во время выборовъ (въ 1908 году) въ парламентъ. Несмотря на усиленную агитацію, какую вели друзья Абу-з-зіи, цѣнители его общественной и литературной дѣятельности,—его кандидатура въ члены парламента

въ Коніи провалилась, и онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Адаліи (Конійскаго вилайета), куда, очевидно, не проникли толки о «невѣріи» Абу-з-зіи.

Отъ юныхъ лѣтъ и до сѣдинъ Абу-з-зія оставался вѣренъ убѣжденіямъ младотурецкой партіи. Онъ страстно желалъ свободы для своего народа и только минутами, извѣрившись въ своемъ правительствѣ, ждалъ избавленія отъ деспотіи черезъ иностранцевъ (англичанъ).

Абу-з-зія, послѣдній могиканъ перваго младотурецкаго кружка, мечтавшаго о конституціи, царить надъ современниками, какъ «*vieux jeune turc*», — «старый младотурокъ», въ жилахъ котораго течетъ еще горячая кровь ¹⁾.

VI.

Ахмедъ Мидхатъ (род. въ 1844 году).

Одинъ изъ плодовитѣйшихъ и разностороннѣйшихъ писателей, Ахмедъ Мидхатъ освободилъ слогъ отъ излишнихъ прикрасъ и, сблизивъ языкъ образованнаго османца съ языкомъ народныхъ рассказчиковъ («меддаховъ») ²⁾, старался сдѣлать свои произведенія доступными для болѣе широкихъ круговъ общества. Словомъ, онъ пріохотилъ своихъ соотечественниковъ къ чтенію; онъ создалъ въ Турціи, подъ вліяніемъ Дюма, романъ. Это — крупная неотъемлемая заслуга А. Мидхата.

Ахмедъ Мидхатъ провелъ юношескіе годы въ Болгаріи; въ Русчукъ онъ занялся французскимъ языкомъ, какъ средствомъ для усвоенія европейской культуры. Къ этому времени относятся первые литературные шаги его въ газетѣ „*Тюна*“ (Дунай), гдѣ онъ пописывалъ стишки. Служба его протекала тамъ въ канцеляріи генераль-губернатора и въ правленіи Обще-

¹⁾ Послѣ возстановленія конституціи Абу-з-зія вернулся снова въ Константинополь, принимался даже издавать газеты, большого распространенія однако не получавшія. Съ младотурками послѣдней формации онъ, видно, разошелся, и въ началѣ 1912 года былъ арестованъ.

²⁾ О нихъ см. мою статью „Изъ настоящаго и прошлаго меддаховъ въ Турціи (Рассказы Ашки-эфенди)“: *Миръ Ислама*, 1912, т. I, № 3, стр. 322—344.

ства Дунайскаго Пароходства. Изъ Болгаріи судьба бросила его на другой, противоположный, уголь государства, — въ Багдадъ. А. Мидхатъ устроилъ типографію, въ которой, подъ его редакціей, печатались «губернскія вѣдомости», — „*Зебра*“ ¹⁾. Тогда же онъ отдался изученію богословскихъ наукъ, отразившихся на характерѣ литературной его дѣятельности послѣднихъ лѣтъ. Возможно, что путешествіе въ Месопотамію дало ему канву для романа «Сюлейманъ изъ Мосула» (вышелъ въ 1876 году).

Обогащенный житейскимъ опытомъ, А. Мидхатъ въ концѣ 60-хъ годовъ вернулся въ Константинополь. Сотрудничая въ газетѣ „*Басиретъ*“, онъ также редактировалъ органъ военного министерства, „*Джеридеѣи аскеріѣе*“. Помимо публицистической работы, А. Мидхатъ начинаетъ выступать и въ качествѣ беллетриста; критикой рассказы его, выходившіе подъ общимъ заглавіемъ „*Летайфѣи ривайятъ*“ ²⁾ (Забавныя исторіи) были встрѣчены сурово, однако публика раскупала ихъ на-расхватъ. Сюжетомъ для своихъ рассказовъ онъ бралъ иногда какой-нибудь иностранный рассказъ; но еще чаще развертывалъ въ нихъ событія изъ османской жизни. Рассказы его бывали сантиментальны; и если за мусульманскими именами можно было разглядѣть западно-европейскій прототипъ, — они такъ тепло говорили о страданіяхъ чувствительнаго сердца, въ борьбѣ съ холоднымъ разсудкомъ, что ими онъ привлекъ къ себѣ горячія симпатіи читателей. Въ рассказахъ А. Мидхатъ проявлялъ благородный демократизмъ: брались ли дѣйствующія лица изъ высшаго сословія или изъ класса невольниковъ (торговля невольниками, привозимыми изъ Африки и съ Кавказа, только недавно была запрещена въ Турціи), — всегда онъ доказывалъ возможность семейнаго счастья лишь при условіи наличности любви.

Однако и восточный колоритъ рѣзко сказывается на «Забавныхъ исторіяхъ» А. Мидхата: надъ героями его виситъ рокъ,

¹⁾ Эпитетъ Багдада, собственно Тигра: Излучистый.

²⁾ Содержаніе всѣхъ (25) „Забавныхъ исторій“ передано П. Горномъ (P. Horn) въ „*Geschichte der türkischen Moderne*“. Leipzig. 1902 стр. 13 26. — Нѣкоторые рассказы переведены д-ромъ Е. S (e i d e l), подъ заглавіемъ „*Türkisches Highlife. Erzählungen aus der ottomanischen Gesellschaft von A. Midhat*“. Leipzig. 1898, а также датскимъ ученымъ Эструпомъ (Oestrup) въ журналѣ *God Danske Magasin*. 1907.

настигающій ихъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, «счастье было такъ возможно, такъ близко».

Значеніе любви не разъ трактовалось А. Мидхатомъ: такъ, въ романѣ «Ангель земной» (*Йеръ йозюнде биръ мелекъ*) онъ выводитъ парочку: Шефика и Разіе. Молодые люди тайно были помолвлены. Но въ то время, когда Шефикъ изучалъ за границей, — въ Парижѣ, — медицину, нареченная его была вынуждена выйти замужъ за другого. Черезъ нѣсколько лѣтъ Шефикъ возвращается въ Турцію. Онъ снова встрѣчаетъ Разіе, и они по-прежнему увлекаются другъ другомъ. Однако, разлученные закономъ, они могутъ лишь платонически вздыхать объ утраченномъ счастьѣ. И тѣмъ не менѣе, суровые хранители старины усмотрѣли въ разсказѣ посягательство на гаремную жизнь, и осыпали А. Мидхата упреками. Невзирая на это, А. Мидхатъ окончилъ начатый романъ и въ третьей части «Ангела земного» смѣло бросилъ имъ вызовъ, утверждая, что «любовь есть нѣчто священное и заложена въ чловѣкѣ самой природой».

Увлеченный спросомъ на свои произведенія, А. Мидхатъ лихорадочно печаталъ въ основанномъ имъ журналѣ «*Гыркъ амбаръ*» (Сорокъ амбаровъ = складъ) одинъ романъ за другимъ. Большого литературнаго значенія они не имѣютъ, потому что и подражалъ А. Мидхатъ нерѣдко такимъ третьестепеннымъ писателямъ, какъ Ксавье де Монтень, Габорио и др. Мѣстные и иностранные критики (М. Гартманъ) впадаютъ иногда въ крайность, то называя А. Мидхата «пустымъ амбаромъ» (*бошъ амбаръ*), — бумагомарателемъ, то, наоборотъ, сравнивая его романы, по глубинѣ психологическаго анализа, съ романами Бальзака (Эструпъ).

Для полноты отмѣтимъ, впрочемъ, нѣсколько его романовъ, пользовавшихся большой популярностью: «Османецъ въ Парижѣ», «Матросъ Хасанъ» (къ нему, по желанію публики, А. Мидхатъ долженъ былъ написать прибавленіе), «Второе появленіе на свѣтѣ» (въ основу положенъ сказочный мотивъ о скрывающейся отъ свѣта въ пещерѣ красавицѣ), «Дюррь-дане ханумъ» (съ невѣрнымъ изображеніемъ османской женщины), «Албанцы», «Напускное цѣломудріе» (Теаффиофъ) и нѣкоторые другіе. Съ одинаковой легкостью А. Мидхатъ разсказываетъ читателю о минувшихъ судьбахъ Турціи, начертываетъ картину борьбы византійскихъ императоровъ съ малоазійскими мусульманскими князьками, и

т. д. Еще удачнѣе изображенъ у него въ романахъ бытъ константинопольскаго демимонда и разгульной жизни въ притонахъ Галаты.

Тѣмъ временемъ въ османской литературѣ, служащей уже опредѣленнымъ общественнымъ идеямъ, большое развитіе получаетъ драматическое искусство: османскіе литераторы убѣждаются, что болѣе сильное впечатлѣніе оставляетъ произведеніе, возсоздающее факты на глазахъ зрителя. Побуждаемый своимъ пріателемъ Кемалемъ, А. Мидхатъ пишетъ для сцены рядъ драмъ и комедій: «*Ачикъ башъ*», гдѣ содержатся нападки на ханжество мусульманъ, «*Уздени*», — живая картина изъ жизни черкесовъ, — только напрасно герой, въ противность обычаямъ черкесовъ, пускаетъ себѣ въ сердце пулю, *Ченн* (Танцовщица) и др.

Вернувшись въ 1876 году въ Константинополь изъ ссылки на островѣ Родосѣ, А. Мидхатъ успѣлъ завоевать симпатіи султана Абдулъ-Хамида, который поручилъ ему составить исторію реформаторскихъ попытокъ въ Турціи, — съ цѣлью оправдать въ глазахъ общества свою политику (ропускъ перваго парламента). Такъ была написана книга «Основа переворота» (*Усси инкилябъ*).

Какъ свои публицистическія статьи (въ которыхъ онъ иногда рѣзко нападалъ на крайности подражанія османцевъ европейцамъ), такъ и беллетристическія произведенія А. Мидхатъ сталъ печатать въ новой своей газетѣ «*Терджимани хакикатъ*»¹⁾ (Толковникъ истины).

Въ міровоззрѣніи А. Мидхата происходитъ въ это время явный поворотъ въ сторону богословско-философскую. Онъ публикуетъ свои философско-публицистическіе трактаты, въ которыхъ выступаетъ апологетомъ ислама.

Ближайшимъ поводомъ явилась дѣятельность «Библейскаго Общества», которое стало усиленно распространять въ Турціи переводы Евангелія. Сличая переводы, А. Мидхатъ усмотрѣлъ какія-то умышленные отступленія, и написалъ свою «Апологію» (*Мюдафаа*), въ которой, опровергая взгляды Дрепера, автора Исторіи умственнаго развитія Европы, доказывалъ превосходство ислама надъ христіанствомъ. Онъ радовался, какъ дитя, успѣхамъ

¹⁾ Газета и теперь выходитъ, — по вечерамъ, но подъ другой редакціей: А. Мидхатъ перепродалъ право на ея изданіе уже лѣтъ двадцать тому назадъ.
ОСМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ислама въ мірѣ, и чтобы утвердить въ мусульманскихъ подданныхъ Турціи вѣру, говорилъ о зарожденіи мусульманскихъ общинъ въ Англіи и въ Америкѣ.

По происхожденію черкесь, А. Мидхатъ всюду искалъ живой работы; ему претила философія Шопенгауэра, въ которой онъ видѣлъ одно превознесеніе индійской нирваны, губящей человѣка на землѣ. Поэтому онъ сурово высказывался противъ всѣхъ ученій, заразившихъ квіэтизмомъ азіатскія общества, которыя, подавленные безконечностью божества, въ сознаніи своего безсилія, проводили жизнь въ созерцаніи. Богъ,—училъ А. Мидхатъ,—познается по мѣрѣ того, какъ человѣкъ изучаетъ его творенія, и чѣмъ шире развивается горизонтъ человѣка, тѣмъ скорѣе приближается онъ къ божеству. Высшая заслуга человѣка состоитъ въ томъ, чтобы знакомить свой народъ съ идеальнымъ счастьемъ, какое даетъ знаніе. Стало-быть, просвѣщеніе — средство для познанія Божества. Позитивныя мысли А. Мидхата нашли выраженіе въ популярныхъ книжкахъ, какъ-то: «Любовь къ труду», «Какъ нужно жить?», «Трактатъ о снѣ» и др.

Своими трудами А. Мидхатъ прославилъ свое имя, и не разъ правительство отправляло его своимъ представителемъ на заграничныя научныя торжества (конгрессы ориенталистовъ, юбилей университетовъ). Результатомъ одной изъ поѣздокъ въ Европу (на конгрессъ ориенталистовъ въ Стокгольмѣ въ 1885 году) явилось его «Путешествіе по Европѣ» (*Auropada džesvelan*), въ которомъ онъ описывалъ свои впечатлѣнія. Признавая культурное значеніе Европы, онъ не стѣснялся однако разоблачать передъ османцами заслуживающія порицанія, стороны западно-европейской жизни.

Непосредственное знакомство съ Европой внушало А. Мидхату мысли о провиденціальномъ значеніи османской націи. Онъ мечталъ о міровой миссіи османцевъ. Разбирая взгляды христіанъ на современныхъ мусульманъ, которые, подъ давленіемъ европейскаго вліянія, усваиваютъ элементы западной культуры,—А. Мидхатъ ставилъ вопросъ о «Культурныхъ обязанностяхъ османцевъ». Искусственно успокаивая себя, что симпатіи Европы — на сторонѣ османцевъ, онъ смотрѣлъ на свой народъ, какъ на сѣдинительное звено между Западомъ и Востокомъ. Такъ какъ знаніе европейскихъ языковъ въ мусульманскихъ странахъ не

очень распространено, знакомство съ европейской культурой становится возможно черезъ османскій языкъ, на который переведены уже главныя произведенія западно-европейской мысли. Въ Индіи, напр.,—писалъ А. Мидхатъ,—хорошій сбытъ товарамъ обезпеченъ османской маркой, или штемпелемъ; даже больше: предметъ, почему-либо напоминающій Турцію (напр., полумѣсяцъ), какъ бы носить на себѣ печать, освящающей его въ глазахъ Востока, «духовной цензуры». На этихъ соображеніяхъ Турція можетъ построить въ мусульманскомъ мірѣ свое могущество, еще болѣе прочное, чѣмъ если бы она завоевала снова мусульманскія страны, находящіяся во власти европейцевъ. Въ этихъ взглядахъ раскрываются исламо-турецкіе идеалы А. Мидхата, которые должны вознести Турцію на пьедесталь міровой, или всемірной, державы.

Фигура А. Мидхата поучительна еще потому, что ему удалось удержать, въ извѣстной степени, авторитетъ въ обществѣ, гдѣ зеленая молодежь такъ просто отрицаетъ заслуги за старымъ поколѣніемъ. А. Мидхатъ, когда-то написавшій серію историческихъ монографій, подъ общимъ заглавіемъ «Творенія» (*Klamlan*), былъ приглашенъ въ 1908 году на кафедру всеобщей исторіи въ университетѣ, и свободно-любующаяся рѣчь его,—хотя и не глубокая,—привлекаетъ къ нему въ аудиторію сотни слушателей.

Какъ бы тамъ ни было, А. Мидхатъ пробуждалъ своими сочиненіями въ народѣ жажду знанія; онъ пытался устранить противорѣчіе между исламомъ и прогрессомъ, и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ признательности не только со стороны своихъ соотечественниковъ, но и со стороны всѣхъ мусульманъ. Въ исторіи османской литературы онъ сыгралъ, пожалуй, еще болѣе крупную роль, чѣмъ Намыкъ Кемаль или Абу-з-зія.

VII.

Абдуль-Хаккъ Хамидъ бей (родился въ 1852 году).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, представляющихъ литературно-общественное значеніе, Кемаль, обращаясь къ Абдуль-Хакку Хамиду, говорилъ: «Это не я возродилъ къ жизни нашу литературу; если нужно называть кого, это — ты или Шинаси!» Такъ высоко цѣнилъ Кемаль своего товарища.

Абдуль-Хаккъ Хамидъ родился въ Константинополѣ, въ семьѣ историка Хайръ-уллы ¹⁾. Въ юности онъ немало чудилъ.

Аристократъ по рожденію, онъ началъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Сперва онъ занималъ мѣсто секретаря посольства въ Персіи, гдѣ изучилъ персидскій и арабскій языки; отсюда перешелъ въ Европу; долго жилъ въ Англіи и ея колоніяхъ (въ Индіи), а въ настоящее время состоитъ министромъ резидентомъ въ Брюсселѣ.

Какъ Кемаль можетъ считаться реформаторомъ османской прозы, такъ Хамидъ силою своего таланта освободилъ поэзію отъ условностей арабско-персидской метрики. Какъ первая проба пера, важны стихи его, вставленные въ драму «Дочь индуса» («*Düşteri hindu*»), написанную имъ въ 1875 году. (Драма, замѣченная профессоромъ М. Гартманомъ, носила отпечатокъ перевода) ²⁾. Однако среди прозы стихи затерялись. Въ 1879 году Хамидъ опубликовалъ небольшой сборникъ стиховъ «*Sakra*» (Лука), въ которомъ впервые поэтъ въ европейскихъ размѣрахъ извлекалъ живые, естественные образы. Примѣръ Хамида нашель въ молодежи подражателей, и арабско-персидская метрика, — старомодныя газели и касыды были забыты.

Въ его произведеніяхъ рельефно изображенъ контрастъ между цивилизаціей и идилліей деревенскаго быта; подъ влияніемъ, быть-можетъ, Руссо, у него слышатся призывы къ природѣ. «Городской житель, — говоритъ наивно Хамидъ, — вбираетъ въ себя ядъ огорченій, а поселянинъ питается свѣжимъ, вкуснымъ молокомъ».

Какъ въ чистой кристальной водѣ, въ душѣ поэта отражается весь міръ, со всѣми его горестями и радостями. Житейскія невзгоды однако накладывали на него свою печать, и дымкой грусти подернуты произведенія Хамида. Онъ скорбѣлъ о своей родинѣ, и эта скорбь усилилась, когда онъ потерялъ своего друга-жену.

Хамидъ ввелъ въ османскую литературу психологическій

¹⁾ Впоследствии шейхъ-уль-исламъ, сосланный султаномъ Абдуль-Хамидомъ въ Аравію.

²⁾ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1876, Bnd XXX, стр. 167.

анализъ. Онъ, напр., ставитъ проблему о семейномъ счастьѣ и, прежде всего, исходитъ изъ мысли, что въ бракѣ не должно быть насилія; уклоненіе отъ этого правила влечетъ за собою для обѣихъ сторонъ страданія. Въ романѣ «Идейная дѣвушка» («*Ичли къызъ*») онъ выводитъ дѣвушку, которая живетъ исключительно рефлексивной жизнью, и становится несчастной, несмотря на то, что горячо любитъ своего мужа.

Живя вдали отъ родины, Хамидъ воспроизводилъ въ своихъ драмахъ увядшія, славныя, страницы мусульманской исторіи; онъ никогда не бралъ для своихъ драмъ сюжетовъ изъ исторіи османцевъ ¹⁾. Исторія, впрочемъ, для него служитъ только фономъ для изображенія изгибовъ человѣческой души; быть-можетъ даже, это — резонеръ, проповѣдующій въ драмахъ мораль. Когда онъ писалъ свои драмы, онъ хотѣлъ излить въ нихъ свои мечты; но онъ не раздумывалъ о томъ, насколько удобна и даже, — иногда, — возможна постановка ихъ на сценѣ.

Изъ раннихъ драмъ Хамида до сихъ поръ со сцены не сходитъ «*Тарикъ*» ²⁾, — драма изъ эпохи завоеванія мусульманами Испаніи. Вѣроятно, въ основу драмы положена «*Исторія Андалусіи*» Зей-паши ³⁾. «*Тарикъ*» — типичное ложноклассическое произведеніе: дѣйствующія лица пространно сообщаютъ зрителю, что они дѣлали за сценой. Тарикъ торжественно вѣщаетъ: «царь повелитель — шаріатъ» (духовный законъ), и т. д. Очень характеренъ взглядъ писателя на женщину, геройство которой онъ превозноситъ. Жаль только, что языкъ «*Тарика*» обильно пересыпанъ иностранными (арабскими и персидскими) словами.

Драма «*Тезеръ, или Абдур-расманъ III*» давно уже стала общепризнаннымъ произведеніемъ. «Ни Фузули, ни Галибъ-деде, — говорилъ османскій публицистъ, Алиъ Кемаль, — не обнаружили въ своихъ твореніяхъ такого величественнаго совершенства. Преводою для головою всѣхъ писателей въ прошломъ, Хамидъ — владыка будущаго, и, — увы! — никто изъ нашихъ писателей не сумѣлъ еще написать произведеніе, равное по своему значенію «*Тезеръ*»».

¹⁾ Впрочемъ, стихотворенія представляютъ иногда исключеніе: таково, примѣръ, энергичное «*Паломничество на могилу султана Мелмеда II*».

²⁾ Отъ него получилъ свое названіе — Гибралтаръ (Гора Тарика).

³⁾ Объ этомъ видномъ писателѣ, стоявшемъ на перепутьѣ османской литературы между азиатскими традиціями и европейскимъ влияніемъ: E. W. J. Gibb, *A History of Ottoman poetry*. London, т. V (1907), стр. 41 — 111.

Если «Тезерь» такъ возвышенна глубиной своихъ мыслей,—она страдаетъ крупными недостатками со стороны композиціи: фигура Тезерь, съ ея какими-то патологическими чувствами любви къ юношѣ и старцу,—странна; слаба также заключительная сцена, гдѣ Тезерь, уже сраженная на-смерть, какъ бы забываетъ о своихъ страданіяхъ и ведетъ безконечные разговоры.

Сюжетъ трагедіи заимствованъ изъ исторіи испанскаго халифата времени Абдур-рахмана III (въ X вѣкѣ). Геронья ея—Тезерь, т.-е. Тереза; это — дѣвушка-христіанка, которая, обратившись въ исламъ, плѣнила сердце Абдур-рахмана. Но когда въ Кордовѣ вспыхнула революція, народъ потребовалъ ея смерти, и она была казнена.

Чтобы познакомить съ творчествомъ Хаида, я приведу въ извлеченіи монологъ Абдур-рахмана (изъ 2-й картины II дѣйствія), въ которомъ Хаидъ раскрываетъ мучительныя колебанія, переживаемыя халифомъ во время мятежа, пока, преклоняясь передъ волей народа, не соглашается на требуемую отъ него жертву. «На что вынуждаетъ судьба меня,—воскликаетъ онъ,—меня, котораго она же вознесла на тронъ! Гдѣ моя вѣра? Боже мой, что мнѣ дѣлать? Такъ я долженъ своими руками убить то, въ чемъ я вижу самого себя (т.-е. Тезерь)? Такъ, въ этомъ состоитъ мудрость сего міра?.. Ахъ, она для меня въ этомъ брэнномъ мірѣ — пальма моихъ надеждъ! Кто руководитъ мною теперь?—Ея красота! Когда ея нѣтъ подлѣ меня,—мое ложе обращается въ могилу; но и въ гробу облекаюсь я въ хитонъ жизни, когда она приближается ко мнѣ. Однако народъ настаиваетъ на ея смерти, и я подчиняюсь его волѣ, какъ если бы приказъ исходилъ отъ Бога... Ихъ — много, а я — одинъ; берите же примѣръ съ меня и подчиняйте свою волю желаніямъ народа!.. Стало-быть, для благополучія народа, я долженъ разрушить свое счастье, а, поступая справедливо въ отношеніи къ народу,—я оказываюсь тираномъ своей Тезерь»...

VIII.

Реджап-заде Махмудъ Экремъ (родился въ 1845 году).

Уроженецъ Константинополя, Махмудъ Экремъ впиталъ въ себя элементы тихой, мечтательной грусти, которая еще больше развилась въ немъ послѣ смерти сына. Онъ охотно изображаетъ

въ своихъ произведеніяхъ мечтателей; это—какія-то эфирныя существа, для которыхъ земля таитъ одни страданія; они чувствуютъ, что для окружающихъ, погруженныхъ въ житейскія заботы, они—чужды, и радостно покидаютъ юдоль печали.

Онъ проводитъ эту мысль, напр., въ драмѣ *Вуслетъ* (Соединеніе, или короткая любовь). Сынъ рабовладѣльца, Мюхсинъ растеть вмѣстѣ съ невольницей Вуслетъ. Между ними завязывается любовь; и когда, проданная старухѣ, которая якобы хочетъ выдать ее замужъ за своего сына, дѣвушка уходитъ изъ дому,—Мюхсинъ заболѣваетъ. Передъ смертью онъ видитъ снова около себя свою возлюбленную. Она свободна; казалось бы, препятствія устранены; но надъ нимъ тяготѣетъ завистливый рокъ.

Разочаровавшись въ счастье на землѣ, М. Экремъ ищетъ утѣшенія въ «Раздумьѣ» («*Tefekkür*») ¹⁾, «которое состоитъ въ тѣсной дружбѣ съ грустнымъ его настроеніемъ», или онъ уходитъ въ созерцаніе природы и, подслушивая бѣненіе жизни въ пѣніи соловья на разсвѣтѣ, уносится въ надземныя сферы, гдѣ ему дышится свободнѣе.

И высшій поэтическій экстазъ нисходитъ на него, когда онъ говоритъ объ единствѣ Бога. Впрочемъ, это—обычная черта въ творествѣ османскихъ поэтовъ-мусульманъ.

Жизнь въ лѣсу, среди природы, вдаль отъ душнаго города, такъ же мила его сердцу, какъ героямъ поэмы Шатобриана «Атала», которую онъ, повинувшись, очевидно, внутреннему влеченію, перевелъ на османскій языкъ.

Чистая душа его не терпитъ грязи; онъ—эстетикъ и старается соединять въ своихъ произведеніяхъ три красоты: изящество идей, изящество изображенія и изящество чувствъ.

Вотъ для образца два стихотворенія Экрема: «Ты помнишь ли?» ²⁾ и «Горе слѣпного отрока», въ которыхъ мировоззрѣніе его раскрывается во всей своей поэтичности.

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ поэтъ выпустилъ одинъ сборникъ своихъ стихотвореній.

²⁾ Русскій переводъ напечатанъ въ „*Стамбульскихъ Новостяхъ*“, 1909, № 1; французскій—въ сборникѣ E. F a z y e t A. H. M e m d o u h, Anthologie de l'amour turc. Paris. 1905, стр. 189—191.

Ты помнишь ли?

«Когда наступает весна, всюду въ природѣ происходитъ перемѣна. Укрывшись въ молодой листьѣ, влюбленный соловей меланхолично поетъ о какой-то нѣжности; тогда, взирая на чарующую прелесть неба, вспомни чистоту моей любви; подумай хоть минуту обо мнѣ!

«Если ты находишься въ лодкѣ на водѣ въ тихую, беззвучную ночь, подыми свою голову и оглянись на Божій міръ; если тогда свѣтъ влюбчивой луны тебя печалитъ, вспомни тѣ минуты, которыя мы проводили вмѣстѣ. Взгляни на искристыя волны моря и молчаливо вспомни обо мнѣ!

«Когда на зарѣ въ канкѣ, на Босфорѣ, человѣкъ поетъ газели, съ дрожью въ голосѣ, эти печальные вздохи любви, эти жалобы на одиночество, безъ сомнѣнія, потрясаютъ твое сердце какой-то меланхоліей: тогда тихонько вспомни обо мнѣ!

«Никто не знаетъ о мукахъ, которыя я испытываю, разлученный съ тобой,—я, у кого такое чувствительное и слабое сердце. Но,—увы!—ни разлука, ни страданія, ни тысячи невзгодъ, которыя посылаетъ на меня судьба, не могутъ ослабить моей твердости въ любви. Я люблю тебя, какъ всегда любилъ тебя. Ты одна воодушевляешь меня. Пока слова нѣжности будутъ дрожать у меня на губахъ, вспоминай и ты хоть немного обо мнѣ!

«Въ одинъ прекрасный день мое печальное сердце перестанетъ биться; земля замкнетъ мои уста, и мои нѣжные пѣсни во славу твою, моя единственная радость, замолкнутъ. Тогда, если ты увидишь молчаливою ночью какой-нибудь призракъ, закрой глаза и подумай о томъ, какъ несчастно сложилась моя любовь; подумай тогда печально обо мнѣ!»

Горе слѣплого юноши ¹⁾.

«Мнѣ говорятъ, что солнце—прекрасно, что красивые цвѣты украшаютъ ручьи, склоняясь къ зеркальной водѣ...

¹⁾ Дважды было напечатано по-русски: 1) Турецкій сборникъ (Къ событіямъ на Ближнемъ Востокѣ). Подъ редакціей І. М. Бикермана, СПБ. 1909, стр. 330 (переводъ казанскаго драматурга Исакова). 2) *Стамбульскія Новости*, 1910, № 6, (Стихотвореніе съ небольшими, стилистическими, измѣненіями взято изъ «Турецкаго сборника»).

«Мнѣ говорятъ, что нѣжные бабочки и птицы рѣютъ въ воздухѣ, что цвѣты прекраснѣе, чѣмъ ихъ благоуханіе...

«Что горы, долины, лѣса, рѣчки и ручейки, купаясь въ розовыхъ лучахъ зари, такъ величественны, что человѣкъ теряетъ передъ ихъ чарующей красотой.

«Я же лишень счастья видѣть лазурное небо, волнующееся море, прекрасные цвѣты, зрѣлые плоды, зеленые лѣса и веселое порханіе птицъ.

«Да, всѣ красоты Твоего свѣта сокрыты отъ моихъ очей, о Боже! Но не это печалитъ меня, о нѣтъ! Желаніе наслаждаться великолѣпиемъ этого тлѣннаго міра не столь велико, какъ счастье узрѣть образъ моей матери!..»

И только весна порою пробуждаетъ въ поэтѣ жажду жизни; но радость—преходяща: какъ нѣжный кокетливый цвѣтокъ, которому «утренній зефиръ цѣлуетъ руку», поэтъ быстро увядаетъ и,—облетаютъ цвѣты его веселья.

М. Экремъ, какъ лирикъ, сыгралъ въ османской литературѣ крупную роль; на его произведеніяхъ воспиталась османская молодежь. Недаромъ голосъ общества избралъ его въ министры народнаго просвѣщенія.

Въ теченіе ряда лѣтъ М. Экремъ занималъ мѣсто преподавателя въ учебныхъ заведеніяхъ Константинополя, и въ результатѣ преподавательской дѣятельности онъ составилъ, подъ скромнымъ заглавіемъ, «Учебникъ словесности» («*Taallımı edebiyatı*»), въ которомъ формулировалъ стилистическія правила, основываясь на классическихъ произведеніяхъ османской литературы. Дополненіемъ къ «Учебнику» явился, нѣсколько позже, небольшой, но удачно подобранный, сборникъ стихотвореній «Изъ старыхъ османскихъ поэтовъ» («*Kudemadanı birer kaç şair*»), съ краткими біографіями.

Вліяніе М. Экрема было громадно, и свѣтило новѣйшей поэзіи, Тевфикъ Фикретъ-бей, напр., называетъ его своимъ учителемъ.

IX.

Шемсъ-эд-динъ Сами-бей († 1904 (?)).

По происхожденію албанецъ, Ш. Сами-бей сдѣлалъ для изученія османскаго языка, быть-можетъ, больше, чѣмъ сами османцы. Сперва онъ выступилъ въ литературѣ какъ драматургъ.

Изъ его драматическихъ произведеній наибольшей популярностью пользуется «Беса, или вѣрность слову». Вотъ содержаніе этой драмы.

Въ домѣ зажиточнаго пастуха Зюбейра воспитывается его племянникъ, Реджебъ. Между Реджебомъ и двоюродной его сестрой, Мервеше, завязывается дружба; незамѣтно дружба переходитъ въ любовь, истинный смыслъ которой въ дѣтствѣ отъ нихъ былъ скрытъ. Когда Реджебъ подростъ, онъ уже не въ силахъ совладать со своимъ чувствомъ: онъ объясняется и узнаетъ, что дѣвушка также любитъ его. Такъ, молодые люди, долго смотрѣвшіе другъ на друга, какъ на брата и сестру, сливаются въ блаженствѣ. Отецъ дѣвушки ничего не имѣетъ противъ брака; племянника онъ любитъ, какъ сына, а главное, онъ радъ, что дочь его останется въ домѣ. Но мать, узнавъ о планахъ мужа-высказывается противъ; она—женщина суевѣрная; между родственниками, думаетъ она, не можетъ быть счастливаго брака. Тѣмъ болѣе, у дочери предвидится женихъ, Сюлейманъ, который давно уже неравнодушенъ къ ней. Когда Сюлейманъ узнаетъ, что дѣвушка, сначала отказавшая ему, выходитъ замужъ за пастуха,—онъ груститъ. Демиръ-бей, предводитель албанской четы, въ отрядѣ котораго онъ находится, долго старается отговорить юношу отъ неподходящаго, по его мнѣнію, брака; наконецъ, желая какъ-нибудь помочь Сюлейману, приказываетъ своей дружинѣ схватить Зюбейра, явившагося въ городъ за покупками для свадьбы. Пастуха приводятъ къ атаману шайки, и здѣсь воочию обнаруживается нравственное превосходство Зюбейра надъ разбойникомъ. Несмотря на угрозы атамана, онъ твердитъ, что вѣкъ самоуправства миновалъ; теперь всѣ равны передъ закономъ. И, отмахиваясь палкой отъ разбойниковъ, онъ бѣжитъ къ себѣ. Атаманъ посылаетъ шайку въ деревню невѣсты; происходитъ борьба: Сюлейманъ похищаетъ дѣвушку, для чего ему приходится убить Зюбейра. Тогда жена его клянется надъ трупомъ мужа, что отомститъ своему врагу, и съ ружьемъ въ рукахъ идетъ въ горы.

Въ это время возвращается въ деревню, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, отецъ Сюлеймана, Феттахъ. Во время сна къ нему подкрадывается его старинный врагъ и, обезоруживъ его, хочетъ его убить. Женщина убиваетъ врага, а Феттахъ, въ благодарность за спасеніе, клянется (это и есть албанская «беса»), что, пока не отомститъ убійцамъ ея мужа, не станетъ наслаж-

даться покоемъ. Каково же его отчаяніе, когда онъ узнаетъ отъ женщины, что убійца ея мужа—его сынъ! Однако вѣрность слову превозмогаетъ, и вернувшись домой, онъ убиваетъ своего сына; но тутъ же закалываетъ себя.

Въ пьесѣ много азиатской дикости; слышится стихійность животнаго чувства, не регулируемаго разумомъ.—Пастухъ—представитель горной свободы. Авторъ влагаетъ въ его уста тирады о свободѣ, вызывающія въ публикѣ громъ апплодисментовъ.

Сами-бей, кромѣ «Беса», написалъ еще нѣсколько драмъ; но, очевидно, скоро онъ увидалъ, что его призваніе—не въ этомъ, и оставилъ театр.

Для характеристики общественныхъ воззрѣній Ш. Сами-бея интересенъ небольшой трактатъ его «Женщины» (*Kadyllarë*).

Авторъ осторожно подходитъ къ разрѣшенію женскаго вопроса, и обособленность мусульманки въ общественной жизни (т.-наз. «*местурійетъ*») ¹⁾, у него въ книгѣ обойдена, подъ предлогомъ, что для этого не было испрошено дозволеніе цензуры. Конечно, это—уловка Сами-бея, который зналъ, что стоить затронуть этотъ вопросъ, чтобы нажить себѣ непримиримыхъ враговъ не только въ духовенствѣ, но и среди образованныхъ османцевъ, ревниво оберегающихъ права самцовъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ частичной постановкѣ вопроса, книга Сами-бея говоритъ о его сравнительной мягкости въ сужденіяхъ о женщинахъ. Такъ какъ

¹⁾ Это—одинъ изъ самыхъ большихъ вопросовъ, о которомъ написалъ большой трактатъ (еще не издавъ) Тахси-пъ Нахидъ. Недавно умершій кавказскій публицистъ-педагогъ, Магомедъ-заде Абдулла Тевфики, также хотѣлъ наглядно изобразить жизнь османской женщины, для чего собралъ въ Турціи богатый матеріалъ.—Одно время казалось, что конституція измѣнитъ положеніе женщинъ; но даже учрежденіе женскаго института, о чемъ усиленно хлопотала Фериде-ханумъ, сестра пресѣдателя парламента, Ахмеда Ризы, все тормозится. Изъ-за сочувствія женскому образованію серьезная газета „Миллетъ“ („Нація“), была подвергнута бойкоту: въ газетѣ была напечатана переводная статья о необходимости посланки женщинъ для образованія за границу; эта статья вызвала сильные толки, потому что незадолго передъ тѣмъ Аліи Кемаль въ *Идаманъ* настаивалъ на осмотрительности выбора мужской молодежи для отправки за границу. Если мужчины могутъ свихнуться,—разсуждали противники,—тѣмъ легче возможно это для дѣвушекъ.“ *Миллетъ* пробовала-было оправдываться, но въ концѣ-концовъ должна была, вслѣдствіе равнодушія публики, прекратить свое существованіе.

прогрессъ мусульманскихъ народовъ связанъ съ реформой женскаго вопроса, слѣдуетъ вывести мусульманку изъ рабства, т. е. дать ей средства для образованія; для этого однако отнюдь не должно подражать европейцамъ, у которыхъ отъ излишней свободы, предоставленной женщинѣ, царить развратъ. Нѣтъ, заимствованіе западно-европейской культуры не должно переходить извѣстныхъ границъ и становится въ противорѣчіе съ религіей ислама. Только тогда нація можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда права женщины ограждены отъ всякихъ посягательствъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ предъявлять къ женщинѣ требованія о воспитаніи дѣтей, нужно ей даровать права. Въ такомъ случаѣ, женщина можетъ исполнить священныя обязанности, налагаемыя на нее человѣчествомъ.

Трактатъ Самы-бея свидѣтельствуетъ о томъ, что въ обществѣ нарождается новое теченіе, благопріятно настроенное по отношенію къ женскому образованію. (Вопросъ объ аномаліяхъ брака въ османскомъ обществѣ затронуть былъ имъ также въ романѣ «Любовь Тальбата и Фитнетъ»).

Трактатъ о женскомъ образованіи вытекалъ у Самы-бея изъ взглядовъ на отсталость османскаго общества, по сравненію съ Европой; въ цѣломъ рядѣ небольшихъ книжекъ, вышедшихъ въ серіи «Карманная библіотека», Самы-бей давалъ читателю разнообразныя свѣдѣнія объ окружающемъ его мірѣ: О человѣкѣ; Языкѣ (классификація человѣческихъ языковъ); Небо; Земля; Исламская цивилизація; Суевѣріе; Принципы критики, и т. д. Заботясь о религіозномъ воспитаніи народа, Самы-бей перевелъ на османскій языкъ Коранъ, но попытка его издать переводъ встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны фанатиковъ.

Еще болѣшую извѣстность получилъ Самы-бей, какъ составитель словарей. Его османско-французскій словарь, вышедшій четверть вѣка тому назадъ, теперь, конечно, въ значительной степени потерялъ свою цѣну, ¹⁾ такъ какъ нигдѣ, быть-можетъ, языкъ такъ быстро не измѣняется, какъ въ Турціи, слѣшно

¹⁾ Недавно вышло второе изданіе Словаря; но такъ какъ издатель (армянинъ Михрачъ) отказался дать родственникамъ Самы-бея извѣстную сумму за перепечатку труда, вопросъ о правахъ на изданіе былъ разрѣшенъ своеобразно, — „alla tıgca“: имя Самы-бея было снято съ заглавнаго листа и замѣнено именемъ редактора Словаря, Т. Келекияна.

переустройствающей свою жизнь на европейскій ладъ. При своихъ недостаткахъ (объясняемыхъ, пожалуй, его иностраннымъ происхожденіемъ), словарь Самы-бея сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ изученія османскаго языка за границей; да и по настоящее время ничѣмъ другимъ не вытѣсненъ.

Среди разнообразныхъ словарей, составленныхъ Самы-беемъ, съ цѣлью распространить въ обществѣ знаніе, выдѣляется монументальный «Біографо-географическій словарь». Образцомъ для него послужили французскіе словари подобнаго типа, но цѣненъ для насъ его Словарь не своими компиляціями изъ европейскихъ источниковъ, а статьями изъ міра ислама и, главное, біографическими статьями объ османскихъ дѣятеляхъ. Правда, въ Словарѣ много промаховъ, и очень крупныхъ: не всегда свѣдѣнія, даваемыя Самы-беемъ, отличаются точностью; иногда они прямо невѣрны, но ошибки эти были неизбѣжны, если вспомнить, что до него на османскомъ языкѣ ничего не было, и Самы-бею приходилось впервые прокладывать себѣ дорогу.

Какъ сообщилъ недавно Веледь-челеби, находившійся въ послѣдніе годы въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нимъ, Самы-бей живо интересовался также старо-турецкимъ и уйгурскимъ языками. Въ его бумагахъ сохраняются переводы и извлеченія изъ орхонскихъ надписей и Кудатку-биликъ. На основаніи словарнаго матеріала, заключающагося въ этихъ памятникахъ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, онъ собирался-было издать «Словарь стараго турецкаго языка»; но, повидимому, такъ и не успѣлъ придать окончательную форму своему труду.

Насколько сильно было увлеченіе Самы-бея Кудатку-биликъ, показываетъ тотъ фактъ, что, сравнивая Кудатку-биликъ, по своему значенію для турокъ, съ Илиадой, онъ все мечталъ о томъ времени, когда этотъ памятникъ займетъ въ школьномъ образованіи турокъ такое же почетное мѣсто, какое заняли древніе классики въ европейской школѣ.

Въ работахъ Самы-бея, пожалуй, не видно оригинальности; но въ цѣломъ, онъ заслуживаетъ уваженія, какъ трудолюбивый систематизаторъ и компиляторъ ¹⁾.

¹⁾ Публицистико-политическая дѣятельность Самы-бей, проникнутая албанскими тенденціями, не входитъ въ мою задачу.

X.

Муаллимъ Наджи (1850—1893).

Муаллимъ Наджи принадлежит къ числу видныхъ писателей новой османской литературы, которая характеризуется прогрессивнымъ усиленіемъ вліянія европейскихъ образцовъ. Между тѣмъ какъ у многихъ его современниковъ знакомство съ европейской культурой сопровождалось разрывомъ съ народно-религіозными традиціями, Муаллимъ Наджи сумѣлъ избѣжать этого конфликта. Сторонникъ европейскаго образованія, онъ въ своей литературной дѣятельности выдвигалъ здоровые элементы старой арабско-персидской культуры, давно уже опредѣлившей міровоззрѣніе османской интеллигенціи, рассчитывая, очевидно, оградить такимъ образомъ османскую литературу отъ крайностей подражанія Европѣ. Однако попытка Муаллима Наджи возродить въ османской литературѣ нео-классицизмъ успѣха не имѣла ¹⁾ и даже навлекла на него подозрѣніе въ ретроградствѣ. Немало способствовало этому, вѣроятно, и дервишество Муаллима Наджи.

Муаллимъ Наджи родился въ Константинополѣ въ семьѣ безграмотнаго трудолюбиваго сѣдельника Алія-аги. По смерти мужа, мать увезла дѣтей къ себѣ на родину въ Варну. Здѣсь Муаллимъ Наджи поступилъ въ «медресе», и это въ значительной степени отразилось, вѣроятно, на складѣ его литературной физіономіи. Юношей Муаллиму Наджи пришлось зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба: семнадцати лѣтъ онъ уже учительствовалъ въ городской школѣ въ Варнѣ. Чтобы удовлетворить своимъ литературнымъ наклонностямъ, онъ началъ сотрудничать въ газетѣ *Tuna* («Дунай»); ²⁾ статьи его были настолько интересны, что ихъ перепечатывали даже столичныя (константинопольскія) газеты. Способности молодого учителя обратили на него вниманіе османскаго «энциклопедиста», Ахмеда Мидхата-эфенди, и вскорѣ Муал-

¹⁾ Ревностнымъ сторонникомъ его былъ недавно умершій шейхъ Васфи.

²⁾ Изъ печатавшихся въ газетѣ «разъясненій учителя своимъ ученикамъ» составилъ впоследствии сборникъ «Мои письма» («*Mektublarım*»).

лимъ Наджи былъ вызванъ въ столицу. Съ этого момента для Муаллима Наджи открывается широкое поле дѣятельности. Онъ принимаетъ на себя редактированіе литературнаго отдѣла въ газетѣ Ахмеда Мидхата-эфенди, «*Терджимани хакиматъ*» («Толковникъ истины»), и своими критическими статьями и замѣчаніями, впоследствии собранными въ сборникѣ «Учитель» («*Муаллимъ*»), пробудилъ въ молодежи интересъ къ литературѣ. Педагогическая жилка Муаллима Наджи получаетъ еще большее развитіе въ немъ со времени чтенія лекцій въ лицей Галата-сарай ¹⁾; къ этому періоду въ жизни Муаллима Наджи относится рядъ литературно-лексикографическихъ работъ, свидѣтельствующихъ о широкой начитанности Наджи не только въ старой османской литературѣ, но и въ арабской и персидской, какъ-то: «Теорія словесности», «Сборникъ педагога», «Словарь собственныхъ именъ», «Словарь иностранныхъ словъ», «Османскіе поэты», и т. д. Незадолго до смерти Муаллимъ Наджи былъ назначенъ государственнымъ исторіографомъ, и въ этой новой должности успѣлъ проявить присущую ему усидчивость, принявъ различныя архивныя и археологическія изысканія.

Такимъ образомъ, главное значеніе Муаллима Наджи выражается въ его учено-литературныхъ трудахъ; недаромъ за нимъ утвердилось прозвище «Муаллимъ», т. е. учитель.

Кромѣ того, онъ оставилъ нѣсколько сборниковъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, не представляющихъ однако большого интереса, потому что поэтической талантъ Муаллима Наджи не былъ особенно великъ. (Онъ находился подъ вліяніемъ В. Гюго и Сюлли Прюдома). Въ своихъ стихотвореніяхъ Муаллимъ Наджи часто проводитъ ту мысль, что счастье достигается жизнью дѣятельной. Эта мысль была усвоена имъ еще въ дѣтствѣ отъ родителей и впоследствии стала основой его міровоззрѣнія. Самъ живой работникъ, онъ вѣритъ въ силу труда и свою вѣру внушаетъ другимъ. Однако и на него порою, подъ вліяніемъ политическаго безвременья, воцарившагося въ

¹⁾ Эта школа, съ преподаваніемъ на французскомъ языкѣ, была основана султаномъ Абдулъ-Азизомъ (1861—1876), съ цѣлью — дать у себя на родинѣ османской молодежи европейское образованіе: заграничныя поѣздки, рассуждало правительство, только развращаютъ юношество.

Турціи при султанѣ Абдуль-Хамидѣ, находитъ уныніе. Въ *Теркибъ-бенди* онъ покорно заявляетъ, что «нужно сносить насиліе, ибо какъ справедливость, такъ и несправедливость — отъ Бога». Можетъ-быть, стоить еще упомянуть о его народническихъ стихотвореніяхъ изъ житія-бытія мало-азійскаго крестьянина. Онъ подслушалъ также изъ устъ народа пѣсню «*Бурчакчы кызъ*»¹⁾, въ которой бѣдная деревенская дѣвушка жалуется на равнодушіе юноши.

Изъ его прозаическихъ произведеній шедевромъ, — во всей османской литературѣ, — является «Дѣтство Омара»²⁾, — автобіографическіе очерки, которые знакомятъ съ бытомъ османской бюргерской семьи, крѣпкой своими религіозными устоями. Живость изображенія картинъ изъ чуждаго для насъ міра, естественность, свободная отъ позирования, мягкій тонъ, проникающій рассказъ, — все это невольно подкупаетъ читателя; герои «Дѣтства Омара» становятся для него родными, и дѣтскія радости и горе Омара волнуютъ насъ въ той же степени, какъ его самого.

ХІ.

Итоги западнаго вліянія въ османской литературѣ.

Займствованіе европейскихъ идей, безъ ихъ логической послѣдовательности и примѣнимости къ складу восточной жизни, вносило въ произведенія, да и въ умы, путаницу. Тѣмъ не менѣе, для османскаго общества даже эти, подчасъ исковерканныя въ пониманіи писателей, идеи были откровеніемъ и усиливали ихъ разрывъ съ вѣковымъ вліяніемъ персовъ. Правда, османцы впадали при этомъ въ другую крайность и нерѣдко рабски подражали европейскимъ образцамъ.

Первоначально знакомство османцевъ съ «франками» шло исключительно черезъ французовъ, и на османскій языкъ лихо-

рабочно переводились произведенія французской литературы.¹⁾ На-ряду съ писателями просвѣтительной эпохи появляются въ османскомъ переводѣ представители романтизма, сентиментализма. Еще болѣшій спросъ встрѣчаютъ, однако, на книжномъ рынкѣ бульварныя произведенія, — уголовные романы съ inferнальной фабулой (Поль-де-Кокъ, Понсонъ-дю-Террай, Ксавье-де-Монтень и др.)²⁾. Въ этомъ сказалась восточная черта, нашедшая выраженіе, напр., въ «Тысячѣ и одной ночи». Быть-можетъ, развѣ «мировая скорбь», расцвѣтшая въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка, нашла въ османцахъ живой отголосокъ. Свидѣтели великихъ переворотовъ въ Средней Азии, свидѣтели паденій могущественныхъ государствъ, жители Востока, естественно, убѣждались въ бренности міра, разочаровывались въ его цѣнности и обращали свои взоры въ высъ; но, скованные земной оболочкой, они еще сильнѣе чувствовали свою беспомощность, чтобы соединиться съ божествомъ. Подъ такими возрѣніями создавалась также османская нація.

Однако, по мѣрѣ того, какъ росло вліяніе французской литературы, въ обществѣ, до тѣхъ поръ вбиравшемъ въ себя безпорядочно произведенія книжнаго рынка, — возникаетъ вопросъ о необходимости предварительнаго изученія французскихъ классическихъ писателей. Крайне симптоматическимъ является въ этомъ отношеніи письмо нѣкоего Фуада, ученика одной изъ парижскихъ школъ, принявшаго участіе лѣтъ 15 тому назадъ, на страницахъ газетъ, въ спорѣ о классикахъ. Онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что безъ знанія классиковъ невозможно изученіе языка. Письмо мѣстами обнаруживаетъ незрѣлость мысли молодого спорщика; но для исторіи проникновенія въ Турцію французскихъ идей, быть-можетъ, важно указаніе Фуада, что, переписываясь со своими константинопольскими товарищами, онъ дѣлился съ ними впечатлѣніями о постановкѣ преподаванія и, со словъ учителей, рекомендовывалъ имъ для прочтенія рядъ произведеній.

¹⁾ Есть, впрочемъ, преданіе, что османцамъ давно были уже извѣстны многія классическія произведенія (Юлій Цезарь, Плутархъ); Макъявелли былъ знакомъ въ Турціи въ XVII вѣкѣ.

²⁾ Paul Horn, Die türkische Literatur (Въ серіи „Die Kultur der Gegenwart“, hrsg. von P. Hinneberg. Die orientalischen Literaturen. 1906; стр. 277.)

¹⁾ Слово «бурчакъ» значитъ горохъ; «бурчакчы кызъ» — дѣвушка, собирающая въ полѣ горохъ.

²⁾ Приготовлено для печати. — Есть нѣмецкій переводъ А. Меркса: *Aus Muallim Nadschi's Sünbüle. Die Geschichte seiner Kindheit.* Berlin, 1898.

Помимо переводовъ отдѣльныхъ произведеній западно-европейскихъ литературъ, бывали изрѣдка попытки суммарно познакомиться соотечественниковъ съ западными литературами въ ихъ цѣломъ. Такъ, уже лѣтъ двадцать пять тому назадъ Ахмедъ Расимъ издалъ небольшую книжечку «Западные литературы», въ которой собралъ отрывки изъ извѣстныхъ ему французскихъ писателей. Подборъ матеріала (Жанъ-Ж. Руссо, Шатобрианъ, Викторъ Гюго) характеренъ не для одного А. Расима, но вообще для всѣхъ османцевъ. Книга сопровождается обычнымъ на Востоку рекомендательнымъ письмомъ, — Муаллима Наджи, который старается проникнуть въ строй мысли Расима и объясняетъ цѣль его книжки: «Вотъ какова западная литература, берите у нея все хорошее и отриньте все дурное». Муаллимъ Наджи картинно говоритъ о дикой искусственности образовъ восточной поэзии, которая «сравниваетъ кудри красавицы съ гадюкой».

Работа нѣкоего Нюзхета «О западно-европейской литературѣ и ея писателяхъ» построена болѣе широко; она захватываетъ литературныя явленія всего Запада (составлена книга, правда, исключительно по французскимъ пособіямъ), но преслѣдуетъ также практическія цѣли, — изученіе западно-европейскихъ языковъ. Поэтому въ началѣ книги авторъ разбираетъ системы и руководства для изученія иностранныхъ языковъ. Изложеніе Нюзхета не отличается особой глубиной; весь центръ тяжести лежитъ въ біографическихъ очеркахъ, въ которыхъ авторъ попутно регистрируетъ главнѣйшія произведенія (часто съ большими пропусками и промахами) изучаемаго писателя и едва-едва намѣчаетъ ихъ содержаніе или сообщаетъ характерную мысль или цитату, особенно, если она получила всеобщую извѣстность. Въ главѣ объ англійской литературѣ онъ удѣляетъ большое вниманіе Шекспиру и въ особенную заслугу ставитъ ему уклоненіе отъ такъ-наз. аристотелевскаго правила о трехъ единствахъ въ драмѣ ¹⁾. Какъ

¹⁾ Критико-біографическій очеркъ о Шекспирѣ былъ въ журналѣ „Манзара“, изд. подъ редакціей Нури-бея, 1303 г. х., № 1. Изъ драматическихъ произведеній Шекспира на османскій языкъ переведены: 1) „Зимняя сказка“, 2) „Два веронца“, 3) „Ромео и Джульетта“, 4) „Ошибка“ (sic!) (Три послѣднія — Болджилномъ; въ случаѣ успѣха, Болджиланъ предполагалъ переложить и другія драмы; „Комедія ошибокъ“ существуетъ, кажется, еще въ переводѣ Хасана Сирри. Констан-

своеобразны однако представленія Нюзхета о литературѣ, говорить, напр., тотъ фактъ, что въ главѣ о нѣмецкой литературѣ онъ упоминаетъ барона фонъ-деръ-Гольца, инструктора османскихъ войскъ; о французскихъ chansons de geste онъ отзывается, какъ о грубыхъ пѣсняхъ; а заканчивается очеркъ — біографіей Ж. Верна. Съ идейной точки зрѣнія еще большее значеніе представляетъ, пожалуй, книга Ушаки-заде Халида Зіи «Новелла», въ которой рассказывается исторія романа въ Европѣ; отдавая предпочтеніе роману натуральной школы, онъ намѣчаетъ османскимъ переводчикамъ правила, которыми они должны руководиться при выборѣ произведеній для перевода. На оригинальныхъ произведеніяхъ Ушаки-заде Халида Зіи, прибавимъ, всецѣло отразилась компановка новеллъ Гюи-де-Мопассана. ¹⁾.

Такъ постепенно западно-европейское вліяніе вторгается въ османскую литературу, — въ интеллигенцію османскаго общества. Оно выразилось какъ въ стилѣ, такъ и въ самомъ построеніи рассказа; въ послѣдствіи въ османской литературѣ, подъ вліяніемъ романовъ П. Бурже, зарождается также психологическій романъ, обнаруживающій однако неопытность османскихъ подражателей. Съ перваго нумера газета *Идамъ*, основанная въ 1894 году Ахмедомъ Джевдетомъ, приступила къ печатанію романа П. Бурже «Андрэ Корнели»; между прочимъ, одной изъ главнѣйшихъ цѣлей было «пріучить къ чтенію серьезныхъ книгъ публику, поглощающую бульварные французскіе романы Ксавье и Ришбура».

Народная османская литература (не говоря уже объ османской «орта ойну», вышедшей изъ итальянской commedia dell'arte), быть-можетъ, даже раньше испытала на себѣ вліяніе Запада.

тинополь, 1304). 5) Венеціанскій купецъ, переводъ Х. И. Константинополь. 1301. Въ послѣднее время за переводъ Шекспира взялся видный публицистъ, — долго жившій за границей, Абдулла Джевдетъ; въ журналѣ его „Ижтихадъ“ появились уже переводы „Гамлета“, „Макбета“, „Юлія Цезаря“, „Ромео и Джульетты“, — Тамъ же въ переводѣ русскаго мусульманина, Хюсейнъ-заде Али-бея, напечатанъ Фаустъ, Гёте.

¹⁾ Съ 1909 года въ константинопольскомъ университетѣ А. Хикметъ началъ читать курсы по исторіи западно-европейскихъ литературъ.

На репертуаръ османскаго «Петрушки»,—Карагёза ¹⁾ видно, напр., вліяніе Мольера.

Комедіи Мольера давно получили въ Турціи большое распространіе. Ахмедъ Вефикъ-паша въ бытность свою великимъ везиромъ, перевелъ на османскій языкъ рядъ (10) комедій ²⁾.

Совершенно уже не подозрѣвая заимствованій изъ автора, о которомъ публика, занимающаяся во время представленія лущеніемъ орѣховъ, и не слыхала, быть-можетъ, никогда,—карагёзчики воспроизводятъ въ своихъ пьесахъ сцены изъ комедій Мольера (изъ «Скупого», «Тартюфа», «Продѣлокъ Скапена» ³⁾). Какъ указываютъ современные карагёзчики, эти сцены были уже въ репертуарѣ знаменитаго ихъ предшественника, умершаго лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, Хасана Карагёза.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь объ отдѣльныхъ лицахъ и фактахъ. Однако западная культура оказала сильное вліяніе на все міровоззрѣніе османцевъ. Венгерскій ориенталистъ, туркофиль Германъ Вамбери, учитывая западно-европейское вліяніе на Турцію ⁴⁾, пытается убѣдить европейцевъ, что Турція преобразилась со времени обнародованія Гюльханейскаго акта, что все населеніе, включая духовенство, проникнуто духомъ западной цивилизаціи, и т. д. Конечно, это—преувеличенія, подсказанныя желаніемъ ослабить впечатлѣніе, произведенное въ серединѣ девятнадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія книгой туркофоба, герцога Эрджилля (d' Argyll). Какъ бы тамъ ни было, вліяніе западной культуры сказалось прежде всего во внѣшнихъ заим-

¹⁾ Отличіе его отъ Петрушки состоитъ въ томъ, что османскій импрессио показываетъ на полотнѣ тѣневые изображенія Карагёза и другихъ дѣйствующихъ лицъ.

²⁾ Существуетъ также переводъ Алія-бей, сдѣланный нѣсколько раньше. Кроме того, Зія-паша перевелъ «Тартюфъ», подъ заглавіемъ «Конецъ ханжи» (1298 г. х.). Не безъ вліянія Мольера написана одна изъ комедій М. Хильми («Отецъ, у котораго 20 дѣтей»): P. Horn, Geschichte der türkischen Moderne, стр. 55.

³⁾ Adolphe Thalasso, Molière en Turquie. Etude sur le théâtre de Kagueuz. Paris. 1888, стр. 15, слѣд. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этой брошюрѣ, повторены позже (въ 1904 году) въ этюдѣ того же автора «Le théâtre turc» (изданіе La Revue Théâtrale).

⁴⁾ A. Vambery, La Turquie d'aujourd'hui et d'avant quarante ans. Traduit de l'allemand. Paris. 1898.

ствованіяхъ, въ измѣненіяхъ общественнаго и семейнаго быта,—измѣненіяхъ, произвольно ослабляющихъ въ османцѣ его застарѣлое предубѣжденіе противъ европейцевъ. И все сильнѣе сознается необходимость въ сближеніи съ Западомъ; и все больше теряетъ подъ собою почву религиозный фанатизмъ, — вѣковая препона между Востокомъ и Западомъ.

Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ газетѣ «Игдамъ», на столбцахъ которой печатались интересныя литературно-общественныя корреспонденціи Алія Кемали изъ Парижа ¹⁾.

¹⁾ Правда, его упрекали въ томъ, что статьи его—не что иное, какъ переводъ изъ французскихъ газетъ.

Приложеніе.

Русскіе въ османской литературѣ; переводы съ русскаго языка.

Несмотря на то, что политическія сношенія съ Россіей восходятъ къ эпохѣ Баязида II (1481—1512), мысль узнать своего сосѣда пробуждается у османцевъ лишь въ XIX вѣкѣ. Незнакомство съ языкомъ, естественно, заставляло первое время обращаться къ посредничеству языка народа, чья культура давно уже проникала въ Турцію, — французскаго. Неудачныя войны, веденныя Турціей съ Россіей въ царствованіе императрицы Екатерины II, вызывали въ османскомъ обществѣ особый интересъ къ «сѣверной Семирамидѣ». Однако въ выборѣ книгъ для ознакомленія съ ней османцы обнаружили (какъ впоследствии при зачаткахъ западнаго вліянія) полную неосвѣдомленность въ литературѣ предмета; едва ли не первой книгой, трактовавшей о сѣверномъ сосѣдѣ, было сочиненіе Кастера «Исторія императрицы Екатерины». Это сочиненіе вышло годъ спустя послѣ смерти императрицы, и успѣло значительно устарѣть къ тому времени, когда его переводилъ на османскій языкъ драгоманъ государственнаго совѣта, Яковани Аргиропуло.¹⁾

Послѣ этого опять наступаетъ длинный перерывъ, и пробужденіе интереса къ Россіи связывается, — съ одной стороны, съ завоеваніями Россіи въ Средней Азій²⁾, а съ другой сто-

¹⁾ Издано въ Египтѣ дважды: въ 1829 и 1831 годахъ.

²⁾ Около этого времени появляется описаніе „Путешествія (Эмина) въ Среднюю Азію“ и „Историко-географическій очеркъ Хивы“ (А. Суави.)

роны, — со славянскимъ движеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи крайне характерно драматическое произведеніе Визенталя, выходца изъ Венгріи, — «Черняевъ въ Азій» (написано въ 1877 году). Произведеніе сплошь проникнуто руссофобской тенденціей: средне-азиатскіе турки, поголовно всѣ, отличаются благородствомъ и національной гордостью (особенно турчанка Зюлейха), и напрасно генераль Черняевъ склоняетъ ихъ для личнаго спасенія на измѣну родинѣ.

Почти въ то же время появилась въ серіи «Человѣчество» Ахмеда Мидхата-эфенди «Исторія Россіи», доведенная до 1855 года. Разумѣется, самостоятельнаго значенія «Исторія» не имѣетъ; это — компиляція, составленная по французскимъ книжкамъ. Авторъ даетъ оцѣнку правительственной политикѣ, исполонъ вѣка давившей какъ въ русской націи, такъ и въ подчиненныхъ Россійскому Государству народахъ, стремленіе къ просвѣщенію.

Такъ же слаба появившаяся лѣтъ пятнадцать тому назадъ исторія Россіи, принадлежащая перу артиллерійскаго офицера Исмаила Хаккы, подъ заглавіемъ «Свѣдѣнія о Сѣверѣ, или исторія Россіи» (доведена до насильственной смерти императора Павла I).

Словомъ, представленіе османцевъ о Россіи создавалось подъ вліяніемъ иностранной (французской) литературы.

Поворотный пунктъ въ исторіи знакомства османцевъ съ Россіей открывается дѣятельностью Мехмеда Мурада-бея. Родомъ дагестанецъ, Мурадъ-бей получилъ въ Россіи среднее образованіе и, переселившись въ Турцію, сразу выдвинулся. Впоследствии онъ игралъ выдающуюся роль въ младотурецкомъ кружкѣ, поведшемъ кампанію противъ султана Абдуль-Хамида¹⁾; но вскорѣ между нимъ и другими членами комитета произошли разногласія, закончившіяся полнымъ разрывомъ, а послѣ контрреволюціи 1909 года, обвиненный въ потворствѣ реакціи, Мурадъ-бей былъ сосланъ на островъ Родосъ.

Не говоря о «Всеобщей исторіи», составленной, кажется, по

¹⁾ Свѣдѣнія о кружкѣ заключаются въ автобіографическихъ запискахъ Муджакедѣйи милліе (Национальная борьба).

русскому переводу Вебера, Мурадъ-бей перевелъ или, точнѣе, передѣлалъ «Горе отъ ума» Грибоѣдова.

Выборъ произведенія далеко не былъ случаенъ. Начавшееся тогда чрезмѣрное увлеченіе Западомъ не могло не внушать серьезныхъ опасеній преданнымъ турецкой идеѣ людямъ, а въ рѣчахъ Чацкаго,—особенно въ монологѣ III дѣйствія, Мурадъ-бей могъ видѣть подтвержденіе необходимости огородить Турцію «китайской стѣной», для сохраненія національнаго обличья ¹⁾).

Еще больше сдѣлала въ качествѣ переводчицы русская женщина, жена казанскаго городского головы, О. С. Лебедева (почетная предсѣдательница Общества Востоковѣдѣнія въ С.-Петербурѣ). Возможно, что съ дѣтства уже она знала казанско-турецкій языкъ, и встрѣтившись въ Стокгольмѣ, на конгрессѣ ориенталистовъ, съ османскимъ писателемъ, Ахмедомъ Мидхатомъ-эфенди, занялась подъ его руководствомъ изученіемъ османскаго языка; вскорѣ появился рядъ небольшихъ повѣстей и рассказовъ, переведенныхъ ею съ русскаго языка, какъ напр.: Мятель и Пиковая Дама, Пушкина ²⁾); отрывки изъ Демона, Лермонтова (съ біографіей) ³⁾); Семейное счастье (первый переводъ); Ильясь, или истинное счастье, Л. Толстого и др. Ею же составленъ краткій очеркъ русской литературы (отъ эпохи Петра Великаго до Л. Толстого).

Впослѣдствіи число переводчиковъ увеличилось: казанскій татаринъ, Муса Кязимъ (преподаватель русскаго языка) познакомилъ османцевъ съ Гоголемъ (отрывки изъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»); въ фельетонахъ газеты «Индамъ» Мехмедъ Зюхди (помакъ) ⁴⁾ дѣлалъ переводы изъ Л. Толстого,—отрывки изъ «Рабства нашего времени»; Потапенки и др. ⁵⁾

¹⁾ Подробный разборъ перевода, со сличеніемъ его съ оригиналомъ, въ статьѣ М. А. Гамазова «Горе отъ ума въ турецкомъ (= османскомъ) переводѣ». *Вѣстникъ Егерои*, 1886. I, стр. 430—450.

²⁾ Отдѣльно издана ею біографія Пушкина, предварительно напечатанная въ «*Сервети флюнгу*».

³⁾ Біографія его была напечатана также въ журналѣ «*Мектебъ*», 1311 г. Х., № 10.

⁴⁾ Мусульманинъ изъ болгаръ.

⁵⁾ Разумѣется, больше всего влечетъ къ себѣ османцевъ Толстой. Объ этомъ замѣтилъ: 1) Турки о Толстомъ, *Русскія Вѣдомости*, 1910, № 283. 2) Толстой въ Турціи. (Библиографическая замѣтка). *Извѣстія Общества Толстовскаго*

Почему-то безъ имени автора вышелъ (въ 1321 г. х.) переводъ съ французскаго романа Тургенева «Дымъ», сдѣланный Абдулла Зюхди. (Сначала романъ былъ напечатанъ въ газетѣ «Индамъ»).

Послѣ событій 1905 года ¹⁾ интересъ къ русской литературѣ, кажется, еще больше увеличился; въ постыдномъ незнаніи османцами Россіи начинаютъ сознаваться уже и газеты («Индамъ») ²⁾, и приходится только сожалѣть объ отсутствіи опытныхъ переводчиковъ. Какъ глубоко идетъ увлеченіе русской литературой, показываетъ разговоръ С. Я. Елпатьевскаго съ младотуркомъ, который, плѣненный русской литературой, не могъ безъ слезъ и волненія читать русскіе рассказы,—произведенія русскихъ классиковъ (Пушкина, Лермонтова, Гоголя), и въ порывѣ восторга заявилъ, что онъ и сына своего, послѣ родного языка, будетъ прежде всего обучать русскому ³⁾. Такъ, медленно, правда, создается почва для взаимнаго пониманія.

Музея, 1911, №№ 3—5, стр. 116—118. Съ 6-го марта 1912 года въ газетѣ «*Ени газет*» въ переводѣ съ французскаго Эмина Ламинъ началъ печатаніемъ романъ Толстого «Война и миръ».—Тамъ же мною были напечатаны рассказы: «Сигналъ», Гаршина (1910, №№ 711, 712) и «Броженіе умовъ», Чехова (1910, № 751).

¹⁾ Въ журналѣ «*Сервети флюнгу*» печаталась работа «Послѣдствія русской революціи». Издатель журнала, А. И х с а н ъ, проявлялъ вообще большой интересъ къ Россіи; такъ, въ 1896 году онъ поѣхалъ въ Москву на коронацію и совершилъ путешествіе по восточной Россіи.

²⁾ Въ 1908 году младотурецкая газета «*Танимъ*» начала знакомить, въ переводѣ съ французскаго, своихъ читателей съ «Матерью» Горькаго; въ 1909 году въ газетѣ «*Иккиль*» переведенъ рассказъ «Тюрьма»; въ салоникскомъ журналѣ *Генчъ калемлеръ* былъ напечатанъ въ 1911 году «Красный смѣхъ», Андреева.

³⁾ С. Е л п а т ѣ в с к і й. Ко дню Гоголя. *Русскія Вѣдомости*. 1909, № 95.

II. Сатира на галломанію.

При первыхъ робкихъ отзвукахъ европейскаго вліянія консерваторы встревожились и, боясь утратить свой престижъ, осыпали насмѣшками носителей европейскихъ идей.

Такъ, нѣкій Мехмедъ-ага, вооружаясь противъ публицистической дѣятельности Шинаси-эфенди, написалъ стихотвореніе, въ которомъ, играя значеніемъ именъ Шинаси (отъ персидскаго слова «*шинахтен*» = знать) и Агяхъ (= освѣдомленный), говорилъ: «они (Шинаси и Агяхъ) пишутъ всякій вздоръ, какой приходитъ имъ въ голову; Шинаси не имѣетъ никакого представленія о мірѣ, а что касается Агяха, то онъ очень невѣжественъ». Это было брюзжанье старой партіи, отъ которой ускользала власть.

I.

Аліи Юльви.

Между тѣмъ, европейское вліяніе властно вторгалось въ жизнь Турціи; и очарованные ласкающими звуками французской рѣчи ¹⁾, османцы забывали все свое, чтобы стать рабами французскихъ модъ. Въ Турціи зарождается типъ золотой молодежи, — «шикъ», мѣтко осмѣянный въ стихотвореніи Аліи Юльви ²⁾ *Ала франга биръ газель* (Газель на французскій ладъ ³⁾). Вотъ какъ

¹⁾ До сихъ поръ у османскихъ писателей (напр., Джелаль Нури, Изеть Мелихъ) не прошла страсть писать по-французски.

²⁾ Сторонникъ упрощенія османскаго языка; сотрудничалъ въ газетѣ *Индамъ*.

³⁾ Сборникъ „*Гемини газель*“ („На-скоро“). Константинополь. 1304 г., х. стр. 45 — 46. — Онъ составилъ также сборникъ анекдотовъ *Гель, кейфильг, гель* („Ну-ка повеселимся!“).

онъ описываетъ повѣсу: «Ахъ, мой сударь, ты чуть не разможилъ челюсть (размахивая) своей тросточкой. И вы напрасно думаете, что вина искупается вашимъ «*pardon!*» Никому нѣтъ отъ него покоя, ну, да стѣить ли волноваться изъ-за этого?.. Мы наймемъ сейчасъ фаэтонъ, — думаетъ «шикъ», — и прокатимся по «Везнеджилеръ» (аристократическій кварталъ города). — Господа! Не обольщайтесь фальшивымъ блескомъ нашего «шикъ-бея». Въдь часы свои онъ заложилъ и разгуливаетъ съ одной цѣпочкой. Взгляни, какъ хорошо работаетъ этотъ невзрачный на видъ ресторанъ, въ которомъ такіе обольстительные, очаровательные гарсоны» ¹⁾.

II.

Хюсейнъ Рахми.

Еще сильнѣе язвы османскаго общества выставлены на-показъ въ произведеніяхъ Х. Рахми. Въ первомъ произведеніи, вышедшемъ лѣтъ двадцать тому назадъ, «Зеркало, или повѣса», («*Айна йхудъ шикъ*»), намѣчаются типичныя черты его дарованія, направленнаго къ осмѣянію рабскаго подражанія Европѣ. Съ большимъ искусствомъ изобразилъ онъ похождения Шатыръ-заде, въ лицѣ котораго вывелъ османскую молодежь, безъ разбора увлекающуюся всѣмъ, что носитъ на себѣ французскую печать. Чрезмѣрная галломанія героя, при ограниченности ума, создаетъ рядъ комическихъ приключеній.

Жизнь Шатыръ-заде проходитъ въ европейской части города, — въ Перѣ, въ компаніи французовъ и левантинцевъ ²⁾, которые для него являются жрецами моды и вкусовъ. Онъ завелъ себѣ любовницу изъ французенокъ, и чтобы удержать ее у себя, пускается на неблаговидныя штуки и выкрадываетъ между прочимъ у своей матери брилліанты. Въ восторгѣ отъ своей побѣды, онъ хочетъ выйти съ любовницей на прогулку; но для большаго шика, — кажется ему, — нужно еще вести на привязи мопса, ³⁾ и

¹⁾ Авторъ хочетъ сказать, что „шикъ“, подражая во внѣшности европейцамъ, не оставилъ однако *восточныхъ пороковъ*.

²⁾ Потомки европейцевъ, осѣвшихъ на Востокѣ, — „Левантъ“.

³⁾ По шаріату, собака — нечистое животное; но подражаніе европейцамъ, распространяющееся на устройство квартиры, — въ домѣ нужно имѣть кошку, собаку и пианино, — ослабляетъ силу религіозныхъ требованій.

французенка, чтобы посмѣяться надъ нимъ, беретъ уличную собаку. Разукрасивъ ее ленточками и бантиками, они выходятъ на Перу; въ это время собаки Перы чувствуютъ въ наряженной собачекѣ «Дроль» непрошеннаго гостя, вторгающагося въ ихъ кварталы, и съ лаемъ кидаются на нихъ ¹⁾. Долго они безуспѣшно отбиваются отъ нихъ и наконецъ скрываются въ ресторанъ. Въ то время какъ Шатыръ-заде былъ занятъ разговоромъ со своей французенкой, голодная собака, слыша запахъ ѣды, прокрадывается въ кухню и хватаетъ съ блюду лучшіе куски. Не замѣчая ничего, официантъ разноситъ посѣтителемъ заказанныя блюда; но тѣ поднимаютъ скандалъ. Между тѣмъ, запертая въ кухнѣ, собака начинаетъ визжать. Такъ какъ никому и въ голову не приходитъ, что въ кухню могла забраться собака, — всѣ, объятые ужасомъ, вылетаютъ изъ ресторана, принимая ее за страшнаго невиданнаго звѣря. Одинъ французъ, учитель естественной исторіи, пытается сохранить спокойствіе и читаетъ публикѣ длинную рѣчь о свойствахъ этого рѣдкостнаго экземпляра изъ животнаго царства. Но какъ только въ дверяхъ залы показывается Дроль, французъ въ страхъ выпускаетъ изъ рукъ револьверъ и бѣжитъ. Въ концѣ-концовъ все разъясняется, — и за разбитую посуду и съѣденныя кушанья приходится расплачиваться Шатыръ-заде; избитый, осмѣянный, онъ удаляется изъ ресторана; но въ суматохѣ онъ уже не замѣтилъ, какъ французенку подхватилъ сутенеръ и, несмотря на ея сопротивленіе, увлекъ съ собой. — Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ этого романа Х. Рахми, построеннаго на грубыхъ комическихъ эффектахъ, напоминающихъ кинематографъ.

Но задача автора состоитъ не только въ томъ, чтобы потѣшить читателя. Это, очевидно, — горячій патриотъ; видимо, онъ глубоко скорбитъ о разложеніи османскаго общества, особенно, о развращающемъ вліяніи французскихъ модъ. Рядомъ съ Шатыръ-заде («Катыръ-заде» ²⁾), — какъ ядовито отзывается о немъ одна французенка, онъ выводитъ другого османца, Машука-

бея, который позналъ пользу европейскаго образованія и не утратилъ природныхъ національныхъ чертъ.

Разсказъ ведется необычайно живо (это — вліяніе французской школы), но типъ Шатыръ-заде шаржированъ; вообще манера письма Рахми не художественна.

Разъ зашла рѣчь о вліяніи на Х. Рахми французской школы, отмѣтимъ его отзывъ о Золя, котораго онъ представляетъ себѣ, какъ писателя-натуралиста, ничего не стѣсняющагося ¹⁾. Хюсейнъ Рахми, — по его собственному мнѣнію, — скромнѣе; онъ знаетъ, гдѣ нужно поставить точку.

Въ романѣ «*Мореббійе*» (Гувернантка) Х. Рахми критикуетъ систему воспитанія. Какъ нѣкогда у насъ, въ Россіи, за воспитаніе дѣтей часто брались случайные люди, никогда не занимавшіеся у себя на родинѣ педагогикой, — такъ и османское общество, въ погонѣ за европейскимъ образованіемъ, не успѣвало разбираться въ нравственныхъ качествахъ учителей и учительницъ, которыхъ вводило въ свои семьи; поэтому результаты бывали иногда плачевные.

Говорятъ, что сюжетомъ для романа Х. Рахми послужило истинное происшествіе въ домѣ А. Вефика-паши.

Куртизанка Дюпре, послѣ многочисленныхъ похожденій, попадаетъ въ Константинополь въ гувернантки. Она молода, красива, и мужчины начинаютъ за ней ухаживать; но она ловко дурачить всѣхъ ихъ. Въ концѣ-концовъ хозяинъ, гроза своихъ домашнихъ, застаетъ у Дюпре мужичинъ. Казалось бы, послѣ этого должны исчезнуть всякія сомнѣнія въ легкомысленности дѣвицы, однако она выходитъ сухой изъ воды. Между тѣмъ, Дюпре успѣла возбудить въ сынѣ хозяина, Дехри, пылкую страсть; юноша любитъ ее со всѣмъ жаромъ первой любви. Мучимый подозрѣніями, онъ подкарауливаетъ однажды ночью Дюпре и къ ужасу своему, сталкивается у нея со своимъ отцомъ.

Романъ этотъ, первоначально напечатанный (въ 1895 году) въ газетѣ *Индямъ*, произвелъ въ обществѣ большую сенсацію. Въ читающей публикѣ по этому поводу было высказано два мнѣнія: одни негодовали и настаивали, что Х. Рахми въ романѣ своемъ переходитъ границы общественнаго приличія, затрагивая

¹⁾ У уличныхъ константинопольскихъ собакъ была своеобразная строгая организація.

²⁾ «Жеребецъ», собственно — муленокъ.

¹⁾ Впрочемъ, это — общее мнѣніе османцевъ о Золя.

скользкія темы; что касается «западниковъ», они тоже были смущены и нападали на Х. Рахми за то, что онъ будто бы рѣшительно высказывается противъ иностранныхъ гувернантокъ въ османскихъ семьяхъ. Поэтому они готовы были даже подорвать его въ мракобѣсіи. Разумѣется, въ пылу раздраженія они преувеличивали, ибо передъ западной культурой Х. Рахми преклоняется. Немало досталось во время споровъ и газетъ «Идамъ», дерзнувшей напечатать у себя романъ, — и редакция вынуждена была оправдываться отъ взводимыхъ на нее обвиненій: не противъ иностранныхъ гувернантокъ вообще ополчалась газета; она хотѣла только, чтобы изученіе западныхъ языковъ начиналось уже послѣ того, какъ ребенокъ освоится съ языкомъ роднымъ.

Нападая такъ на османское общество, отрывающееся отъ національныхъ устоевъ, Х. Рахми выводилъ часто въ своихъ произведеніяхъ типы отживающей, старой, Турціи; но опять нужно прибавить, что Х. Рахми далекъ отъ идеализаціи, — онъ подсмѣивается слегка надъ всѣми старушками, вѣрящими гадалкамъ, пугающимися «хвостатыхъ звѣздъ» ¹⁾, и т. д.

¹⁾ И, представитель сильнаго пола, Х. Рахми, какъ большинство современныхъ писателей, становится также на защиту женскихъ правъ. Въ повѣсти „Муталлака“ (Разводка), — на нѣмецкій языкъ переведенной Пингоффомъ, — онъ трогательно изображаетъ „вѣчный споръ“ между невесткой и свекровью, — споръ, который еще болѣе обостряется отъ рѣзкой противоположности въ мысляхъ и чувствахъ между двумя женщинами. Наблюдая переломъ въ общественныхъ воззрѣніяхъ на женщину, старуха вкладываетъ въ свои слова невесткѣ ядъ адской злобы. Ей все ненавистно въ невесткѣ, невольной отдалявшей отъ матери сына. „Мы въ наше время пряли, а вы, молодухи, все читаете романы; не даромъ мы говорили, чтобы я не брала въ жены сыну грамотной дѣвушки“, — начинаетъ она издалека. Она дразнитъ въ пей женское самолюбіе, заводя разговоры о томъ, что мужъ, вдали отъ нея, развлекается въ объятіяхъ хорошенькой женщины, и т. д. Всю горечь обидъ, вынесенныхъ отъ свекрови-вѣдьмы („пфритъ“), женщина изливаетъ въ письмѣ мужу. Еще вчера слуги дома почтительно стояли передъ ней, а сегодня, когда одно слово „ты свободна“ (формула мусульманскаго развода) разорвала брачныя узы, — никто въ домѣ, гдѣ она прожила четыре года не хочетъ помочь ей даже уложить вещи. Оскорбленная, униженная, она, тѣмъ не менѣе, — вся любовь; она ждетъ, — увы, напрасно! — только зова со стороны мужа, котораго заботливая мать, навѣрное, утѣшаетъ мыслями о легкости новаго брака. — Дикія аномаліи семейныхъ условий, бессмысленная жестокость мусульманскаго развода, видно, глубоко волнуетъ автора; ему уже не до смѣха.

Языкъ произведеній «османскаго Поль-де-Кока» очень оригиналенъ и пестритъ идиотизмами и словечками, настолько своеобразными, что въ послѣдствіи значеніе ихъ ускользаетъ даже отъ автора. Съ этой точки зрѣнія его произведенія заслуживаютъ внимательнаго изученія, такъ какъ представляютъ большой интересъ въ лексикологическомъ отношеніи.

III. Религіозна реакція; полемическія сочиненія; апологія ислама.

I.

Такъ, въ заимствованіи западныхъ идей на османцахъ сказалась обычная черта ихъ характера. Всегда они слишкомъ мало думали или думали такъ, какъ думали «старшіе». Приходилось ли имъ жить бокъ-о-бокъ съ китайцами, они отказывались, во имя иноземныхъ титуловъ, отъ своей личности; перейдя отъ шаманства въ исламъ, они приняли его, какъ кристаллизованное ученіе, въ которомъ не должно измѣнять іоты; когда же подошла пора увлеченія Западомъ, оно быстро отлилось у нихъ въ карикатурныя формы, осмѣяныя османскими сатириками и, главнымъ образомъ, Хюсейномъ Рахми, создавшимъ типъ османскаго «петиметра», — «шикъ».

Словомъ, факты уродливаго подражанія Западу были подмѣнены писателями, и у болѣе вдумчивыхъ османцевъ явилось опасеніе потерять, въ неудержимомъ потокѣ западныхъ идей, національность. Какъ противовѣсь западному вліянію, въ литературѣ возникаетъ реакція, быстро вербующая себѣ сторонниковъ. Османское общество, опекаемое испоконъ вѣка султанами, отвыкло отъ проявленія самостоятельности; видя преслѣдованія, которымъ подвергаются рьяные поклонники Запада, оно невольно, если не отказывалось, то скрывало свои западническія тенденціи.

Литературная реакція пошла въ двухъ направленіяхъ. Усиленіе западнаго вліянія должно было ослабить значеніе мусульманскаго духовенства, и муллы всполошились. Религіозно-богословское направленіе всегда преобладало въ османской литературѣ; теперь оно только устремилось со всей силой въ новую сторону, — на борьбу съ врагомъ, награвшимъ съ запада.

Одновременно съ религіозной реакціей выдвигается теченіе, которое можно назвать націоналистическимъ, — своего рода народничествомъ. Сторонники его признаютъ важность западной культуры; да иначе и не могло быть, потому что это движеніе питается соками изъ западничества. Однако они — противники крайностей, сметающихъ дорогое для нихъ національное наслѣдіе идей предковъ.

II.

Въ странѣ, скудной умственными силами, духовенство, прошедшее богословскую школу, занимало выдающееся положеніе, какъ истолкователь божественнаго закона. Усвоивъ отъ своего учителя богословскія науки, ученикъ на- всегда сохранялъ къ наставнику уваженіе, граничащее съ благоговѣніемъ. И какъ ни демократиченъ по существу исламъ, даже султаны въ мечети, гдѣ всѣ вѣрующіе равны, — поднимались на ноги, когда входили ихъ учителя (напр., султанъ Мехмедъ II, завоеватель Константинополя, — передъ своимъ учителемъ Гурани). Духовная связь между ученикомъ и учителемъ, быть-можетъ, болѣе крѣпкая даже, чѣмъ родственныя кровныя связи, проходитъ красной нитью вплоть до нашихъ дней. Я помню рассказы, слышанные въ Ковии, какъ, оскорбленные отзывами одного «софта»¹⁾ (семинариста) объ ихъ учителѣ, ученики затащили его въ медресе; избивъ до полусмерти, они обрили его, что въ мусульманствѣ считается, какъ нарушеніе «сунны» (священнаго преданія), позоромъ. Такъ сильно обаяніе «ходжей» въ глазахъ учениковъ, а для народа, въ большинствѣ, невѣжественнаго, слово «ходжи», произнесенное въ мечети, получаетъ смыслъ непреложнаго закона, какъ правила вѣры, и «ходжа», стало-быть, можетъ направлять толпу такъ, какъ ему угодно. «Ходжи» нерѣдко, чтобы достигъ своей цѣли, подымали бунты; султаны ихъ боялись и старались задобрить различными льготами. Вся общественная и политическая жизнь османскаго общества находилась подъ строгимъ контролемъ духовенства (шейхъ-уль-ислама). Когда въ XVIII вѣкѣ османское правительство пытается стать на путь реформъ,

¹⁾ Изъ «сухте», — сожженный (жаждой къ знанію).
ОСМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

требуется «фетва» (разрѣшительный указъ) шейхъ-уль-ислама, чтобы ввести въ столицѣ книгопечатаніе ¹⁾.

Повидимому, духовенство отнеслось безъ особой вражды къ новшествамъ, но это только повидимому. Правда, не представляя еще себѣ конечныхъ цѣлей правительства, оно не рѣшалось выступать открыто съ нимъ въ борьбу; тѣмъ не менѣе, подборъ изданныхъ въ XVIII вѣкѣ богословскихъ книгъ указываетъ ясно тенденцію духовенства. Чтобы удержать паству подъ своимъ вліяніемъ, оно неоднократно переиздаетъ сочиненія османскаго богослова XVI вѣка, Мехмеда Биргеви, котораго болѣе либеральные османцы и, особенно, представители религіознаго ордена, «мевлеви», — ядовито называютъ «Бейгирли» (Лошадникъ). Биргеви, строгій послѣдователь толка Абу-Ханифы, въ своихъ сочиненіяхъ подчеркиваетъ вредъ всякихъ новшествъ. Въ переводѣ на османскій языкъ сочиненія Биргеви (писавшаго, разумѣется, по-арабски) «*Tarika'ti Mухаммедіе*», исполненномъ (вторично) въ 1841 году ¹⁾, на первомъ планѣ стоитъ глава «*bid'at*» (нововведенія, новшества). Какъ отмѣтилъ уже Гаммеръ, переводъ этого сочиненія, — въ болѣе легкой формѣ, — былъ предпринятъ противниками реформъ. Такъ косвенно духовенство выражало свое неудовольствіе по поводу начинаній свѣтскаго правительства.

Въ XIX вѣкѣ, въ эпоху султана Абдуль-Меджида, духовенство замѣтило однако, что пассивная борьба уже недостаточна. Правительство пытается уничтожить или хотя бы ослабить въ народѣ фанатизмъ и съ этой цѣлью, — чтобы вырвать молодежь изъ-подъ исключительнаго вліянія духовенства, — начинаетъ всюду заводить свѣтскія школы. Наряду съ правительственными мѣропріятіями, европейцы (католическія миссіи) начинаютъ основывать въ странѣ свои школы, и новые методы преподаванія привлекаютъ къ нимъ мусульманъ. Тогда духовенство высказывается смѣлѣе; какъ господствующая церковь, исламъ борется съ христіанствомъ, и сперва, — оружіемъ его адептовъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ переводъ, съ араб-

скаго языка, сочиненія католическаго ксендза съ острова Майорки, перешедшаго въ началѣ XV вѣка въ Тунисѣ въ исламъ, — Абдуллаха, «майоркскаго драгомана». Однако затхлая литературная борьба мусульманскаго духовенства не достигаетъ никакихъ результатовъ, такъ какъ противникъ стоитъ во всеоружіи знанія, и симпатіи мусульманской молодежи склоняются въ сторону европейцевъ. Особенно смущали мусульманъ католическія школы въ Бейрутѣ, и чтобы подорвать къ нимъ довѣріе населенія, мусульманскіе публицисты не останавливались передъ сочиненіемъ, завѣдомо тенденціозныхъ, корреспонденцій. Между органами печати усердствовала больше всего газета «*Басиретъ*», которая подчеркивала, что католическое духовенство старается возвращать въ христіанство дѣтшекъ ¹⁾. Какъ бы сознавая свое безсиліе, духовенство подымаетъ вопль, и въ концѣ-концовъ добивается отъ правительства запрещенія для мусульманъ посѣщать европейскія школы.

Впослѣдствіи на почвѣ раздраженія духовенства противъ «гяуровъ», султану Абдуль-Хамиду II удается использовать это настроеніе въ цѣляхъ утвержденія панисламизма. Правда, вскорѣ между духовенствомъ и султаномъ зарождается антагонизмъ, такъ какъ султанъ желаетъ установить супрематію церкви только для того, чтобы сдѣлать ее затѣмъ послушнымъ рабомъ государства, — свѣтской власти или еще точнѣе: своей личной воли. Эта идеологія не представляетъ, впрочемъ, что-либо необычное: какъ халифъ (намѣстникъ пророка Мохаммеда), султанъ былъ бы правъ съ канонической точки зрѣнія ²⁾. Въ панисламскомъ государствѣ будущаго османцы должны играть первую роль; они должны стать посредствующимъ звеномъ между Западомъ и Востокомъ. Мечта эта ласкала не одного султана, но и все османское общество, и способствовала развитію въ немъ шовинизма. Съ одной стороны, духовенство и публицисты превозносятъ исламъ; а съ другой стороны, подъ вліяніемъ самоуспоенія,

¹⁾ В. Д. Смирновъ. Турецкая цивилизація, стр. 29 — 32.

²⁾ Насколько, однако, неосновательны притязанія османскихъ султановъ на титулъ „халифовъ“, — показалъ уже проф. В. В. Бартольдъ: Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ. Спб. 1903.

¹⁾ Впрочемъ, печатаніе книгъ, касающихся вѣроученія, было запрещено; Коранъ въ Турціи до сихъ поръ только литографируется.

османцы преувеличиваютъ значеніе своего народа. Такъ создается въ Турціи апологія ислама и критика западно-европейской культуры.

III.

Да и какъ было османскимъ богословамъ не стать на защиту ислама, когда въ 1883 году Э. Ренанъ въ своей рѣчи «Исламъ и наука»¹⁾ подвергъ современный исламъ беспощадной критикѣ и категорически заявилъ, что «исламъ, это — безразличное смѣшеніе всего свѣтскаго съ духовнымъ, это — владычество догмата, это — самыя тяжелыя цѣпи, въ которыя когда-либо человѣчество было заковано». «Къ наукѣ, — говоритъ Ренанъ, — исламъ всегда относился какъ къ врагу, а убивъ науку, онъ убилъ себя, и обрекъ себя на полнѣйшее ничтожество въ мірѣ». Рѣчь Ренана опечалила мусульманъ; высказанная имъ мысль о несомѣстимости ислама съ прогрессомъ вызвала критическій разборъ со стороны русскаго ахунда, А. Баязитова († 1911), и вскорѣ книжка его была переведена на османскій языкъ (О. С. Лебедевой и А. Джебдетомъ, редакторомъ газеты «*Терджи-манни хажиатъ*»). Сочиненія ученаго русскаго муллы, который пытался поколебать доводы Ренана, встрѣчали въ османскомъ обществѣ горячее сочувствіе и одобреніе.

Опроверженіе на Ренана писалъ и Кемаль-бей. Мусульманскій востокъ, — говорилъ онъ, — соперничалъ съ Европой и даже торжествовалъ надъ ней до XVI вѣка, т. е. до возникновенія новой науки, построенной на опытѣ. Мусульманскій міръ приготовилъ себѣ самъ гибель, задушивъ въ лонѣ своемъ уже въ XIII вѣкѣ зародыши науки. Однако обвиненія исламской религіи въ косности — беспочвенны.

Въ глазахъ османцевъ рѣчь Э. Ренана казалась простымъ недоразумѣніемъ, потому что распространялся исламъ не только среди дикихъ народовъ Африки и острововъ Индійскаго океана; исламъ находилъ приверженцевъ также среди христіанъ какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ. А превосходство ислама надъ

¹⁾ Есть русскій переводъ (мѣстами неудачный) А. Ведрова. Спб. 1883.

христіанствомъ, — для мусульманина, собственно, не требующее доказательствъ въ виду многобожія христіанъ (ученіе о троичности божества)¹⁾, — подкрѣплялось переводами (съ арабскаго языка) такихъ сочиненій, какъ «Обнаруженіе истины» (*Ишар-уль-хакъ*) Рахметъ-уллы (индійскаго ученаго), гдѣ изъ европейскихъ источниковъ была извлечена и опровергнута полемическая, анти-исламская, литература.

Разъ мусульманство, какъ религія, превосходитъ христіанство, естественно, что и восточная, мусульманская, культура стоитъ неизмѣримо выше западно-европейской цивилизаціи. Эту мысль беретъ доказывать Зеки въ своемъ трактатѣ «Міръ исламскій; Востокъ и Западъ». «Востокъ, — начинаетъ авторъ свою работу, — источникъ законовъ и религій, это — страна, откуда возсіялъ свѣтъ ученія пророковъ; это — средоточіе наукъ, нравственности и человѣческаго совершенства. Въ странахъ ислама зародились и завершились великія историческія событія, — походы Александра Македонскаго, военныя предпріятія арабовъ, которыя вознесли страны, осѣненные солнцемъ Востока, на вершину славы и преуспѣянія». Народы Запада создали философію; но въ сравненіи съ мусульманскими теологами, европейскіе философы — ничтожество. Изъ этихъ уже цитатъ въ ихъ восточной сумбурности выступаетъ нелогичность разсужденій Зеки, который, пользуясь широкимъ понятіемъ Востока, вводитъ въ свое изложеніе факты не только изъ мусульманской исторіи, но и изъ всеобщей. Высказавъ свой восторгъ передъ Востокомъ, Зеки обрушивается на Западъ. Онъ обвиняетъ европейскую культуру въ матеріализмѣ, — торжество капитала надъ трудомъ: усиливается жадность богачей; низшіе классы бѣднѣютъ; ослабляются семейныя узы, и т. д. Между тѣмъ дитя Востока, бедуинъ, чуждый этой цивилизаціи, — счастливъ. Казалось бы, какъ логическій выводъ изъ указанныхъ разсужденій Зеки явится отвращеніе отъ Запада. Однако, очевидно, онъ замѣчаетъ полную отсталость Востока и призываетъ мусульманъ — проснуться отъ вѣковой спячки и изучить основы западной цивилизаціи, высасывающей пока изъ Востока всѣ его богатства. Только,

¹⁾ Почему христіанъ называютъ верѣлко „*муриксъ*“ — „признающій у Бога товарищей“.

въ подражаніи нужно знать мѣру; нужно, главное, хранить во всей чистотѣ религиозные завѣты, такъ какъ священный мусульманскій законъ, Коранъ, даетъ человѣку на землѣ счастье. Какъ османецъ, Зеки обращаетъ вниманіе на центральное положеніе османцевъ въ мусульманскомъ мірѣ. Османскій султанъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь халифъ, и османцы обязаны утверждать въ мірѣ справедливость ¹⁾.

Послѣ всего этого не слѣдуетъ уже удивляться, когда османскіе ученые пытаются защищать мусульманскую религію въ житейскихъ распорядкахъ. Такъ, напр., богословъ Махмудъ Эсадъ, преподававшій въ Школѣ правовѣдѣнія политическую экономію, оправдываетъ (въ одной брошюркѣ) полигамію, разрѣшаемую исламомъ, попутно обвиняя христіанъ въ потворствѣ скрытому многоженству. У животныхъ,— разсуждаетъ М. Эсадъ,— нѣтъ единобрачія; такъ для чего же соблюдать единобрачіе человѣку,— высшему животному? Таковъ вкратцѣ ходъ мысли его. По истинѣ, можно сказать, что философія М. Эсада— скотская.

Скромнѣе защищаетъ исламское вѣроученіе (дочь историка Дживедета-паши) Фатима Алиѣе-ханумъ (род. въ 1862 году). Повидимому, она получила европейское образованіе: она читаетъ и говоритъ по-французски, играетъ на пианино, и т. д. Въ данной связи я упомяну только о книгѣ ея, написанной въ формѣ легкой салонной козеріи,— «Исламскія женщины» (*Нисваніи исламъ*) ²⁾. Фатима Алиѣе-ханумъ разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ европейскими женщинами, которыя заглядывали въ домъ ея отца. Она рѣзко критикуетъ положеніе европейской женщины; она не только беретъ подъ свою защиту мусульманокъ, но оправдываетъ весь строй мусульманской жизни. Впрочемъ, Фатима Алиѣе, знакомя съ тяжелой жизнью османскихъ гаремовъ, высказывается противъ женскаго рабства; но, конечно, феминистское движеніе на Западѣ для нея непонятно, и она даже не

¹⁾ P. Aurelio Palmieri. Die Polemik des Islam. Aus dem Italienischen übersetzt von Prof. V. Holzer. Salzburg. 1902, 63 стр.

²⁾ Есть французскій переводъ: „Les musulmanes contemporaines“. Paris. 1894.— Въ газетѣ Тахира *Servet*, 1898, № 81 помѣщены были отрывки изъ книги, въ переводѣ Елены и Юліи Христофоридисъ.

видитъ въ немъ никакой нужды для мусульманки, которой религиозный законъ предоставилъ давно уже права, тогда какъ ея европейскія сестры вынуждены шагъ-за-шагомъ отвоевывать себѣ отъ мужчинъ права. Пожалуй, можно даже сказать, что отъ письма Алиѣе-ханумъ отдаетъ шовинизмомъ. Книга не блещетъ глубиной мысли; во всякомъ случаѣ, характерна для настроенія османокъ, которымъ страшно еще отказаться отъ мыслей, унаслѣдованныхъ отъ своихъ предковъ ¹⁾.

IV.

Клерикальная литература, можетъ-быть, безсознательно для себя, играла въ руку «халифу», султану Абдуль-Хамиду II, постаравшемуся извлечь изъ движенія пользу для оправданія своей политики. Халифъ призываетъ своихъ подданныхъ объединиться для духовной борьбы съ возрастающей смѣлостью невѣрныхъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ османская пресса, влияніе которой широко распространяется по всему мусульманскому міру ²⁾.

Клерикальные взгляды, поддерживаемые высшими правительственными сферами, вкратцѣ были формулированы официальнымъ апологетомъ ислама, Наманомъ Кямилемъ (дворцовымъ секретаремъ), который произнесъ на конгрессѣ оріенталистовъ, въ Женевѣ, рѣчь подъ заглавіемъ «Нѣсколько истинныхъ словъ относительно ислама и Турціи». Рѣчь эта переведена съ французскаго языка на османскій Зеки, авторомъ «Міра исламскаго». Главная цѣль автора—полемико-апологетическая— доказать, что исламъ никогда не былъ въ противорѣчій съ наукой и цивилизаціей; европейцы напрасно (еще со времени Вольнея) обрушиваются на османцевъ, обвиняя въ косности и разрушеніи государствъ. Тысячу разъ нѣтъ: наоборотъ,— говоритъ авторъ, впадая въ грубый панеги-

¹⁾ Алиѣе-ханумъ написала, кромѣ того, рядъ романовъ и научныхъ сочиненій. Въ своихъ романахъ она нерѣдко говоритъ о силѣ женской любви и страданійхъ, причиняемыхъ ея вѣжкому сердцу мужичной. Одинъ изъ ея романовъ (слабый) — „Уди“ („Арфянка“) — переведенъ на французскій языкъ G. Séon, французскимъ консуломъ въ Салоникахъ.

²⁾ P. Aug. Palmieri, op. c., стр. 60.

рикъ султану Абдуль-Хамиду, — за послѣдніе годы во всѣхъ отрасляхъ управленія закипѣла необычная жизнь: 1) открываются множество школъ, 2) страна связана цѣпью желѣзныхъ дорогъ, 3) учрежденъ земельный банкъ, для поднятія земледѣлія, 4) обезпечена старость слугъ отечества учрежденіемъ пенсій, 5) въ финансахъ вообще водворился порядокъ. Точка зрѣнія автора—мусульманская, можетъ-быть, даже квасная-патріотическая. Свою статью онъ начинаетъ словами, что Турція — колыбель челоуѣчества и цивилизацій (древнихъ). Не стоить доказывать наивность взгляда его, когда онъ говоритъ о заслугахъ османцевъ передъ цивилизаціей. «Куда ни посмотришь, всюду убѣждаешься, что Турція (была) источникомъ благоденствія». Быстрый успѣхъ ислама заложень уже въ догматахъ и, главное, — въ вѣротерпимости. Поэтому покоренные народы встрѣчали всюду мусульманъ, а впослѣдствіи и османцевъ, съ восторгомъ; народы, страны отдавались подъ ихъ власть охотно, — безъ борьбы. Авторъ предвидитъ возраженіе: а зачѣмъ османцы такъ жаждали побѣдъ? зачѣмъ они завоевали Константинополь? — Единственно затѣмъ, чтобы обезопасить свои владѣнія отъ корыстолюбивыхъ крестоносцевъ. Въ жизни Турціи, какъ въ жизни отдѣльнаго челоуѣка (сравненіе принадлежитъ арабскому историку Ибнъ-Халдуну), былъ періодъ упадка, но, начиная со времени султана Абдуль-Хамида I (1773—1789), Турція возрождается. Напрасно, поэтому, на Турцію нападаютъ невѣжественные туристы: они ищутъ здѣсь живописи Тиціана и скульптуры М. Анджели. Этого, конечно, нѣтъ. Но, съ другой стороны, въ разрушеніи античныхъ памятниковъ нельзя винить османцевъ. Пожалуй, христіане поступали куда болѣе варварски (напр., инквизиція, Варооломеевская ночь). Невѣрны также толкованія «джихада», какъ агрессивной войны за распространеніе ислама.

Какъ видно изъ обзора, референтъ въ своей программной рѣчи (съ наукой ничего общаго не имѣющей) старается оправдать въ глазахъ европейцевъ свой народъ и, прежде всего, своего повелителя, «кроваваго султана»¹⁾.

Религіозная реакція, обнаружившаяся въ литературѣ съ усиленіемъ западнаго вліянія, иногда впадала въ крайности;

¹⁾ О работахъ А. Мидхата-эфенди въ этой области шла уже рѣчь выше.

но все же, нужно сказать, что обскурантизмомъ она никогда не отличалась. Когда въ европейской печати дѣлались попытки — унижить исламъ, какъ врага западной цивилизаціи, мусульманскіе богословы, скорѣе, быть-можетъ, насилуя тексты сочиненій строгихъ законниковъ ислама, всячески доказывали, что ихъ религія, не въ меньшей степени, чѣмъ другія религіи, свободна отъ предразсудковъ и признаетъ возможнымъ заимствованія даже отъ «гяуровъ». Въ уста пророка Мохаммеда преданіе вложило слова: «Ищите знанія, хотя бы даже пришлось идти въ Китай».

IV. Національное теченіе.

I.

Условія турецкой жизни съ самаго начала не были благоприятны для развитія національной идеи. Безконечныя кочеванія турокъ устраняли возможность физической привязанности къ какому-нибудь мѣсту; быть-можетъ, въ туркахъ были еще какія-нибудь расовыя черты, исключавшія развитіе патріотизма. Мѣсто, какъ кочевка, для турка представляло интересъ лишь постольку, поскольку онъ находилъ для своего скота кормъ. Это — во-первыхъ. Когда же въ своемъ движеніи на западъ турки узнали исламъ, онъ оказалъ на нихъ губительное вліяніе, потому что своимъ ученіемъ о равенствѣ всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ передъ религіей — онъ въ самомъ корнѣ глушилъ въ прозелитахъ проблески національнаго чувства, естественные при ихъ переходѣ отъ кочевой жизни къ осѣдой. Даже родной языкъ не былъ для турокъ связующимъ звеномъ; наоборотъ, и по сей часъ еще нерѣдко отъ османцевъ слышишь сожалѣніе, что султаны свое временно, путемъ всеильныхъ тогда указовъ, не ввели въ употребленіе арабскій языкъ. Въ администраціи официальнымъ языкомъ долго былъ персидскій, а въ наукѣ (богословской) — арабскій языкъ. Чиновники и ученые, выражавшіе свои мысли на иностранныхъ языкахъ, какъ бы исключали себя изъ народной массы и уступали турецкій языкъ «плебею», — «тюрку»: вслѣдствіе этого слово «тюркъ» давно получило презрительный отгѣнокъ неуча, или невѣжи.

Выгнанный изъ «межлиса» (круга) султана Мехмеда II, поэтъ Ляали написалъ сатиру, гдѣ говорилъ:

«Коль хочешь имѣть ты почетное мѣсто,
То долженъ арабомъ ты быть или персомъ»¹⁾).

«Такъ было всегда». Османскій языкъ для ученыхъ сталъ въ послѣдствіи средствомъ для изученія арабскаго языка; въ этомъ откровенно сознается (въ 1145 году х.) составитель перваго арабско-османскаго словаря, Эсъадъ-эфенди. Если въ своемъ словарѣ онъ объясняетъ слова на османскомъ языкѣ, это дѣлается единственно съ цѣлью облегчить усвоеніе арабскихъ словъ. Только тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ съ каждой строчки глядѣли рѣдкостныя слова и выраженія, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, — находили въ обществѣ благосклонный пріемъ. И если даже смыслъ этихъ произведеній былъ скрытъ иногда отъ чтеца, онъ не смѣлъ объ этомъ говорить боясь вызвать насмѣшки въ невѣжествѣ.

Уже въ XIX вѣкѣ, какъ результатъ знакомства съ западно-европейскими языками, зарождается въ османскомъ обществѣ мысль, что языкъ родной долженъ быть изучаемъ, и въ не меньшей степени, чѣмъ языки иностранныя. Но такъ ужъ великъ былъ гипнозъ, что даже историкъ Джевдетъ-паша, составившій вмѣстѣ съ Фуадомъ-пашей первую грамматику, опредѣляетъ въ введеніи османскій языкъ, какъ агломератъ изъ трехъ языковъ (арабскаго, персидскаго и турецкаго). «Это — дѣвушка въ персидскомъ нарядѣ, прогуливающаяся въ греческихъ садахъ», — пишетъ аллегорически Джевдетъ-паша въ одномъ письмѣ.

Постепенно область изученія османскаго языка расширяется; вскорѣ появляется «Словарь османскій» Ахмеда Вефика-паша (переводчика Мольера). Правда, въ первомъ изданіи «Словаря» обличалъ въ составителѣ (въ расположеніи матеріала) зависимость отъ арабскихъ словарей; но это, такъ-сказать, внѣшній недостатокъ. Важно однако, что «Словарь» представляетъ впервые попытку (мѣстами, правда, сумасбродную) дать объясненіе старыхъ словъ, разложить ихъ на составныя части, и т. д.

Когда османскій языкъ трудами Джевдета-Фуада и А. Вефика-пашей былъ, такъ-сказать, легализованъ, въ литера-

¹⁾ В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой литературы, стр. 458.

турѣ началась (еще не утратившая остроты) полемика о значеніи и смыслѣ изученія арабскаго языка. Противники арабскаго языка, наблюдавшіе преподаваніе его въ «медресе», (духовная школа), гдѣ сухое изученіе грамматики беретъ нѣсколько лѣтъ, жаловались на бесполезную трату времени, не дающую никакихъ практическихъ результатовъ. Но не безъ основанія указывалъ тогда филологъ Хаджи Ибрагимъ¹⁾, что это свидѣтельствуесть объ устарѣлости методовъ, примѣняемыхъ въ «медресе», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности арабскій языкъ, какъ и всякій другой иностранный языкъ, можно выучить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Споръ о языкахъ не угасалъ даже въ эпоху строгихъ цензурныхъ стѣсненій. Очевидно, однако, за истекшія тридцать лѣтъ методы изученія языка измѣнились мало, и газета «Индамъ» предлагала вовсе исключить изъ программы среднихъ школъ арабскій языкъ, чтобы замѣнить его болѣе полезными въ настоящій моментъ западно-европейскими языками. Но статья встрѣтила суровую отповѣдь со стороны газеты «Терджимани хаккикатъ», выставившей старые доводы о необходимости изученія арабскаго языка, какъ языка священной книги мусульманъ, — Корана.

Споры о значеніи арабскаго языка не прошли, однако, безслѣдно: они образовали гибкость формы, гибкость стиля; они пробудили въ литераторахъ османскихъ чутье родного языка. Вскорѣ появились пуристы, которые указывали на неправильное и неточное употребленіе въ османскомъ языкѣ арабскихъ и персидскихъ словъ. Возраженія только усиливали въ нихъ страстность, и завязался своего рода литературный турниръ. Полемика снова была поднята недавно провинціальной газетой («Нейири хаккикатъ») о своевременности очищенія османскаго языка отъ иностранныхъ элементовъ. Казалось бы, вопреку ясенъ самъ собой. Однако не такъ взглянули на это писатели, все еще находящіеся подъ чарами восточной вычурности. Между тѣмъ какъ одни желаютъ оздоровленія языка путемъ удаленія бесполезно загромождающихъ рѣчь иностранныхъ (sc.: арабскихъ и персидскихъ) словъ, съ подчиненіемъ остальныхъ правиламъ османской грамматики; желаютъ, слѣдовательно, чтобы писанія стали об-

щимъ достояніемъ народа;—другіе (во главѣ съ діарбекирцемъ Сюлейманомъ Назифомъ (род. въ 1874 году), главнымъ сотрудникомъ газеты *Ени тасвиръ эфкяръ*¹⁾), толкуютъ о сохраненіи языка in statu quo, такъ какъ въ сложныхъ выраженіяхъ и сочетаніяхъ — прелесть и красота османскаго языка; если порывы пуристовъ пока (какъ выраженіе частнаго мнѣнія) безрезультатны, они характерны, какъ показатель интереса къ родному языку

Впрочемъ, официальные сферы также не остались глухи къ голосу печати, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія была образована года три тому назадъ коммиссія о реформѣ османскаго языка, предполагающая на первыхъ порахъ заняться урегулированіемъ османской орфографіи. Это — планъ члена коммиссіи, Х. Джахида, редактора младотурецкаго органа *Танимъ*; частичныя улучшенія въ дебряхъ орфографіи османскаго языка, для котораго арабскій алфавитъ непригоденъ, стараются также ввести, путемъ увеличенія гласныхъ знаковъ, отдѣльные литераторы и журналы (особенно, *Сервети фюцуль*).

Опасность заповненія языка однако грозитъ не только съ Востока, но и съ Запада. Заимствованіе западныхъ идей вынуждало также на заимствованіе формъ, т. е. понятій и словъ, которыхъ въ османскомъ языкѣ не могло быть. Но османцы въ этомъ случаѣ (какъ и во всѣхъ другихъ, впрочемъ) перешли границы и наводнили свою рѣчь, — особенно газетный языкъ, — ненужными словами. Это прискорбное явленіе не укрылось отъ редактора-издателя газеты-журнала *Малюматъ* (Знанія) М. Тахира (впослѣдствіи за торговлю орденами засаженаго въ тюрьму), который взамѣнъ французскихъ словъ предлагалъ заимствовать слова исключительно изъ восточныхъ языковъ. А французскому рецензенту статьи, оріенталисту Барбье-де-Мейнару это дало поводъ въ замѣткѣ «Османскіе неологизмы» высказать нелестное мнѣніе объ османцахъ, въ языкѣ которыхъ наплывъ иноземныхъ словъ онъ объяснялъ «soit paresse d'esprit, soit ignorance». Впрочемъ, османцы считаютъ заповненіе языка пре-

¹⁾ Это былъ противникъ новаго направленія въ литературѣ.

¹⁾ Эта газета издавалась въ 1909 году Абу-з-зіей, назвавшимъ ее такъ въ память о газетѣ Шинаси: „Новое изображеніе мыслей“.

ходящимъ явленіемъ и мечтаютъ, что въ будущемъ талантъ писателей, освободить языкъ отъ оковъ арабско-персидскаго вліянія, и османскій языкъ изъ своихъ нѣдръ создастъ соотвѣтствующіе эквиваленты.

Какъ завершеніе споровъ, въ османской печати стали раздаваться въ послѣднее время голоса объ избраніи османскаго языка для культурныхъ сношеній между турецкими народами; иными словами, возникла мысль о созданіи единого общетурецкаго языка, ибо великая, турецкая, народность должна обезпечить себѣ будущность единствомъ языка ¹⁾. На вечерѣ, посвященномъ обсужденію вопросовъ о «турецкомъ мірѣ», публицистъ *Идама*, Алій Кемаль, произнесъ (въ 1908 году) на эту тему рѣчь, въ которой говорилъ, что подѣ реформой османскаго языка нужно разумѣть не стилистическія измѣненія; реформа должна быть направлена на содержаніе,— на лексическій составъ языка. И, чтобы расположить къ себѣ консервативные круги, онъ предлагалъ сузить кругъ словарныхъ заимствованій изъ западно-европейскихъ языковъ, но сохранить элементы арабско-персидскіе, особенно, арабскіе, такъ какъ арабскій языкъ занимаетъ въ османскомъ языкѣ такое же необходимое мѣсто, какое — греческій въ языкахъ европейскихъ.

Вообще,—говорилъ какъ-то А. Кемаль,—вопросъ о реформѣ языка—жизненный вопросъ, и всѣ усилія должны направляться на то, чтобы создать въ языкѣ естественность. Когда изученіе османскаго языка будетъ такимъ образомъ облегчено,—распространится въ турецкомъ мірѣ и вліяніе османскихъ идей ²⁾.

II.

Такимъ образомъ, сначала родной языкъ былъ великодушно уступленъ «турку». Ясно, что произведенія, вышедшія изъ народа, встрѣчали со стороны общественныхъ классовъ, воспи-

¹⁾ Недаромъ нѣкоторые (Фуадъ-бей) хотѣли бы ввести въ школахъ чтеніе текстовъ турецкихъ нарѣчій: M. Hartman, Unpolitische Briefe aus der Türkei. Leipzig. 1910, стр. 126.

²⁾ Эта глава перепечатана, съ измѣненіями и дополненіями, изъ «Замѣтки о Турецкомъ собраніи въ Константинополѣ». Москва. 1912 (Оттискъ изъ *Древностей Востока*, т. IV, вып. I).

танныхъ на арабской и персидской литературахъ, равнодушіе и презрѣніе. Единственнымъ, кажущимся, исключеніемъ представляются пословицы, собранію которыхъ посвящаютъ часть своего досуга писатели уже XVIII вѣка ¹⁾. Но это объясняется, конечно, дидактизмомъ пословицъ.

Такъ, пока османцы находились подѣ гнетомъ персидскихъ литературныхъ традицій, національное чувство въ нихъ было атрофировано. Западное вліяніе внесло новыя идеи, которыя совершенно не были похожи на все то, чѣмъ до тѣхъ поръ жило османское общество. И этотъ контрастъ идеаловъ невольнo выдвигалъ необходимость опредѣлить точнѣе объемъ національнаго достоянія и его значеніе. Теоретически всѣ эти вопросы не обсуждались: для этого османское общество было плохо подготовлено; но здѣсь пришла на помощь, главнымъ образомъ, религіозная реакція, подчеркнувшая различія между правотѣрнымъ мусульманиномъ и «гяуромъ».

Прежде всего, оказывается, что народъ, жившій въ теченіе чуть не шести столѣтій отдѣльной жизнью, для общества—величина неизвѣстная. И, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, османцы предпринимаютъ путешествія. Правда, эти путешествія—мизерны, и по сравненію съ путешественникомъ XVII вѣка, Эвлия-челеби, наблюденія котораго и въ Азіи, и въ Европѣ—цѣнны для науки,—современные путешественники—какіе-то пигмеи; эти, казалось, прирожденные кочевники, отвыкли уже отъ дорожныхъ лишеній и смотрятъ на путешествіе скорѣе, какъ на *partie de plaisir*; но и они чувствуютъ, что османцы плохо знаютъ свою родину ²⁾.

Раньше записныхъ путешественниковъ и, можетъ-быть, давно уже,—въ Анатолиі разбѣзжали народные рассказчики, т.-наз. «меддахи», собиравшіе матеріаль для своихъ рассказовъ, въ которыхъ они потѣшаютъ публику глупостью анатолийскаго мужика,—«турка». Изъ среды полуграмотныхъ «меддаховъ»

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе въ статьѣ «Изъ исторіи османской пословицы и поговорки». Спб. 1909, стр. 2—5. (Оттискъ изъ *Живой Старинки*, 1909. Вып. II—III—Юбилейный сборникъ въ честь акад. В. В. Радлова).

²⁾ Одинъ изъ такихъ очерковъ,—Путешествіе въ Брусу,—написанъ Фахрун-ниса, сестрой Абдуль-Хакка Хамида-бея.

вышли писатели, которые въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ сохраняли стиль и духъ народной рѣчи. Правда, ихъ произведенія лишены художественности; но они отвѣчали потребности въ легкомъ чтеніи, и пользовались большой популярностью. Нѣкоторые изъ этихъ писателей (напр., Мехмедъ Хильми), успѣвшіе порвать со своей средой, попадали даже подъ европейское вліяніе и передѣлывали нерѣдко на османскій языкъ французскія комедіи.

Впервые во всей широтѣ этнографическій интересъ къ своему народу раскрывается въ литературной дѣятельности Мехмеда Тевфика-эфенди.

III.

Мехмедъ Тевфикъ (1844 — 1898 (?) ¹⁾).

Османскій бытъ, подъ напоромъ европейскихъ идей, сталъ быстро измѣнять свои формы; и чтобы сберечь для потомства память о жизни предковъ, Мехмедъ Тевфикъ-эфенди набросалъ въ своихъ очеркахъ «Годъ въ Константинополѣ» («*Istanbulda birъ sene*») сцены изъ народнаго быта. Можно только пожалѣть, что эта работа М. Тевфика, какъ, впрочемъ, большинство его трудовъ, скоро была заброшена, и осталась недоконченной.

М. Тевфикъ представляетъ типъ писателя-народника, пожалуй, полу-этнографа, интересующагося жизнью своего народа во всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ этой стороны, онъ стоитъ въ исторіи османской литературы особнякомъ, потому что народничество, какъ литературное направленіе, въ Турціи никогда не процвѣтало. Однако, въ частности, говоря о Тевфикѣ, не приходится изумляться его симпатіямъ къ османской старинѣ, если вспомнить, что его отецъ содержалъ въ Константинополѣ кофейню. До сихъ поръ еще кофейни служатъ для османцевъ своего рода клубомъ, гдѣ публика коротаетъ долгія зимнія ночи, слушая рассказы старожилловъ.

¹⁾ Перепечатано, съ небольшими измѣненіями, изъ рецензіи на нѣмецкій переводъ Менцеля „Года въ Константинополѣ“ (Türkische Bibliothek, herausgegeben von G. Jacob, Bnde II, III, IV, VI, X): *Этнографическое Обзоріе*, 1909, № 2 — 3, стр. 205 — 208.

Такимъ образомъ, кофейня была первой школой Тевфика, въ которой онъ черпалъ матеріалъ для своихъ литературныхъ произведеній. Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ газетахъ Филиппа. Самоучка, пробившій себѣ дорогу въ Константинополѣ, благодаря содѣйствію одного итальянца, Филиппъ не могъ не сочувствовать юношѣ, вышедшему изъ народа. Фактическимъ редакторомъ издававшейся тогда Филиппомъ газеты «*Muhbirъ*» былъ Алій Суави (одинъ изъ младотурокъ, впоследствии неудачно пытавшійся освободить изъ заточенія султана Мурада V). Суави сталъ руководителемъ Тевфика на литературномъ поприщѣ. Вскорѣ Тевфикъ началъ самостоятельно издавать газету «*Asyръ*» (Эпоха). Особенно усиленную издательскую дѣятельность проявилъ онъ во время послѣдней русско-турецкой войны, и его сатирическіе листки и журналы («*Чайлакъ*» ¹⁾, *Османлы* и др.) доставили ему большую популярность.

Какъ опытный литераторъ, онъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и ему поручено было (кажется, А. Вефикомъ-пашей) оборудовать въ Брусѣ типографію для печатанія брусскихъ губернскихъ вѣдомостей («*Hudavendigarъ*»). Политическія убѣжденія его, какъ почти всякаго османца стараго закала, выражаются въ русофобствѣ, или еще точнѣе, въ ненависти къ славянству, потому что, приглядываясь къ совершавшимся тогда вокругъ него событіямъ, онъ долженъ былъ въ славянахъ видѣть національныхъ враговъ.

Среди произведеній М. Тевфика наиболѣе цѣннымъ является «Годъ въ Константинополѣ». Цѣль автора состояла въ томъ, чтобы познакомить, во всей полнотѣ, съ жизнью умирающаго, стараго, Константинополя. Характеризуя развлечения, присушія каждому сезону, М. Тевфикъ вводитъ иногда рассказъ или даже цѣлую повѣсть, и описаніе его пріобрѣтаетъ еще болѣшую живость и занимательность.

Думаютъ, что окончанію изданія помѣшала цензура, но это предположеніе ни на чемъ не основано. Вся дѣятельность Тевфика отличалась лихорадочностью, и, кажется, нельзя указать ни одной работы, которая была бы полностью напечатана, можетъ-быть, даже написана. Съ внѣшней стороны, манера его

¹⁾ По имени журнала, его самого прозвали „Чайлакъ“ (Коршунъ).

изданій была рыночная; его изданія постоянно выходили выпусками и часто потомъ замирали на полусловѣ.

Вышедшіе въ свѣтъ пять мѣсяцевъ годичнаго цикла заключаютъ въ себѣ: 1) Описание зимнихъ развлеченій женщинъ, которыя, собравшись вокругъ «тандыр-баши» (восточной своеобразной печи), слушаютъ сказки знаменитой сказительницы, Инджили-ханумъ; 2) Описание «халвовыхъ посидѣлокъ». Еще до сихъ поръ сосѣди въ складчину собираютъ все, нужное для пирушки (обычнымъ кушаніемъ является часто халва, отчего и собранія носятъ названіе «халвовыхъ посидѣлокъ»). Въ домѣ, гдѣ происходитъ вечеринка, гости затѣваютъ игры, въ прежнее время отличавшіяся иногда грубостью¹⁾; 3) Прогулка въ предмѣстѣ Кяатъ-хане, гдѣ и въ настоящее время весною, особенно 23-го апрѣля, въ день «Хызръ-Ильяса», собираются толпы народа. Понутно М. Тевфикъ рассказываетъ романтическую исторію брака молодой парочки. Для характеристики положенія женщины, безотвѣтной при выборѣ мужа, эта повѣсть — интересна; въ ней развязка — благополучная, такъ какъ оказывается, что дѣвушку хотятъ выдать за молодого человѣка, котораго она успѣла уже полюбить на гуляньѣ въ Кяатъ-хане. Очень любопытны въ повѣсти взгляды молодого человѣка Шухи на женщинъ. Юноша, выросшій въ провинціи (онъ родомъ изъ Эрзерума), приходитъ въ ужасъ, когда видитъ въ Кяатъ-хане женщину безъ «яшмака» (вуаль). Онъ раздражается потокомъ негодованія, а его учитель (который — въ разговорѣ съ родителемъ дѣвушки, предназначенной въ жены Шухи) оправдываетъ ее. Эта противоположность во взглядахъ между юношей, провинціаломъ - консерваторомъ, и старцемъ, здраво-разсуждающимъ, очень типична. 4) Рамазанскія ночи. Во время мѣсяца поста, «рамазана», мусульмане въ теченіе дня постятся до захода солнца: не принимаютъ въ ротъ никакой пищи, не курятъ, не могутъ даже нюхать цвѣтовъ, и т. д. Послѣ же захода солнца и вплоть до зари они предаются всякимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ.

¹⁾ Такъ, А. Мидхатъ въ повѣсти „Сквозь щель шкафа“ (*Долабданъ те-маша*) рассказываетъ, что, выигравъ разъ à discrétion партію въ шашки, одинъ человѣкъ повѣсилъ партнера, которому хотѣлъ отомстить за поруганіе своей дочери, — на деревѣ.

Подъ вечеръ мусульмане отъ долгаго поста приходятъ въ сильное раздраженіе, и тогда готовы спорить съ кѣмъ угодно. Вотъ почему Тевфикъ относитъ къ числу необходимыхъ «развлеченій» рамазана споры. 5) Кабаки, или собутыльники. Здѣсь Тевфикъ (самъ горькій пьяница) даетъ подробное описаніе, пожалуй, даже списокъ кабаковъ въ Стамбулѣ, пересыпая описаніе сценками изъ жизни пьяницъ.

М. Тевфикъ извѣстенъ также въ османской литературѣ, какъ собиратель анекдотовъ. Онъ издалъ (впрочемъ, вышло только два иллюстрированныхъ выпуска) анекдоты о ходжѣ Насръ-эд-динѣ¹⁾. Зная любовь османцевъ къ своему шуту, М. Тевфикъ написалъ, въ подражаніе народнымъ анекдотамъ, цѣлый рядъ рассказовъ, подъ заглавіемъ «Этотъ человѣкъ» (*Бу адамъ*). Съ именемъ «*Бу адамъ*» Тевфикъ связалъ также народную повѣсть о пьяницѣ. Ему же принадлежитъ цѣнный сборникъ анекдотовъ «Сокровищница шутивыхъ рассказовъ» (*Хазинейи летаифъ*), заключающей свыше 600 анекдотовъ. Только собиратель нигдѣ не указываетъ своихъ источниковъ. Онъ сознаетъ, что въ сборникъ вкрались даже иностранные анекдоты, но систематизацію ихъ предоставляетъ послѣдующимъ собирателямъ и изслѣдователямъ²⁾. Было высказано мнѣніе, что имъ составленъ также анонимный сборничекъ «*Тюркче каба лисанъ*» (Грубый османскій языкъ), въ которомъ содержатся пословицы, загадки, пѣсни и другія произведенія народной словесности³⁾.

Народникъ Тевфикъ — полузабытъ; забытъ даже годъ его смерти. Да это и не удивительно: для большинства османцевъ народные обычаи рисуются, какъ что-то языческое, чего нужно стыдиться. Не такъ давно газета «*Терджимани хакикатъ*», сообщая о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ на свадебныхъ торжествахъ, когда дружки стрѣляли изъ ружей, — высказалась по этому поводу вообще противъ народныхъ обычаевъ, какъ несогласныхъ съ требованіями современной цивилизаціи.

¹⁾ Переведены на нѣмецкій языкъ Мюллердорфомъ въ Рекламовской Универсальной Библиотекѣ (№ 2735).

²⁾ Рецензія на нѣмецкій переводъ Т. Менцеля „*Bu Adem's Abenteuer*“ въ *Живой Старинѣ*, 1911, №№ 3—4, стр. 526—528.

³⁾ Собираніемъ анекдотовъ, представляющихъ любимое чтеніе публики, занимался также Мехмедъ Хилми (сборникъ „*Гюленджли эфсанелери*“).

IV.

Ахмедъ Расимъ.

Однимъ изъ лучшихъ знатоковъ народнаго османскаго быта является, пожалуй, Ахмедъ Расимъ; однако условія журнальной работы накладываютъ свою печать на живые, но фелъетонные очерки ¹⁾: жизнь мусульманскаго квартала, народныя кофейни, перебранки женщинъ, игры дѣтей, народныя развлечения,— все изображается у него въ наскоро набросанныхъ этюдахъ; на всемъ сверкаетъ юморъ народной рѣчи. Вѣрно живописуя настроеніе народной среды, полу-беллетристическіе этюды Ахмеда Расима утрачиваютъ, однако, значеніе этнографическихъ наблюдений.

Благодаря своей начитанности въ османскихъ историкахъ ²⁾, онъ умѣетъ воскресить также бытъ «добраго стараго времени», когда столица оглашалась шумомъ султанскихъ торжествъ и празднествъ ³⁾.

Значеніе народныхъ османскихъ обычаевъ, какъ это ни странно, яснѣе «инородцамъ» Османской имперіи: въ городѣ Аданѣ встрѣтилъ я книгопродавца-армянина, Антуана, который былъ занятъ (въ 1906 году) составленіемъ этнографическаго очерка Турціи. Эта мысль возникла у него, по его словамъ, подъ вліяніемъ чтенія французскихъ книгъ.

¹⁾ Собранны отчасти въ „*Менакиби исламъ*“ (два тома) и въ „*Шехуръ мек-тублари*“.

²⁾ Онъ написалъ патриотическую „Османскую исторію“, главный интересъ которой — въ культурно-историческихъ примѣчаніяхъ, разрастающихся иногда въ большіе этюды. (О первомъ томѣ — моя рецензія: *Osmanischer Lloyd*, 1910, № 223).

³⁾ Этюды изъ народной жизни — лишь одна (позднѣйшая) сторона литературной дѣятельности А. Расима. Ему принадлежитъ также нѣсколько романовъ и повѣстей, въ которыхъ онъ изображаетъ жизнь флиртующаго стамбульскаго общества. Одна изъ повѣстей „*Мейли диль*“ почему-то переведена на французскій языкъ (подъ заглавіемъ „*Le renchaut du coeur*“). Впрочемъ, это — сколокъ съ бульварнаго французскаго романа.

V.

Наби-заде Назимъ.

Это было, такъ-сказать, этнографическое изученіе народа въ его обычаяхъ и настроеніяхъ. Вскорѣ въ литературѣ создается новый типъ, — типъ османскаго крестьянина.

Кажется, первый романъ, „*Кара-бевекъ*“, гдѣ дѣйствующія лица были взяты изъ жизни деревни, расположенной гдѣ-то на берегу Средиземнаго моря, былъ написанъ лѣтъ двадцать тому назадъ (въ 1307 году хиджры) Наби-заде Назимомъ. Ученикъ Золя, о которомъ онъ подробно говоритъ въ предисловіи, Назимъ своеобразно понялъ натурализмъ учителя и фотографировалъ въ грубыхъ снимкахъ бытъ анатолийскаго крестьянина.

Но за-то, изображеніе Назима вполне отвѣчаетъ тяжелой дѣйствительности; жизнь крестьянина, погрязающаго въ невѣжествѣ, безпросвѣтна. Скорбя о своемъ героѣ, Кара-бевекѣ, попавшемъ, какъ всѣ его односельчане, въ руки кулака-христианина, авторъ восклицаетъ: «кто знаетъ, сколько черточекъ (на «биркахъ») провелъ хозяинъ лавки, Андрей, когда онъ нѣсколько дней тому назадъ купилъ у него полъ оки масла! Сорокъ? или пятьдесятъ? Да кому и знать, кромѣ хозяина? Да, плохо не умѣть читать и писать, какъ «ходжа»! Вотъ и не знаешь, сколько ему долженъ! Ахъ, вотъ если бы, когда онъ былъ еще мальчикомъ, онъ ходилъ въ школу. Х-хъ! Да развѣ тогда былъ въ деревнѣ «ходжа» (у котораго можно было учиться)?» Тутъ скрыта и жалоба автора, и мечты его, что школа избавитъ мужика отъ кулаковъ.

Поклонникъ народнаго языка, Назимъ въ свой романъ вводитъ народныя слова, непонятныя для жителя Константинополя, почему долженъ былъ сопроводить книгу глоссаріемъ. Въ концѣ романа, — скорѣе эскиза, обрывающагося какъ бы на полусловѣ, — Назимъ замѣчаетъ: «я думаю, что намъ нужно изучать родной языкъ: тогда нашъ языкъ станетъ гибче.»

Интересный по своей идеѣ, романъ написанъ однако сухимъ языкомъ.

Блестящій офицеръ, Назимъ рано умеръ отъ чахотки и унесъ въ могилу надежды, возлагавшіяся на него Экремомъ-беемъ, который высоко цѣнили въ немъ поэтическій талантъ ¹⁾.

Деревенскій бытъ былъ затронутъ также Веджихи въ романѣ «Пастушка» (*Чобанъ кызы*); но въ романѣ тонъ — сантиментальный ²⁾. Впрочемъ, всё произведенія Веджихи проникнуты печалью.

VI.

Ластикли („Гутаперчевый“) Саидъ-бей ³⁾.

Очевидно, народническая идея виситъ въ воздухѣ, и даже западники не могутъ отъ нея уберечься.

Такъ, народническимъ стихотвореніемъ кончилъ Саидъ-бей. Онъ получилъ образованіе въ Іенѣ и по возвращеніи на родину старался популяризовать въ обществѣ идеи Руссо. Онъ сотрудничалъ также въ газетѣ Филиппа «*Ватанъ*»; его статьи, сильныя аргументаціей, немедленно передавались по телеграфу за границу. Чиновникъ министерства юстиціи, онъ составилъ проектъ о необходимыхъ реформахъ во внутреннемъ строѣ Турціи; говорятъ, что вмѣстѣ съ ходжой, Зія-муллою, написалъ султану Абдуль-Хамиду письмо, въ которомъ требовалъ отреченія отъ престола. Словомъ, онъ давно уже пользовался славой безпкойнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что у него былъ острый, насмѣшливый языкъ.

Въ рукописи ходила сатира, написанная имъ на (албанца) Ферида-пашу, тогда члена государственнаго совѣта ⁴⁾, въ которой онъ полу-шутя, полу-серьезно сравнивалъ его съ Хулагу. Но пока все это какъ-то сходило ему съ рукъ.

¹⁾ Назиму принадлежатъ еще сборники стихотвореній: „*Мини-мини, Хесесъ аттизмъ*“.

²⁾ Р. Ногн, цит. соч. стр. 50.

³⁾ Получилъ это прозвище за свою толщину.—Въ настоящее время ему за пятьдесятъ лѣтъ.

⁴⁾ Впоследствии великій везиръ.

Вдругъ онъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ призывалъ соотечественниковъ стать самими собою. «Если кто арабъ, пусть идетъ къ себѣ въ Аравію, персъ пусть уходитъ въ Иранъ... а мы — турки, и намъ нужно все турецкое» («*бизъ тюркюль, бизе тюркюль герек-тиръ*»). Это невинное стихотвореніе взорвало правительство, и Саидъ-бей, занимавшій уже постъ «предсѣдателя суда 1-й степени», былъ сосланъ въ аравійскія пустыни; конституція вернула изъ Аравіи уже разрушеннаго старца.

VII.

Мехмедъ Эминъ (родился въ 1869 году).

Національное чувство, прорывавшееся изрѣдка наружу сквозь условности вѣковыхъ ложноклассическихъ традицій, нашло своего пѣвца въ лицѣ Мехмеда Эмина. Въ «Турецкихъ стихотвореніяхъ» (*Тюркче ширлеръ*) М. Эмина впервые раздался голосъ народа; впервые въ художественныхъ образахъ былъ воспѣтъ османскій крестьянинъ. Это было время возбужденія національнаго чувства; еще не прошелъ угаръ отъ ессалийскихъ побѣдъ надъ греками (въ 1897 году). Унижаемое въ столкновеніяхъ съ русскими, національное чувство османца нашло себѣ удовлетвореніе; оно вылилось въ обилии сборниковъ, прославлявшихъ національныя доблести; и этотъ моментъ совпалъ съ выступленіемъ въ литературѣ М. Эмина.

Онъ ушелъ въ народъ, жилъ съ нимъ его радостями и горемъ, и постигнувъ душу народа, заговорилъ народнымъ языкомъ. Его стихотворенія въ метрическомъ отношеніи представляютъ окончательный разрывъ съ арабско-персидской метрикой. Воспользовавшись (силлабическимъ) строемъ народныхъ поэмъ, онъ сочеталъ свои стихи изъ чередованія трех- и четырехсложныхъ группъ. О языкѣ его Сами-бей замѣтилъ, что, «оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ требованій, онъ — таковъ, какимъ можетъ говорить и какой можетъ понимать любой османецъ». Смыслъ реформы, предпринятой М. Эминомъ, предстанетъ во всей ясности, когда мы вспомнимъ, до какой степени переполненъ османскій языкъ иностранными словами.

Въ письмѣ своемъ, адресованномъ русскому переводчику

В. О. Минорскому ¹⁾, Эминъ-бей такъ высказываетъ взглядъ на свои задачи: «Моимъ желаніемъ было написать стихи для всѣхъ моихъ соотечественниковъ, въ жилахъ которыхъ течетъ та же кровь, что и у меня, которые говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и я; подумать, о тѣхъ, о комъ никто не думалъ столько вѣковъ, пожалѣть тѣхъ, кого никто не жалѣетъ, дать хоть что-нибудь тѣмъ, кто ничего не получилъ».

Проникнутый любовью къ своему народу, Мехмедъ Эминъ поетъ величальные пѣсни своему народу и, читая его стихотворенія, какъ будто слышишь размѣренные шаги надвигающихся турецкихъ полчищъ.

Переходя греческую границу.

«Красивѣйшее лицо для насъ безобразно, намъ любо турецкое лицо. И лучшее сердце для насъ нехорошо: намъ нужно турецкое сердце. Когда упоминаютъ слово «турокъ», мы благоговѣнно привѣтствуемъ нашъ народъ. Мы — турки; съ этимъ именемъ, съ этой горячностью своей мы живемъ и будемъ жить. Да, это слово убаюкиваетъ насъ, какъ колыбельная пѣсня; и сегодня еще мы помнимъ о Сююдѣ ²⁾; въ словѣ «турокъ» какъ бы заключены завѣтъ (предковъ). Нашъ народъ былъ ребенкомъ; отъ словъ «мы — турки!» онъ выросъ. Мы — турки, и бѣжимъ на враговъ съ обнаженнымъ мечемъ. Какой турокъ позволитъ набросить себѣ на шею веревку или арканъ? Какой турокъ позволитъ выстроить при мечети колокольню? Нашъ народъ не будетъ рабомъ. Кто перенесетъ такой (ужасный) день? Мы — турки; вздуваясь какъ Кызыль-ырмакъ ³⁾, мы разливаемся по землѣ. ⁴⁾».

¹⁾ В. О. Минорскій. Національныя стихотворенія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направлениемъ османской поэзіи. М. 1903 (Отдѣльный оттискъ изъ „Древностей Восточнаго“, т. II. Вып. 3.) — Нѣсколько позже („Древности Восточныя“, т. III. Вып. 1). В. О. Минорскій вернулся еще разъ къ М. Эмину и далъ, между прочимъ, переводы изъ присланнаго ему авторомъ (до сихъ поръ непечатавшаго въ Турціи) сборника „Слезы“ („Гёзъ лишылъ“).

²⁾ Небольшой городокъ въ Брусскомъ вилайетѣ. Это былъ первый удѣлъ, пожалованный Осману сельджуцкимъ султаномъ въ Копін.

³⁾ Древній Гались.

⁴⁾ Я сохранилъ въ переводѣ какъ этого стихотворенія, такъ и послѣдующаго, терминъ «турокъ», хотя авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, свой народъ, — османцевъ.

Съ нѣжностью матери обрисовываетъ М. Эминъ горькую долю османца. Дѣтство его проходитъ въ нищетѣ и бѣднотѣ; но любовь къ родинѣ не угасаетъ въ немъ, и при первыхъ столахъ родины, онъ бросаетъ свою семью и идетъ на войну; и нѣтъ для него высшаго счастья, чѣмъ пасть «шехидомъ» (мученикомъ), сражаясь съ невѣрными. Патриотическія стихотворенія М. Эмина, въ которыхъ сказывается подчасъ самоупоеніе, написаны съ большимъ пафосомъ. Война, особенно когда отъ исхода ея зависитъ судьба народа, вызываетъ обыкновенно сильный подъемъ; а для турка война — его стихія, и тогда во всемъ блескѣ раскрывается его національный складъ. Въ османской поэзіи періодъ войнъ сопровождался появленіемъ знаменитыхъ поэтовъ, на-время сбрасывавшихъ съ себя путы персидскаго литературнаго рабства, чтобы говорить искреннимъ языкомъ.

Для примѣра приводимъ здѣсь стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Голосъ изъ Анатоліи», хотя въ переводѣ оригиналь мѣстами измѣненъ.

Голосъ изъ Анатоліи, или военный кличъ.

Турокъ я. Священна моя вѣра.

Грудь горитъ святымъ огнемъ.

Турокъ — рабъ своей отчизны,

Я пойду, покину отчій домъ.

Не отдамъ Коранъ на поруганье

И Османа сохранию я стягъ.

Я пойду. Домъ Бога ¹⁾ не заглохнетъ

И не вторгнется въ отчизну врагъ.

Прахъ родной — очагъ отцовъ и дѣдовъ.

Что для родины мой домъ родной?! —

Здѣсь — отчизна, тамъ же лоно Бога...

Я спѣшу къ Отцу. Иду я въ бой.

Богъ — свидѣтель, что сдержу я слово.

Ложе друга врагъ не оскорбитъ.

Что милѣе мнѣ родного края? —

Лишь къ нему любовь моя горитъ.

¹⁾ Разумѣется родина.

Я утру одеждой бѣлой слезы
И о черный камень ножъ свой наточу.
Я иду. Никто не остается.
Для отечества я подвиговъ ищу.

Переводъ И. Умова.

Въ творчествѣ М. Эмина различаются два теченія. Первые стихотворенія его, написанныя во время греко-турецкой войны, дышатъ какой-то исключительною, узкою, любовью къ своему народу.

Съ годами стихійная жажда крови остываетъ. На ряду со стихотвореніями, проникнутыми тихой любовью къ трудящемуся люду, Мехмедъ Эминъ рѣзко бичуетъ условія тяжелой политико-общественной атмосферы, создающей безпросвѣтную нищету и забитость народа. Сынъ бѣднаго рыбака, онъ видѣлъ съ дѣтства на морѣ бури, и аллегорически изобразилъ судьбу Турціи въ стихотвореніи «Лодочникъ» (*Кажичи*). Игрушка вѣтра, лодочникъ носится въ волнахъ, пока силы не покидаютъ его, и онъ гибнетъ.

Для Мехмеда Эмина, поэзія должна преслѣдовать общественныя задачи, и въ позднѣйшихъ, реалистическихъ, стихотвореніяхъ романтической налетъ исчезаетъ; у него звучатъ уже социально-культурныя ноты; онъ рисуетъ возвышенные образы мировыхъ героев (напр., Гутенберга, Лютера) и зоветъ свой народъ на борьбу съ невѣжествомъ.

Война, какъ насиліе, внушаетъ ему ужасъ; онъ наблюдалъ издали безсмысленныя кровопролитія русско-японской войны, и осудилъ въ ненапечатанномъ стихотвореніи разрѣшеніе споровъ мечемъ. Такъ, воинственный пылъ Мехмеда Эмина разлетается;— расширяется горизонтъ. Страдая за все человѣчество, онъ мечтаетъ о томъ времени, «когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся». Вотъ, въ переводѣ И. П. Умова, гимнъ его

Красотѣ и братству.

Лишь солнце коснется лазурныхъ озеръ
Сіяющимъ первымъ лучемъ,
Къ вершинамъ высокихъ и сумрачныхъ горъ
Поднимемся тихо вдвоемъ.

Прислушавшись чутко, подумаемъ тамъ,
Въ бесѣдѣ отдавшись мечтамъ,
Присядемъ, чтобъ внизъ на равнины взглянуть,
И пусть на тернистый нашъ путь
Въ поляхъ наши сестры въ тотъ утренній часъ
Цвѣты разсыпаютъ для насъ.

Ты, вольная пѣсня! несись по горамъ!
О, солнца и горъ красота!
Не ради ль тебя по доламъ и холмамъ
Меня увлекаетъ мечта?—
Повсюду хотѣлъ бы я видѣть тебя,—
Тебя безпредѣльно любя,
И если, ослѣпнувъ отъ горя и слезъ,
Закроются очи мои,—
То пусть о тебѣ, въ этой чащѣ изъ розъ,
Повѣдаютъ мнѣ соловьи!

Лишь вечеръ настанетъ и крикнетъ сова,
Летая по древнимъ стѣнамъ,
Одни мы пойдемъ, затаивши слова,
Къ потухшимъ давно очагамъ.
Разспросимъ несчастныхъ, бездомныхъ дѣтей
И съ шопотомъ нѣжныхъ рѣчей
Поплачемъ мы тамъ, приглубимъ мы ихъ,
Поллюбимъ, какъ братьевъ своихъ.
И звѣзды, что въ небѣ такъ кротко горятъ
Печальный нашъ путь озарятъ.

О, Братство! Усталого міра мечта!
Предстань, явись намъ хоть разъ!
И скроется горе, уйдетъ нищета,
И скатятся слезы изъ глазъ,—
Иные наполнятъ тогда голоса
Жилища, поля и лѣса,
И, горя людского пѣвецъ и скорбей,
Воспряну я съ музой моей...
Настанешь ли ты, возрожденія часъ?
Раздашься ли, радости гласъ?

Въ поэзіи М. Эмина для османцевъ открылся новый, неизвѣстный имъ міръ. «Это нѣчто въ родѣ катехизиса Османа», говорилъ о немъ О. Рахми въ своемъ сборничкѣ «Турецкія слова», гдѣ изложены обязанности человѣка къ Богу и отечеству.

Какъ бы то ни было, впервые османскій поэтъ такъ горячо и такъ искренно раскрывалъ свою душу. Онъ сумѣлъ избѣгнуть строгостей абдуль-хамидской цензуры, потому что сперва печаталъ свои стихотворенія въ дѣтскомъ салоникскомъ журналѣ *Чоджукъ-бахчеси* (Дѣтскій садъ). Впрочемъ, когда это обнаружилось, издатель журнала поплатился тюрьмой.

Европейская критика ¹⁾ восторженно привѣтствовала появленіе М. Эмина; но, кажется, ожиданія не оправдались; по крайней мѣрѣ, говорить о новой эрѣ въ османской поэзіи, называть М. Эмина французскимъ Корнелемъ или нѣмецкимъ Клопштокомъ ²⁾ какъ-будто преждевременно.

Въ послѣдніе годы царствованія султана Абдуль-Хаида Мехмедъ Эминъ служилъ по таможенному вѣдомству. Когда, съ возстановленіемъ конституціи, потребовались честные работники, Мехмедъ Эминъ былъ назначенъ «валіемъ» (генераль-губернаторомъ) Сиваса. Онъ началъ управленіе энергичными рѣчами объ отвѣтственности власти передъ народомъ, но сложныя политико-общественныя задачи оказались не подъ силу поэту-народнику.

VIII.

„Философъ“ Риза Тевфикъ.

«До тебя, османская поэзія состояла изъ пѣсенъ про Керъоглу ³⁾ и сказокъ. А ты сумѣлъ разъяснить намъ въ ней истины

¹⁾ Стихотворенія его, съ легкой руки Гибба, были переведены на языки: русскій, мадьярскій и нѣмецкій. Фр. Гизе издалъ въ *Mitteilungen der Orientalischen Seminar zu Berlin* текстъ (свыше 20) стихотвореній М. Эмина: Neue Gedichte von M. Emin-bej. (О сборникѣ — моя рецензія въ газетѣ *Osmanischer Lloyd*, 1910, № 159).

²⁾ V. Maekay, Der Dichter der jungen Türkei: *Frankfurter Zeitung*, 1912, № 144.

³⁾ Герой широко распространенной между турками поэмы. Есть русскій переводъ текста, впервые опубликованнаго А. Ходзько (Тифлисъ. 1856).

и заставилъ слушать себя», — говорилъ о М. Эминѣ «Философъ» Риза Тевфикъ, который однимъ изъ первыхъ оцѣнилъ стремленія поэта и, какъ человѣкъ талантливый, усвоилъ характерныя особенности его музыки.

Докторъ по образованію, Риза Тевфикъ интересовался естественными науками, и навлекъ на себя подозрѣніе въ атеизмъ. Тогда докторъ, всему отдающійся съ жаромъ, ударился въ религіозность и завелъ знакомство съ «бекташи» (дервишескій орденъ); отъ нихъ ему удалось записать рядъ старинныхъ религіозныхъ поэмъ, въ которыхъ не безъ юмора изображается божество. Отсюда естественъ былъ переходъ къ сектѣ «хуруфи», и въ результатѣ получилось у него изслѣдованіе, изданное въ серіи трудовъ «На память о Э. Гиббѣ». Если однако Риза Тевфикъ и обманулъ правительство, народная молва продолжала звать его «философомъ», т.-е. вольтерьянцемъ.

Съ возстановленіемъ 11-го іюля 1908 года конституціи Риза Тевфикъ, какъ членъ младотурецкаго комитета «Единеніе и прогрессъ», принимаетъ большое участіе въ общественно-политической жизни страны. Членъ «временнаго младотурецкаго, полу-официальнаго, правительства», онъ назначается полицеймейстеромъ Перы; онъ прекращаетъ стачку рабочихъ-грузовщиковъ, грозившую крупными осложненіями. Словомъ, фигура Ризы Тевфика показывалась всюду, гдѣ у младотурокъ возникали какія-нибудь недоразумѣнія, и его энергичное слово успокаивало возбужденную толпу.

Опытный ораторъ, Риза Тевфикъ охотно произноситъ публичныя лекціи на общественныя и литературныя темы. Въ нихъ не все оригинально, и сегодня онъ уже отказывается отъ того, что защищалъ вчера. Недаромъ злые языки говорятъ о немъ, что онъ — болтунъ, и только. Однако нельзя отнять у Ризы Тевфика рѣдкой подвижности, способности откликаться на всякую злобу дня.

За границей Риза Тевфикъ олицетворялъ собою молодую Турцію, и однажды, по приглашенію кэмбриджскаго университета, читалъ въ Англии лекціи о новомъ политическомъ режимѣ младотурокъ, смѣнившемъ деспотизмъ султана Абдуль-Хаида II.

Увлеченный стихотвореніями М. Эмина, онъ не остался равнодушнымъ зрителемъ полемики, завязавшейся на страницахъ салоникскаго журнала «*Чоджукъ бахчеси*» (Дѣтскій садъ) по по-

воду новшества Мехмеда Эмина; онъ рѣшительно сталъ на сторону новатора, и не только словомъ, но и примѣромъ. И можно сказать, что принципы, выраженные М. Эминомъ, были имъ всецѣло приняты. Такъ создалось направленіе, — школа національной поэзіи, во главѣ съ М. Эминомъ. Представители этого течения — уроженцы провинціи; константинопольская дряблая среда, углубленная въ созерцаніе своихъ переживаній, обыкновенно была далека отъ жизни народа. Только въ стихотвореніяхъ народниковъ утонченная субъективность была замѣнена реальными образами.

Напоминая — простотой строя и формы — дестаны народныхъ пѣвцовъ («ашиковъ»), стихотворенія Ризы Тевфика ярко создаютъ бытъ деревни, на которой лежитъ печать запущенности. Слово Ризы Тевфика находитъ доступъ въ сердце народа, и эта демократизація идей доказываетъ, что интересы народа начинаютъ волновать уже османскую интеллигенцію.

Для знакомства съ музой Ризы Тевфика я возьму напечатанное въ журналѣ М. Тахира «Знанія» («Малюманъ») стихотвореніе «Жребій» (*Kurba*).

Во время скитаній по Румелии (Европейской Турціи), автору попадаетъ на пути бѣдная деревушка, «грустная, какъ погребальный саванъ».

И, тѣмъ не менѣе, его чуткой душѣ ветхія строенія навѣваютъ грезы о красотѣ, хотя и беспорядочной, но безконечно влекущей къ себѣ:

Но есть непонятное мнѣ обаянье
И странная прелесть въ тѣхъ дикихъ мѣстахъ,
Гдѣ воды лепечуть, гдѣ вѣтра рыданье
Со вздохами волнъ раздается въ горахъ.
Вездѣ соловьи тамъ рокочуть въ каштанахъ,
Гдѣ въ грезахъ ты бродишь подъ сѣнью вѣтвей,
Въ цвѣтахъ и въ смѣющихся алыхъ полянахъ
Ты видишь какъ-будто взоръ милыхъ очей.

Такъ тихо въ природѣ; но очарованіе разрушается, когда поэтъ слышитъ стоны. Въ самый разгаръ полевыхъ работъ врываются въ деревню жандармы; они заглядываютъ во всѣ закоулки и забираютъ всѣхъ сильныхъ мужчинъ въ солдаты. И грустные,

сбились въ кучу парни, смущенные еще болѣе отъ воя, какой подняли въ деревнѣ бабы. Какъ стадо барановъ погнали жандармы свои жертвы. Поэтъ взволнованъ безпривіемъ крестьянина:

... Отъ громкихъ воплей горя
Померкъ мой взоръ, и тьма на сердце налегла.
И станъ согнуло мой, какъ старость, униженье,
И подъ чинаромъ я склонившись, застоналъ.
Закрывъ рукой глаза, я плакалъ въ изступленьи
И воплю горькому души моей внималъ.

Возмущенный, онъ обращается къ властямъ предержащимъ и въ страстныхъ стихахъ бичуетъ ихъ косность и себялюбіе, доведшія страну до гибели. «Въ то время, какъ вы, — говоритъ поэтъ, — отдавались наслажденіямъ, подвластные вамъ сперва народы, ваши рабы, — стали господами надъ вами и плонули вамъ въ лицо.

Но вы, какъ стая псовъ, на пиршество сбѣжались.
Безъ думъ о будущемъ на трупѣ улеглись,
На пирѣ буйственномъ вы дерзко забавлялись
И отъ надеждъ страны, отъ блага отrekliсь.
Тираны алчны! Когда лицо народа
Смертельной блѣдностью покрыла нищета,
У васъ звенѣлъ бокаль и гнулся столъ отъ плода,
Съ устами алыми сближали вы уста!
И какъ Израиль вы передъ тельцомъ склонялись,
На пальцахъ вашихъ рукъ кровь братьевъ запеклась,
Вы солнцемъ пышности и златомъ ослѣплялись,
За цѣннымъ жемчугомъ вы опускались въ грязь.
И вотъ забыли вы страны родной мученья,
Сарданапала вѣкъ здѣсь воскресивши вновь,
Вы на гробахъ отцовъ познали наслажденье,
Какъ старое вино вскипѣла ваша кровь!
Но не довольно ли?! о вашихъ преступленьяхъ
Кричатъ уже вездѣ. Страну врагамъ предавъ,
Испили кубокъ вы позорныхъ наслажденій,
Какъ солнце чистую честь турка запятнавъ.
Сироты, нищія, пришедшіе толпами,
И вдовы горькія, отдавшія дѣтей,

Честь бѣдныхъ дочерей; что попрана врагами;
 Мольбы голодныхъ устъ и слезы изъ очей,—
 Все — жертва вашего распутства и веселья,
 На пальцахъ рукъ у васъ не хена ¹⁾,— нѣтъ! то — кровь!
 Но даромъ не пройдетъ угарный чадъ похмелья!
 За темныя дѣла возмездье будетъ вновь.
 Вездѣ, вездѣ звучить звонъ вашего веселья!
 Но вы ослѣплены и глухи стали вы.
 Разсѣется угаръ, наступитъ часъ похмелья.
 Какъ тяжекъ станетъ вамъ расплаты деңгъ!
 Довольно пировать! взошла заря! увы! вставайте
 И скройтесь, хмельные, отъ горестныхъ очей!
 Мечеть разрушена,— михрабъ не разрушайте ²⁾.
 О, жальтесь надъ страной! Склонитесь передъ ней!

Изъ перевода П. П. Улова.

Рѣзкостью выраженія, — правда, ослабляемой иногда неумѣстными выпадами историческими, — «Жребій» Ризы Тевфика наминаетъ «железный стихъ» Лермонтова.

IX.

Я характеризовалъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ ярче отражаются національные мотивы; однако это было, пожалуй, искусственное ограниченіе задачи, потому что новая османская литература тѣмъ и отличается отъ школы прежней, азіатской, что въ ней все національное становится на первый планъ. И отъ болѣе чуткихъ писателей не укрылось, что въ этомъ и состоитъ истинная задача литературы. «Когда представлялся случай, я неоднократно говорилъ», пишетъ Сами-бей Мехмеду Эмину, «что литература, а особенно поэзія должны заниматься изображеніемъ національнаго чувства и мыслей... Изображеніе національныхъ мыслей и чувствъ, — вотъ въ чемъ поэзія, вотъ

¹⁾ Краска, которой на Востокѣ жевщины красятъ ногти и ладони рукъ; персы — бороду.

²⁾ Это — пословица. — «Михрабомъ» называется ниша въ мечети, куда правовѣрные обращаются во время молитвы.

въ чемъ литература». Уже первые западники инстинктивно это чувствовали, но только у писателей-народниковъ эта идея получила полное выраженіе.

Постепенно мысль опредѣлить національное міросозерцаніе переходить за область художественной литературы. Возникаютъ Общества, изслѣдующія родной языкъ, исторію («Турецкое собраніе», «Историческое Общество» и др.). Раздаются громкія жалобы на отсутствіе національной исторіи Турціи. «Несмотря на всяческія увѣренія европейцевъ (sic!), — пишетъ изъ Салоникъ въ *Идамы* нѣкій Риза Нюзхетъ, — мы всегда были чужды своему народу... Подобно тому, какъ мы нуждаемся въ національномъ языкѣ, нуждаемся мы также и въ національной исторіи. Мы должны знать нашу славную исторію, забрызганную кровью и грязью».

Съ другой стороны, вѣковое равнодушіе, — пропасть, открытая въ османскомъ обществѣ между столичной интеллигенціей и «подлымъ» народомъ, сглаживается или, пожалуй, точнѣе: сознается губительность отчужденія между верхами и низами народными. Со времени объявленія конституціи въ провинціи зародилась пресса, выдвигающая на своихъ страницахъ мѣстныя народныя нужды; зарождаются даже спеціальныя газеты для народа, — *Кейлю* (Крестьянинъ), въ Смирнѣ. Въ столичной печати, оторванной отъ провинціи, подымаются все же голоса о необходимости созданія «литературы для народа», изъ которой крестьянинъ могъ бы черпать свѣдѣнія и по гигиенѣ, и по сельскому хозяйству, и по географіи и исторіи страны. Газета *Идамы* гостеприимно открывала у себя столбцы для писаній для народа. Обращаясь къ читателямъ за сотрудничествомъ, газета возлагала надежды на женщинъ, среди которыхъ языкъ сохранилъ болѣе чистоту.

V. Позднѣйшіе западники; кружокъ писателей, группировавшихся вокругъ журнала „Сервети фюнунгъ“.

I.

Съ теченіемъ времени западное вліяніе растетъ въ глубь и въ ширь. Бульварно-уголовные романы (написанные подъ вліяніемъ Монтепена, Понсонъ дю Террай, Габоріо, и др.) по-прежнему читаются на-расхватъ¹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ молодежи пробуждается интересъ къ социальнo-философскимъ проблемамъ. Быстро совершается духовный ростъ младшаго поколѣнія, вызывая удивленіе въ учителяхъ. «Когда я вхожу въ классъ, рассказывалъ мнѣ писатель Ахмедъ Хикметъ, преподающій въ лицей Галата-сарай османскую литературу,—я замѣчаю на партахъ Шопенгауэра, О. Конта и т. п. сочиненія. А мы, въ наше время кое-какъ знакомимся съ этими книгами, да и то уже по выходѣ изъ школы! Такъ быстро измѣнилось за какихъ-нибудь 15 лѣтъ настроеніе молодежи».

И не одна уже французская литература изучается. Правда, французскій языкъ занимаетъ первое мѣсто и въ школьномъ преподаваніи, и въ общественныхъ сношеніяхъ. Однако симпатіи правительства передвигаются въ сторону Германіи; съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ Константинополь появляются нѣмецкіе инструкторы (съ Гольцъ-пашей во главѣ), и невольно въ средѣ воспитанниковъ военныхъ школъ и офицеровъ зарождается германофильское теченіе. У моряковъ, изучавшихъ въ

¹⁾ Представители—Сафветъ Незихи, Сафвети-Зія и др.

корпусѣ преимущественно англійскій языкъ, взоры естественно устремляются на Англію. Страна свободы, обезпечившей націи политическое могущество, въ глазахъ османцевъ возносится на недостижимый пьедесталъ, и начинается чуть не боготвореніе всего англійскаго, заискиваніе передъ англійскими политиками.

Отовсюду врывающееся струйками и ручьями западное вліяніе вноситъ крупныя измѣненія въ османскій языкъ. Прежде османскіе западники, разрывая съ персидскими традиціями, долго еще носили въ языкѣ своихъ произведеній слѣды иноземнаго рабства.¹⁾ Теперь языкъ становится гибче и проще, и нѣтъ уже такихъ запутанныхъ періодовъ-шарадъ, затруднявшихъ пониманіе мысли даже для османцевъ. Можетъ-быть, подражая европейцамъ въ построеніи фразы, новые писатели впадаютъ въ другую крайность. Незнакомые ни съ арабскимъ языкомъ, ни со старой османской литературой, они допускаютъ безграмотныя сочетанія и возмущаютъ тѣхъ, кто воспитывался въ старыхъ правилахъ. «Съ нѣкоторыхъ поръ,—говоритъ Фаикъ Решадъ,²⁾—османская проза и поэзія въ отношеніи лексики, грамматики и синтаксиса, наконецъ, стили,—потеряла прелесть и изящество, вообще,—естественность». Ф. Решадъ объясняетъ все это невѣжественностью современныхъ писателей, которые воображаютъ про себя, что «они—выше ихъ (западно-европейскихъ писателей)». «А для насъ,—разсуждаетъ Ф. Решадъ,—это самолюбіе—неправильная ошибка». Кажется, Ф. Решадъ расширяетъ явленіе, да и по цитатамъ, и примѣрамъ, приводимымъ въ статьѣ, видно, что онъ имѣетъ въ виду опредѣленные личности (главнымъ образомъ, Мехмеда Реуфа, а затѣмъ, вѣроятно, также Ушаки-заде Халида-Зію).

Впрочемъ, сторонники азіатскаго направленія, отстаивающіе старину, тоже не исчезли, но они уже умѣреннѣе въ своихъ притязаніяхъ и заботятся, главнымъ образомъ, чтобы обществу сумѣло сохранить равновѣсіе (Веледъ-челеби, ученый на-

¹⁾ Напр., сочетаніе предложеній посредствомъ союза „кі“.

²⁾ Это—одинъ изъ старыхъ османскихъ литераторовъ, собирающійся написать исторію османской печати. Онъ составилъ сборникъ біографій избранныхъ поэтовъ и прозаиковъ, подъ заглавіемъ *Эслафъ* (Предшественники). Въ его библіотекѣ—большое количество неизданныхъ дивановъ.

стоятель ордена «мевлеви», Исмаиль Хаккы, издатель журнала „*Мектебъ*“¹⁾ (Школа) и др. x

Все же османская литература стоит на стражѣ національных интересовъ, стараясь удержать общество отъ чрезмѣрнаго увлеченія западомъ. Въ произведеніяхъ османской литературы, — больше, чѣмъ прежде, — разрабатываются темы изъ османской жизни и намѣчаются пути къ ея оздоровленію.

II.

Сами-паша-заде Сезаи.

Среди новыхъ писателей наибольшую популярность приобрѣлъ Сами-паша-заде Сезаи, «основатель національнаго романа».²⁾ Въ романѣ, названномъ просто «Приключенія» (*Serüzeimât*), онъ описываетъ страдальческую жизнь плѣнной черкешенки, Дильберъ. Во время своихъ мытарствъ, перепродаваемая изъ однѣхъ рукъ въ другія, она встрѣчается съ художникомъ Джелялемъ-беємъ и влюбляется въ него. Но родители художника своимъ противодѣйствіемъ разбиваютъ ихъ жизнь. Художникъ предается грусти, а черкешенка, уже носившая въ груди зародыши болѣзни, чахнетъ и таетъ какъ свѣча. Проданная въ Египетъ, она тоскуетъ и въ волнахъ Нила ищетъ успокоенія отъ своихъ страданій.

Вопросъ, затронутый въ романѣ Сезаи, не новъ; это — все та же жалоба на аномалію семейнаго быта. Черкешенка Дильберъ очерчена сильно и изящно; художникъ Джеляль, въ характерѣ котораго сквозитъ женственность, давно сталъ необходимымъ, избитымъ типомъ въ османской литературѣ. Романъ доставилъ автору славу какъ въ Турціи, такъ и за границей. Поэтъ Абдуль-Хаккъ Хамидъ-бей въ лестныхъ, восточныхъ, выраженіяхъ отозвался о «Приключеніяхъ»: «если въ «Приключеніяхъ», писалъ онъ, и есть недостатокъ, такъ развѣ то, что это слишкомъ изящное произведение». Проф. Г. Якобъ, оживившій въ Гер-

маніи изученіе османскаго языка и литературы (особенно, народной), мимоходомъ назвалъ Сезаи національнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ въ Кемалъ-бей онъ, — чтобы выдвинуть значеніе Сезаи, — усматривалъ одну трескучесть фразъ.

Сезаи написалъ также рядъ «небольшихъ вещицъ» (*Кючюкъ шейлеръ*), навѣянныхъ французскими новеллистами. Искусно построенные на неожиданныхъ сопоставленіяхъ, или противоположностяхъ, рассказы Сезаи поддерживаютъ напряженно вниманіе читателя, однако тонъ ихъ — обычный, грустно-печальный, — надъ героями османской литературы, возросшими подъ яснымъ голубымъ небомъ, парить, — увы! — духъ разочарованности, такъ поэтически подмѣченный Пьеромъ Лоти. Они стонутъ отъ мукъ неудовлетворенной страсти.¹⁾

Литературный заработокъ въ Турціи незначителенъ, и естественно, погоня за кускомъ хлѣба отняла Сезаи у литературы: членъ младотурецкаго комитета, онъ вскорѣ послѣ 11-го іюля 1908 года былъ назначенъ въ Испанію посланникомъ.

III.

Журналь *Serüzeimât* флюнцъ.

Въ то время какъ османская литература обслуживала уже интересы націи, правительство, перепуганное усиленіемъ западнаго культурнаго вліянія, въ которомъ ему чудился политическій врагъ, начинаетъ тормозить развитіе литературы. И османскіе писатели, въ натурѣ которыхъ скрыта уже тихая меланхолія,

¹⁾ Изъ писателей, выдвигающихся около этого времени, вскользь отмѣтимъ поэтессу Нигяръ-бинтъ-Османъ, дочь плевненскаго героя, Османа-наши, въ изящныхъ стихотвореніяхъ которой раскрываются тайные изгибы мечтательной женской души (сборникъ „Эхо“, — *Акси сада*); Мустафа Решидъ, — романы и повѣсти его носятъ, правда, отпечатокъ французской школы, но изображаютъ конфликтъ между европейскимъ вліяніемъ и національными традиціями; Абдулла Зюхди, — главное достоинство его романовъ (*Гюльеръ*, *дикенлеръ*, *Биръ гедже* (продолженіе) и новеллъ (*Резмюзири матбуатта*) — легкость языка; впрочемъ, подъ вліяніемъ Мопассана, онъ научился удачно выбирать сюжеты для своихъ рассказовъ и удачно развивать фабулу. Сотрудникъ газетъ (*Сабакъ* и *Идамъ*, онъ съ 1908 года издаетъ либеральную газету *Ени газетъ* „Новая газета“), органъ либеральной партіи.

¹⁾ Впрочемъ, въ журналѣ *Мектебъ* сперва сотрудничали поэты Шехабъ-эд-динъ, Т. Фигретъ и др.

²⁾ Первымъ его произведеніемъ была драма „Левъ“ (*Шифъ*).

впадаютъ въ пессимизмъ. Знакомство съ западно-европейской цивилизаціей подготовило ихъ къ изображенію реальной обстановки; но суровая дѣйствительность, гдѣ царитъ вакханалія абдульхамидскаго деспотизма и произвола, такъ уродлива, такъ безотраднa, что, отрѣшаясь отъ нея, они уносятся въ заоблачныя сферы. Такъ, въ литературѣ (особенно, въ поэзіи) наступаетъ періодъ мистицизма и символизма. Съ другой стороны, не сдерживаемые требованіями разсудка, писатели даютъ просторъ своимъ чувствамъ, и расцвѣтаетъ сенсуализмъ. А сенсуализмъ, при страстности южанина, иногда принимаетъ у нихъ патологическій характеръ.

Разочарованность въ жизни, безумныя грезы о счастьѣ отражаются во всей силѣ на кружкѣ писателей, группировавшихся вокругъ журнала „*Сервети фюнуль*“ (Богатство наукъ).

Иллюстрированный еженедѣльный журналъ „*Сервети фюнуль*“, основанный лѣтъ двадцать тому назадъ (въ 1890 году) Ахмедомъ Ихсаномъ, съ самаго начала былъ провозвѣстникомъ западно-европейскихъ идей. Эпоха высшаго успѣха журнала относится къ срединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошелъ цвѣтъ литературной молодежи.

Пожалуй, общій недостатокъ литературныхъ произведеній, печатавшихся въ *Сервети фюнуль*,—салонность; они какъ бы предназначены для образованнаго класса, умственный складъ и навѣкъ чувствъ у котораго сложился подъ европейскимъ вліяніемъ, или который, по крайней мѣрѣ, охотнѣе переживаетъ въ грезахъ настроенія европейскаго общества, хотя, можетъ-быть, европейскій міръ такъ же далекъ отъ этихъ манекеновъ, какъ и свой, родной. Заботы о чистотѣ языка, опрощеніи тоже отступаютъ у кружка на второй планъ.

Исторія журнала—исторія литературно-общественной жизни османскаго общества за послѣднія двадцать лѣтъ. Немало боролся онъ съ темными силами страны. Однажды издатель журнала, Ахмедъ Ихсанъ, былъ обвиненъ въ революціонной пропагандѣ, и въ теченіе пяти мѣсяцевъ журналъ былъ запрещенъ. Ежедневно, въ четвергъ, въ витринахъ книжныхъ магазиновъ выставлялся, въ цвѣтной обложкѣ, новый номеръ журнала, со страницъ котораго смотрѣли имена Халида Зіи (секретарь султана Мехмеда V), Джавида-бея (младотурецкій министръ финансовъ), Эмр-

улла-эфенди (младотурецкій министръ народнаго просвѣщенія), А. Шуайба, профессора юридическихъ наукъ¹⁾, Экрема-бея, Абдуль-Хакка Хамида-бея, Тевфика Фикрета, Дженаба Шехабъ-эдъ-дина, Хюсейна Джахида и др.

Среди нихъ сильнѣе всего было вліяніе Экрема-бея и Тевфика Фикрета.

IV.

Тевфикъ Фикретъ (родился въ 1869 году).

Въ своихъ «литературныхъ бесѣдахъ», отражающихъ вліяніе Экрема-бея, Тевфикъ Фикретъ раскрывалъ значеніе литературы, указывалъ правила стихотворства, разбиралъ вновь выходящія на османскомъ языкѣ произведенія. Его *ars poetica*, съ нашей точки зрѣнія не заключающая ничего особеннаго или новаго,—для лѣнливыхъ, въ большинствѣ случаевъ, османцевъ была своего рода откровеніемъ. Свои принципы Т. Фикретъ развивалъ въ стихотвореніяхъ, поражавшихъ какъ новизной сюжета, такъ и неслыханностью рѣимъ. Въ творчествѣ Т. Фикрета, быть-можетъ, впервые османецъ пошелъ въ уровень съ литературнымъ движеніемъ Франціи. Для Т. Фикрета прототипами служили не только Мюссе и Ламартинъ, но и Бодлэръ, и Верленъ. Стихотворенія его были собраны вскорѣ подъ заглавіемъ «Разбитая люгня» (*Ребаби шикесте*)²⁾.

Діапазонъ творчества Тевфика Фикрета—широкъ; какъ «правовѣрный мусульманинъ», онъ, быть-можетъ, даже безсознательно,—хвалитъ величіе Бога; геройскіе подвиги османскихъ солдатъ въ греко-турецкую войну вызываютъ въ немъ удивленіе («Газаватство Хасана»); проникнутый любовью къ «низшей братіи», онъ скорбитъ о страданіяхъ народа; онъ понимаетъ языкъ природы, и, кажется, все обратилось въ весенній лугъ, усѣянный майскими цвѣтами; но, видно, его гложетъ ка-

¹⁾ Онъ знакомилъ читателей журнала съ европейскими историками; этюды его вошли въ сборникъ *Хайятъ се китабларъ* (Жизнь и книги).—Посмертный трудъ,—лекціи по «Административному праву» (*Хукуку идаре*), читанныя въ университетѣ,—рецензировался А. Н. Самойловичемъ въ журналѣ *Міръ Ислама*, 1912, № 1, 3.

²⁾ „*Ребабъ*“—старинный струнный инструментъ, готовится изъ кокосоваго оубъха.

кая-то затаенная мысль, и минутами у него срываются признания: «да, пусть прекрасенъ этотъ путь, но почему въ концѣ его, зябеть бездна?» Жизнь такъ трепетно-скорбна; спокойствіе — въ созерцаніи. Быть-можетъ, потому такъ удаются поэту объективные портреты корифеевъ османской литературы.

Заглавіе сборника «*Разбитая лотия*», — правда, заимствованное, — говоритъ, какъ-будто тоже о разбитыхъ надеждахъ.

Это безотчетное опасеніе, какая-то разочарованность создаетъ порою холодность тона, сухость; но поэтъ таитъ чувство тоски; по крайней мѣрѣ, во второмъ сборникѣ (*Халужунъ дефтери*) онъ, уже безъ вдохновенія, безстрастно, поетъ молодежи о трудѣ и надеждахъ; воспитательная, педагогическая, тенденція поэзии Тевфика Фикрета породила въ газетахъ и журналахъ горячую полемику: на-ряду съ защитниками заговорили и хулители, обвинявшие, впрочемъ, несправедливо, поэта, что въ поэзии слышны отголоски вынужденнаго удаленія изъ директоровъ лица Галата-серай. Да, онъ вселяетъ вѣру въ силу труда, но для него, — уввы! — человѣчество — игрушка въ рукахъ судьбы. Въ стихотвореніи «Исторія» (*Тарихъ*), запрещенномъ уже младотурками, онъ сознается, что человѣчество обмануто.

Однако взгляды Тевфика Фикрета окрашивались пессимизмомъ постепенно. Сначала, убѣжденный сторонникъ младотурокъ, онъ заклеилъ абдуль-хамидскій произволъ въ энергичномъ стихотвореніи *Сисъ* («Туманъ»), долго ходившемъ въ Константинополѣ въ спискахъ: въ порывѣ отчаянія онъ утратилъ-было вѣру въ возрожденіе страны: «скройся, трагедія, скройся, о «царственный» градъ, — восклицаетъ онъ, — закутайся и спи вѣчно, интриганъ вѣковъ!»¹⁾

Но какъ только палъ Ильдызъ-кіоскъ, поэтъ снова былъ объятъ радостью, и свою преданность новымъ идеямъ, вытекавшимъ изъ младотурецкаго режима, онъ выразилъ въ горячемъ сочувствіи женскому образованію. Однако косная среда сумѣла заглушить благородное стремленіе младотурокъ.

¹⁾ Заключительная часть стихотворенія, написанная позднѣе, переведена, подъ неудачнымъ заглавіемъ «Возрожденіе» (по-османски: *Руджю*), въ *Стамбульскихъ Новостяхъ*, 1909, № 8.

Вотъ, для образца, два стихотворенія Тевфика Фикрета¹⁾: «При утреннемъ эзанѣ» и «Рамазанская милостыня», въ переводѣ С. С. Кельцева.

При утреннемъ эзанѣ.

«*Аллахъ экберъ, Аллахъ экберъ!*²⁾ Царитъ возвышенная тишина: какъ-будто природа безмолвно, беззвучно изливаетъ въ молитвѣ свою любовь къ Творцу.

«*Аллахъ экберъ, Аллахъ экберъ!* Слышится вздохъ въ тишинѣ: какъ-будто міры, видимые и невидимые, освѣщенные и погруженные во мракъ, призываютъ вѣчнаго Бога.

«*Аллахъ экберъ, Аллахъ экберъ!* Возвышенная тишина, вздымающаяся тишина: сердце природы и вселенной — душа — взываетъ къ вѣчному Богу, творитъ молитву со страхомъ и трепетомъ.»

Рамазанская милостыня, на мосту.³⁾

«Холодъ... Стужа... Словно жалобный стонъ, выходящій изъ нѣдръ жизни, завываетъ вѣтеръ! Холодъ... Стужа... Дрожащее рыданіе моря вызываетъ усиленное бѣненіе сердца. На мосту, едва прикрытый лохмотьями, сидитъ маленькій бродяга: «Господа, ну что вамъ? сжальтесь! Я — нищій!» Молчаніе. Важно, не останавливаясь, проходятъ господа. Крошка блѣденъ, изумленъ, во взорахъ — печальное выраженіе мольбы. Калѣка протягиваетъ ладонь, отвѣшиваетъ поклонъ каждой проносящейся тѣни. «Господа, рамазанъ,⁴⁾ священный вечеръ!» Несчастливая доля нищеты, жалкая жизнь лишений! «Господа, сжальтесь, вѣдь я — сирота!» Нѣтъ, толпою проходятъ эти великолѣпные и сытые господа: этотъ голосъ, идущій изъ грязныхъ лохмотьевъ, вызываетъ въ нихъ отвращеніе. Холодъ... Дождь нервными ударами, яростно разсѣ-

¹⁾ Въ *Стамбульскихъ Новостяхъ*, 1910, № 1, переведено еще стихотвореніе «Любовь въ жизни».

²⁾ Это — начало молитвеннаго призыва, — «О превеликій Боже!»

³⁾ На мосту, соединяющемъ Галату со Стамбуломъ, толпятся, въ ожиданіи милостыни, нищие и калѣки.

⁴⁾ Исламская религія предписываетъ давать «десятину» («зекятъ») со своихъ доходовъ въ мѣсяцъ поста, — рамазанъ.

каетъ до самаго горизонта тучи, словно кнутомъ бичуетъ всю эту мишень презрѣнной жизни. Холодъ... Невыносимая стужа погубить дитя. О, вы, счастливицы, несущіеся въ уютно-убранныя, благоухающія хоромы! Передъ вами—человѣкъ, душа котораго стонетъ! Посмотрите на эти тощія голыя руки,—онъ не способенъ уже къ труду. Вѣдь и онъ работалъ на васъ; подайте же ему, заставьте замолчать этотъ болѣзненный голосъ!»

V.

Дженабъ Шехабу-эд-динъ.

Уроженецъ Эссалии (Ени-шехира), онъ дѣтство, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Алиемъ Нусретомъ, профессоромъ элоквенціи ¹⁾ въ Учительской Семинаріи, провелъ въ Кавалѣ. Образование получилъ въ военной медицинской школѣ,—въ абдуль-хамидское время единственной, научно поставленной школѣ. Совершилъ путешествіе въ Аравію,—впечатлѣнія свои описалъ въ книгѣ «На пути паломничества» (*Хаджжъ йолунда*); былъ на Черномъ морѣ; служить въ международной санитарной комиссіи въ Константинополѣ.

Стихотворенія Дженаба Шехабу-эд-дина, замѣченныя Ахмедомъ Мидхатомъ въ газетѣ „*Терджимани хакикатъ*“, идейныя по содержанию, отличались красотой формы.

Вотъ въ прозаическомъ переводѣ С. С. Кельцева, утратившемъ, правда, блескъ и яркость рѣзвы, прелестное стихотвореніе «Пѣсни зимы» (*Эльхани шита*).

«Заволакивая землю туманомъ, летитъ и дрожитъ бѣлый снѣгъ, словно потерявшая друга птица, ищущая исчезнувшіе весенніе дни. Замѣстители весны, безумной пѣсни сердецъ, поэзіи воркованья,—все время тихонько плачутъ хлопья снѣга, окутавшіе землю глубокимъ безмолвіемъ. Эхъ, мотылекъ, порхая ты упалъ и погибъ! Снѣгъ, словно бѣлое крыло ангела, ищетъ тебя въ поблекшихъ садахъ. Не успѣешь ты распустишь на цвѣтахъ крохотный разноцвѣтный вѣеръ, какъ надъ трупомъ твоимъ,—увы, ты умеръ уже!—начали порхать одинъ за другимъ, несущіеся съ

неба, несущіеся съ плачемъ снѣжные хлопья, подобныя птенцамъ совы. Эхъ, унеслись, исчезли вы, пернатые, опустѣли теперь ваши гнѣзда, а въ воздухѣ вьются и плачутъ, преслѣдуя осиротѣлыя, безмолвныя голубенькія пушинки, брошенныя въ гнѣздахъ,—хлопья снѣга. О, зимнее небо, въ десницѣ твоей—груды жасминовъ, крыльевъ голубей, влажныхъ тучъ! Душа природы замерла; о, небо, осыпь хоть ты черную землю свѣтлыми цвѣтами! Ни листка, ни цвѣтка: лѣса и рощи полны безнадежной мрачной тѣни. Не останавливайся, не медли, рука зимняго неба, разстилай бѣлый щитъ надъ каждой рощей! Снѣгъ ниспосылается съ небесъ, какъ будто это — обѣтныя дары, и словно грезы мои, разлетаются повсюду. Заснутъ снѣговыя пушинки на ясномъ крылѣ тихаго вѣтра, пробудутъ такъ одинъ моментъ, а тамъ опять полетятъ; слѣва направо, справа налево вьются и мигаютъ, какъ пухъ, взлетая порою, порою же падая внизъ. Снѣжныя пушинки, мелодіи безмолвныхъ свирѣлей, цвѣты ангельскихъ садовъ! Ниспошли, великодушная рука небесъ, о, ниспошли, повторяю, десница зимы, на мрачную землю, взамѣнъ цвѣтовъ весны, ослѣпительный снѣгъ, взамѣнъ щебетанія птицъ—тихое упованье!»

Недавно въ Константинополѣ была поставлена комедія Дж. Шехабу-эд-дина «Ложь» (*Яланъ*).

VI.

Хюсейнъ Сюадъ.

Братъ энергичнаго редактора младотурецкаго органа *Танинъ* Хюсейна Джахида,—Хюсейнъ Сюадъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности ушелъ весь въ тоску. Потерявъ подругу жизни, онъ неизмѣнно воспѣвалъ свое горе въ красивыхъ стихахъ, утомительныхъ, однако, однообразіемъ темы.

Казалось, изъ «Гнѣзда тоски» (*Ланейи меллѣ*),—какъ назвалъ поэтъ сборникъ стихотвореній,—выходъ одинъ—смерть, но, очевидно, онъ уже утѣшился: въ комедіяхъ или, точнѣе, фарсахъ: «Грязное бѣлье» (*Кирли чамашырларъ*) и «Лѣкарство отъ любви» (*Давийи џишкѣ*)—брызги веселаго, задорнаго смѣха.

Комедія «Грязное бѣлье», пожалуй,—даже національный водевиль. Х. Сюадъ хотѣлъ (подражая Х. Рахми) еще разъ показать, какъ неосмотрительно османцы выбираютъ для своихъ дѣтей гу-

¹⁾ Алиі Нусретъ—сторонникъ арабизованной рѣчи.

вернаго. Гувернантки больше думаютъ о томъ, чтобы кружить голову мужчинамъ, бросающимъ ради нихъ своихъ женъ, невѣсть. Это была цѣль автора; но, самъ того не замѣчая, Сюадъ произноситъ смертный приговоръ надъ османскимъ обществомъ, всѣ интересы котораго вертятся около французскихъ «продуктовъ», — шампанскаго и кокотокъ.

Для образца заимствую у моего слушателя, С. С. Кельцева, переводъ стихотворенія «На могилѣ моей жены» (*Zevdjemini mezarynda*); обстановка стихотворенія — характерна для османской поэзии, гдѣ кладбище, развязка жизненныхъ отношеній, играетъ вообще большую роль.

Siyade — «Ни души, ни звука... Тихимъ сумракомъ объятая, грустная картина кругомъ! Покрытый эпитафіями, надгробный камень — жалкій и стонущій нищій, склонившій голову со словами на устахъ: «миръ праху усопшаго!» Ни шороха, ни звука... Онѣмѣло все. Тишина, присущая дню Страшнаго Суда. На каждой могильной плитѣ, готовой упасть, окаменѣвшій, замершій страдальческій голосъ издаетъ вздохъ разлуки, выражая послѣднее желаніе. Временами, когда вѣтеръ, парящій на свѣтлыхъ крыльяхъ, цѣпляетъ высокіе кипарисы, — по кладбищу пробѣгаетъ, съ плачемъ, стономъ, отчаяніемъ, рыданіемъ, черная дрожь, и каждая скорбная могила, грустный камень — долго остаются съ черной дрожью, словно съ преданнымъ другомъ. Траурная тѣнь черныхъ кипарисовъ наблюдаетъ за этимъ міромъ.

«Ахъ, къ тебѣ пришелъ я на могилу и вотъ опять пролилъ слезы души моей на твой грустный надгробный камень. Въ душѣ моей тоскливый твой голосъ, словно слабое эхо, съ грустью говоритъ: «Страшнаго Суда я ожидаю!» При воспоминаніи о тебѣ я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и со стономъ изливалъ все мое краснорѣчіе: хотѣлось мнѣ таившуюся глубоко скорбь сердца моего раскрыть и предать землѣ на твоей могилѣ. Лишь начиналъ я разбираться въ страданіяхъ души моей, захватывающее рыданіе и судорожный крикъ сжали вдругъ и сдавили языкъ моего сердца.»¹⁾

¹⁾ Сотрудничали въ *Serveti Fiyuzi* и другіе поэты: Фанель Аліи, братъ Сюлеймана Назифа (авторъ «Пустыхъ утѣхъ», — *Fani tesselmiseri*), Х. Сиретъ, поэтъ чувственной любви (*Leyli horizani*, — «Убѣгающія ночи»), Аліи Надиръ (исевдонимъ Алія Экрема, сына Кемали-бея), авторъ *Ziyali iltihali*, — «Тѣни вѣнчикъ», и др.

VII.

Ахмедъ Хикметъ (родился въ 1870 году).

Изящный чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ онъ завѣдуетъ коммерческимъ бюро, Ахмедъ Хикметъ всей своей фигурой показываетъ, что османцы далеко отошли отъ типа «грубаго тюрка»; но подъ европейскимъ одѣяніемъ въ груди А. Хикмета бьется горячее сердце, страдающее за свой народъ.

До сихъ поръ у османцевъ, говорилъ какъ-то въ разговорѣ со мной А. Хикметъ, не было времени заниматься науками. Сперва въ услуженіи у арабовъ, они, съ мечемъ въ рукахъ, оберегали исламъ. Когда титулъ халифа былъ принятъ въ началѣ XVI вѣка османскими султанами (Селимомъ I), они еще ревностнѣе должны были стоять на стражѣ религіи; а занятіе религіозными вопросами увеличивало недоброжелательство и даже ненависть къ «франкамъ». Наконецъ, султанъ Махмудъ II (1808—1839) захотѣлъ ввести у себя въ государствѣ европейскую культуру; но онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны шейхъ-уль-ислама. И А. Хикметъ рассказалъ типичный случай. Султанъ рѣшилъ-было замѣнить солдатамъ «кауки» (высокій головной уборъ) шапками съ козырькомъ. Но ему отсѣвовали, напомнивъ хадисъ: «кто похожъ на другого, тотъ — изъ нихъ», т.-е. разъ солдаты одѣнутся по-европейски, они станутъ такими же «гяурами», какъ европейцы. Какъ-то вскорѣ послѣ того султанъ, съ блестящей свитой, среди которой находился и шейхъ-уль-исламъ, поѣхалъ на «Окъ-мейданъ» (въ Касимъ-пашѣ), гдѣ происходила стрѣльба. Султанъ выстрѣлилъ, но, не зная, попалъ или нѣтъ, обернулся вопросительно къ шейхъ-уль-исламу. Лучи солнца падали прямо въ глаза, и шейхъ-уль-исламъ, чтобы заслониться отъ солнца, приложилъ руку ко лбу. Тогда султанъ ударилъ его по рукѣ и въ гнѣвѣ сказалъ: «Какъ же ты хочешь, чтобы мои солдаты различали подъ солнцемъ врага, когда ты самъ не видишь ничего?»

Если въ началѣ XIX вѣка духовенство еще было такъ упорно, въ началѣ XX — взгляды измѣнились, и внукъ «муфтія» (фамильное прозвище А. Хикмета «Муфти-оглу» — сынъ муфтія)

твердить о необходимости образования для народа. По этому поводу А. Хикметъ, пробывшій съ годъ консуломъ въ Потти, проводитъ параллель между османцами и русскими. Османецъ, исповѣдующій религію, заповѣди которой изложены на арабскомъ языкѣ, — парадоксально говоритъ онъ, — въ умственномъ отношеніи стоитъ выше русскихъ мужиковъ, такъ какъ его мысль невольно возвращается въ области двухъ языковъ. «У насъ нѣтъ такого фанатизма, какой я видѣлъ у васъ на Кавказѣ: тамъ чиновникъ, встрѣчая на улицѣ пона, уже крестится... Мы смѣялись, во время русско-японской войны, надъ иконами Куропаткина. Вообще вы, русскіе, — странный народъ; у васъ ни въ чемъ нѣтъ середины: русскій или фанатикъ, или онъ ѣдетъ за границу и занимается исключительно «химіей», чтобы готовить бомбы. А вашъ Толстой? Это — дѣловой человѣкъ, босой, съ всклокоченными волосами, и въ письмѣ нѣтъ изящества, тонкой рѣзбы». — Нападая на русскихъ, А. Хикметъ видитъ, однако, въ нихъ большую силу. Но что бы онъ тамъ ни говорилъ, — не духовная мощь русскаго народа влечетъ его къ себѣ, а физическая сила и необъятность владѣній, и въ умѣ его мелькаетъ мысль о возможности союза между Россіей и Турціей для совмѣстнаго культурнаго просвѣщенія Азіи, чтобы былъ такимъ образомъ положенъ предѣлъ притязаніямъ Англіи. И чтобы объяснить соотечественникамъ загадочную сосѣдку, А. Хикметъ написалъ, на основаніи французскихъ книжекъ и собственныхъ наблюденій, культурный очеркъ Россіи; но цензура запретила изданіе, — престижъ Россіи стоялъ еще высоко въ Турціи, и тщательно избѣгало османское правительство упрековъ въ какихъ-либо издѣвательствахъ надъ своими сѣверными сосѣдями.

Однако въ разсужденіяхъ А. Хикмета и въ его мечтаніяхъ нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ «грубый тюркъ», въ глубинѣ души желавшій бы сокрушить все и подчинить своему вліянію. Пожалуй, А. Хикметъ не виноватъ въ этомъ; это — результатъ вѣкового деспотизма, подъ которымъ жила Турція.

Въ литературной дѣятельности А. Хикмета сплетается два течения.

Какъ педагогъ, онъ рано увидалъ недостатки роднаго языка, и устремилъ свое вниманіе на ихъ устраненіе. Прежде всего, онъ занялъ измѣненіемъ османскаго правописанія, и чтобы облегчить чтеніе, ввелъ новые гласные знаки. Систему эту онъ хочетъ

примѣнять только къ османскимъ словамъ; арабскій языкъ онъ до поры до времени не тревожитъ. Поэтому (вслѣдствіе непосредственнаго проведенія принциповъ), — система А. Хикмета кажется искусственной. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ этотъ вопросъ такъ или иначе будетъ разрѣшенъ, потому что отъ быстроты усвоенія дѣтьми грамоты зависятъ въ Турціи успѣхи культуры.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ преподаванія, у него зародилась мысль объ упрощеніи османскаго языка, объ освобожденіи его отъ иностраннаго лексическаго балласта. Чтобы доказать, что османскій языкъ богатъ, и можетъ обойтись безъ арабскихъ и персидскихъ словъ, А. Хикметъ пробуетъ иногда писать такъ, что на протяженіи нѣсколькихъ страницъ у него не найдется ни одного иностраннаго слова. Такова, напр., его «Молитва» (*Jakarynig*), сперва напечатанная въ одной изъ кавказскихъ газетъ. Это — наивное славословіе туркомъ Бога, — славословіе, въ которомъ, несмотря на кажущуюся простоту, видна энергичность выраженія.

Однако все это — скорѣе холодная, разсудочная работа, под- сказанная педагогической практикой. Въ османскомъ обществѣ слава А. Хикмета зиждется на его новеллахъ, собранныхъ въ коллекціи, издававшейся журналомъ „*Servet-i fionunig*“, подъ заглавіемъ «Терны и розы» (*Харистанъ ве толистанъ*).¹⁾

А. Хикметъ — реалистъ; онъ прежде всего изображаетъ дѣйствительность такъ, какъ она есть, безъ прикрасъ. Но усмотрѣнные имъ факты усвоенія отрицательныхъ сторонъ западной культуры вызываютъ нерѣдко въ его живомъ, слегка насмѣшливомъ умѣ желаніе заклеить ихъ въ литературныхъ типахъ. Такой ужъ складъ его ума; вдобавокъ А. Хикметъ вѣруетъ въ силу насмѣшки. Я помню, какъ, говоря объ иконахъ Куропаткина,

¹⁾ Нѣсколько разсказовъ изъ этого сборника, съ биографіей и характеристикой писателя, переведены на нѣмецкій языкъ Фр. Шрадеромъ въ „*Türkische Bibliothek*“, herausgegeben von prof. G. Jacob. Band VII. На русскій языкъ изъ сборника „*Харистанъ ве толистанъ*“, переведено въ *Стамбульскихъ Новостяхъ*: 1) Письмо Наима-бея къ Назиму-эфенди: 1910, № 12 (перепечатано, безъ указанія источника, въ *Голосъ Москвы*, 1911, № 141); 2) Разоренное гнѣздо (1910, № 5—10); 3) Монологъ молодой турецкой дѣвушки (Первыя смотрины) (1909, № 9); 4) Грѣхъ Салихи, (1910 № 3, 14, 15).

онъ замѣтилъ: «а мы глядѣли издали, видѣли, какъ все это смѣшно, и не повторимъ уже вашихъ ошибокъ».

Такъ, въ рассказѣ «Племянникъ» онъ сопоставляетъ старика-дядю съ племянникомъ, только-что вернувшимся изъ Парижа, гдѣ все его воспитаніе сводилось къ шатанію по кабакамъ и кафе-шантанамъ. Авторъ комично изображаетъ раздумья племянника, который въ отчаяніи не знаетъ, какъ же ему жить въ Турціи. Но дядя его—человѣкъ рѣшительный, прямой, и безъ долгихъ разговоровъ посылаетъ его въ свои рудники подъ Гераклеей (на Черномъ морѣ), гдѣ онъ быстро успокаивается, «какъ кислое молоко».

Но не всегда А. Хикметъ смѣется; иногда на него находятъ моменты, когда онъ чувствуетъ свое духовное одиночество, и тогда его образы—символичны.

Только разъ, кажется, изображаетъ онъ въ рассказѣ «Красота и любовь» (*Xüsnetü yışık*) счастье, возможное для человѣка; но это счастье построено у него на чувствѣ состраданія. Поклонникъ женской красоты женится на дѣвушкѣ; но,—о ужасъ!—когда въ брачную ночь дѣвушка снимаетъ съ себя покрывало, онъ видитъ передъ собой женщину, съ лицомъ, изрытымъ оспой. Въ порывѣ раздраженія онъ хочетъ ее прогнать отъ себя; но смиреніе жены подкупаетъ его: она соглашается на разводъ и только проситъ о недѣльной отсрочкѣ. А за этотъ, краткій, промежутокъ времени мужъ такъ успѣваетъ привязаться къ женѣ, что отказывается отъ своего жестокаго намѣренія, и супруги заживаютъ счастливо.

Охотно углубляется А. Хикметъ въ психологию женщины и изображаетъ въ своихъ рассказахъ, окрашенных легкой ироніей, конфликтъ между чувствомъ и,— съ одной стороны,—обычаями старины, съ другой стороны,—новымъ воспитаніемъ, которое кладетъ черты отчужденія между супругами.

Для образца приводимъ, въ сокращеніи, рассказъ, написанный въ формѣ письма женщины своей подругѣ дѣтства, Азрѣ, которая жалуется на своего мужа. Да и правда, они другъ другу не пара: мужъ, воспитанный по-старинному, проситъ жену сыграть что-нибудь, а она знакомитъ его съ европейской музыкой, отъ которой ему зѣбается. Когда онъ спрашиваетъ у нея, неужели она не слышала именъ османскихъ «композиторовъ», жена печально опускаетъ голову. Она изливаетъ свое горе по-

другѣ, ища у нея поддержки; но и той живетъ не хорошо. Послушаемъ однако, что она сама говоритъ о своей жизни ¹⁾:

«Какъ я смѣялась, читая твое письмо! Передъ моими глазами представились шугливыя объясненія красавицы-плутовки Азры, съ кокетливой подвижностью всего ея существа, съ поднимающимися краями бровей, съ заглядываніемъ въ глаза и съ заламываніемъ рукъ. Я много пораздумала, даже очень много.

«Мнѣ, на моемъ пути, встрѣтился Мюэйдъ-бей, инженеръ, получившій образованіе въ Бельгіи; тебѣ—Гіясъ-эд-динъ-бей. Наши отцы поспѣшили бросить насъ имъ въ объятія. А по-моему, мужъ и жена, въ отношеніи другъ къ другу, похожи на двѣ разныя принадлежности одного и того же костюма. Постоянное тщательное наблюденіе матери и отца именно и должно быть обращено на то, соотвѣтствуетъ ли одна принадлежность другой, подходит ли цвѣтъ и покрой, т. е. характеръ и воспитаніе одной стороны къ другой. На это болѣе всего нужно обращать вниманіе.

«Да вообще, будетъ ли что-нибудь противорѣчить внутреннимъ убѣжденіямъ, если мужъ и жена, избирая другъ друга на цѣлую жизнь, потолкуютъ между собой, отложивъ въ сторону всякія церемонности.

«Прости, пусть это будетъ даже эгоизмъ, я все же подробно опишу тебѣ свою жизнь: что за человѣкъ мужъ мой Мюэйдъ.

«Мы обѣ искали себѣ въ мужья человѣка изящнаго, чувствительнаго; ты—такого, который смѣшилъ бы тебя своими шутками и развлекалъ бы тебя; я—такого, который помечталъ бы вмѣстѣ со мной, проронилъ бы со мною слезу надъ увядшимъ цвѣткомъ или надъ умершею птичкой. Между тѣмъ Мюэйдъ, возвращаясь домой въ полночь или даже къ утру, не считаетъ вовсе нужнымъ, будто бы изъ боязни прогнать мой сонъ,—отвѣчать мнѣ на мои вопросы. Въ тѣ дни, когда онъ остается дома, стоить мнѣ только сѣсть за рояль или взяться за цитру, онъ моментально, растянувшись на диванѣ, погружается въ сонъ. Послѣ долгихъ размышленій объ образѣ жизни, онъ раздѣлилъ сутки слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Переводъ этого рассказа сдѣланъ моимъ слушателемъ, А. А. Олесницкимъ.

	часы
сонъ	9
работа	7
развлеченія	6
на домъ	2
Итого	24

Поняла? Изъ цѣлаго дня онъ едва удѣлилъ мнѣ 2 часа; иначе говоря, по его распредѣленію, въ теченіе года мы видимся съ нимъ всего-на-всего одинъ только мѣсяцъ. Ежедневно въ программу этихъ двухъ часовъ входитъ также воспитаніе дѣтей и веденіе домашняго хозяйства.

«Онъ является домой, какъ въ отель, только для того, чтобы поѣсть, попить и поспать. Только въ этихъ трехъ потребностяхъ онъ не можетъ выносить какихъ-либо отступленій и погрѣшностей. Во время моей болѣзни это распредѣленіе часовъ ничуть не нарушается; но стоить только заболѣть ему самому, какъ дѣло сейчасъ же принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ...

«Ты, конечно, знаешь, что я не настолько уже уродлива, чтобы моего присутствія нельзя было переносить; да и зеркало, и окружающіе не скрываютъ отъ меня моей красоты. Почему же мнѣ, при всей моей цѣломудренности, не извлечь пользы, подобно любому мужчине, — изъ своей красоты, воспитанія и образованія? Путемъ такого размышленія я прихожу къ слѣдующему вполне логичному выводу: почему бы я не могла, — я, медленно задыхающаяся подъ гнетомъ цѣпей супружества, которыя отравляютъ мою жизнь, — въ одинъ прекрасный день сказать себѣ: «довольно, наконецъ!» и затѣять полный страсти романъ? Почему бы я не могла обезчестить человѣка, который такъ унижаетъ меня?

«Все мое существо трепещетъ, когда я ожидаю до полуночи мужа, прикурнувъ на углу кровати моихъ дочурокъ. Я могу быть рабой мужа, только бы мнѣ видѣть съ его стороны за это вознагражденіе. Вознагражденіе, котораго я добиваюсь, заключается въ нѣкоторомъ самопожертвованіи съ его стороны по отношенію ко мнѣ. Если же я не увижу этого вознагражденія, то какъ бы не проснулось во мнѣ стремленіе принять свои мѣры для достиженія его! Да, если бы я не получила такого воспи-

танія, то возможно, что я была бы еще болѣе снисходительна, еще болѣе терпѣлива, еще болѣе вынослива. Я бы не чувствовала такого наслажденія оплачивать ему за его пренебреженіе ко мнѣ, и, быть-можетъ, мнѣ совсѣмъ не пришла бы даже на умъ возможность считать это его обхожденіе со мною презрительнымъ. Что мнѣ дѣлать? Въ моей библиотекѣ есть девяносто томовъ романовъ, большинство которыхъ, начавшіеся такъ же, какъ и у меня, оканчивается событіями, похожими на мои замыслы. Человѣкъ одинъ только разъ рождается. Вотъ мысль, которая ужасна!.. У насъ здѣсь живетъ одна умная старая женщина; на-дняхъ она зашла къ намъ и между прочимъ въ разговорѣ сказала: «да, терпѣніе, терпѣніе...», а конечный предѣлъ терпѣнію — могила.

«Словомъ, всякое желаніе моего мужа находить, безъ всякихъ съ моей стороны затрудненій, исполненіе; возможно, что это удобство и стало причиной того, что я нагоняю на него только скуку. Но развѣ я-то съ нимъ не могу соскучиться? А что, если бы я получила образованіе такое же, какъ онъ... Что, если бы я была въ положеніи, прямо противоположномъ теперешнему?

«Единственное развлеченіе моего мужа дома, это — говорить по-французски съ дѣвочками. Въ свободные дни онъ цѣлыми часами старается научить ихъ тонкостямъ французской рѣчи.

«Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я жена Мюзефода. За это время я не видала у него въ рукахъ другой книги, кромѣ земельныхъ плановъ, другой бумаги, кромѣ игральныхъ картъ; не слыхала кромѣ повседневныхъ разговоровъ ни одного слова, которое пробудило бы отвѣтную искру въ моей душѣ и заставило бы замереть на мигъ мое сердце. Мнѣ не пришлось ни разу видѣть, чтобы его искалъ кто-нибудь изъ его друзей, кромѣ любителей азартныхъ игръ. Онъ не считаетъ ничего важнымъ на свѣтѣ. Не считаетъ даже возможнымъ существованіе какихъ-либо событій, кромѣ перечисленныхъ мною дѣлъ. Да и послѣднія онъ совершаетъ всегда въ одно и то же время съ равными промежутками. Его философія, это — жить безсловесно, уподобляясь растенію; или, самое большее: играть въ азартныя игры.

«Я никогда не смогу забыть; это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ: однажды я вскипѣла и, сжавъ кулаки, съ крикомъ набросилась на него: Я задыхаюсь подъ гнетомъ твоего мол-

чанія! Что это будетъ? Примись хоть когда-нибудь за какую-нибудь работу! Скажи что-нибудь такое, отъ чего бы усиленно забилось мое сердце; чтобы я, почувствовавъ циркулированіе твоей крови, поняла бы, что имѣю другомъ мужчину. Ступай, въ крайнемъ случаѣ, полюби какую-нибудь женщину и измѣни мнѣ; взявъ ее подъ руку, пройди мимо моихъ дверей, чтобы я увидѣла это. Пусть хоть немного встряхнется эта наша «глубоко гармоничная», однообразная жизнь. Эта комната подобна кладбищу, тыходишь на могилу, — неужели будетъ вѣчно продолжаться эта мертвая жизнь? Или: подойди ко мнѣ, ударь меня, отгаскай меня за волосы. Слышишь, вотъ я оскорбляю тебя! Понимаешь ты?— Эта бурная вспышка не вызвала въ немъ ни смѣха, ни слѣда раздраженія; онъ пробормоталъ только: «подайте мнѣ пальто; партія, навѣрное, началась уже, товарищи ждутъ меня», и, погруженный въ свои думы, бѣгомъ, подобно заводной куклѣ, выскочилъ вонъ изъ комнаты. Я вся въ слезахъ упала на «миндеръ»¹⁾ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оставалась въ такомъ положеніи.

«Теперь я, сознавая въ себѣ любовь и свое нравственное преимущество, хочу вырвать у моего мужа, путемъ страшной борьбы, чувство уваженія и почтенія ко мнѣ. Пусть онъ попробуетъ меня не уважать, — я заставлю его; я достигну, путемъ (долгихъ) стараній, чтобы стѣило претерпѣвать мученія, послѣ которыхъ еще выше будетъ наслажденіе завѣтнымъ, желаннымъ. Ахъ, жизнь состоитъ изъ тревоженій, борьбы и споровъ! Жить безъ тревоженій... лучше умереть!

«Дружокъ! ты говоришь: «укажи мнѣ путь»; не знаю, сумѣешь ли ты найти путь къ счастью среди этихъ строкъ. Обрати вниманіе только на слѣдующія мои слова: любятъ женщинъ тѣ мужчины, которые раздѣляютъ съ ними свои жизненные невзгоды; тѣ же, которые смотрятъ на женщинъ, какъ на слабое, презрѣнное существо, оказываютъ, правда, имъ почтеніе, но все это почтеніе не что иное, какъ милостыня болѣе слабому существу...

Скучающая по тебѣ, любящая тебя Сельма».

Въ портфелѣ А. Хикмета находится еще драма, въ которой какъ-будто отразилось чтеніе Анатоля Франса. Въ драмѣ дѣйству-

ющими лицами являются Моисей, Христосъ и Мохаммедъ; Сафура (жена Моисея), Марьямъ (такъ называется у мусульманъ Богоматерь) и Хадиджа (первая жена Мохаммеда); философы: Аверроэсъ (Ибнъ-Рошдъ), Декартъ, Спиноза, Шопенгауэръ. Авторъ преслѣдуетъ двойную цѣль: съ одной стороны, — представители женскаго пола жалуются въ драмѣ на свою забитость и отсталость, а съ другой стороны, — А. Хикметъ устами философовъ ополчается противъ основателей религій, посѣявшихъ въ чловѣчествѣ вражду. Между пророками и философами подымается споръ, и въ концѣ-концовъ, чтобы разрѣшить свои сомнѣнія, они подають пространное прошеніе Богу. Однако размѣры прошенія ужасаютъ Бога, и онъ заявляетъ, что ему некогда читать ихъ вздоръ. Въ то время какъ всѣ они въ недоумѣніи, на небѣ появляется огненная надпись: «Любите другъ друга!» Такъ Богъ вкратцѣ излагаетъ свои заповѣди, какъ бы осуждая многословныя мудрованія пророковъ.

Драма А. Хикмета фантастична, но идея ея благородна; драма характерна также указаніями на кругъ чтенія автора.

VIII.

Ушаки-заде Халидъ Зія (родился около 1868 года).

Ушаки-заде Халидъ Зія родился въ Смирнѣ. Воспитываясь въ школѣ мхитаристовъ (ученыхъ армянскихъ монаховъ), онъ рано узналъ французскую литературу. «Онъ думалъ по-французски, — смѣялись надъ нимъ противники; — чтобы изучить османскій языкъ, онъ перечитывалъ переводные романы Ахмеда Мидхата, сравнивая ихъ съ оригиналомъ». Когда ему было еще четырнадцать лѣтъ, въ немъ начинается какая-то неопредѣленная тоска. Онъ чуждается людей и ищетъ успокоенія въ чтеніи. Какъ Халидъ Зія самъ говоритъ въ «Исторіи одного лѣта» (*Birъ язъыъ тарихи*), онъ читалъ А. Дюма, Ламартина и Мюссе, — словомъ, кругъ писателей въ юности былъ у Халида Зія тотъ же, что и у стараго поколѣнія. Впослѣдствіи онъ, очевидно, изучалъ Мопассана, и какъ въ легкости рисунка, такъ и въ композиціи разсказа у Халида Зія сказывается его вліяніе. Въ общемъ, произведенія Халида Зія не оригинальны, и если въ нихъ замѣнить восточныя имена, отъ нихъ ничего не останется. Халидъ Зія

¹⁾ Подушка, на полу, на софѣ и т. д.

вращался въ Смирнѣ въ обществѣ левантинцевъ, и это знакомство отразилось на темахъ его произведеній.

Изъ Смирны Халидъ Зія, редактировавшій уже газету *Хидметъ* (Служеніе), переѣзжаетъ въ Константинополь.

Казалось бы, легкомысліе левантинскаго общества должно было заглушить въ Халидѣ Зіѣ тоску. Однако стоны людскаго горя долетаютъ иногда и до него; въ его умѣ встаетъ неотвязный вопросъ: зачѣмъ? Въ стихотвореніи въ прозѣ «Жизнь» (*Хаятъ*) Халидъ Зія такъ разсуждаетъ о страданіяхъ бѣдняка:

«Вставать до зари и возвращаться домой уже по заходѣ солнца, трудиться, мучиться, надрывать свои силы, — и для чего? Ради какого-то куска хлѣба!

«Стоять на холоду, мокнуть подъ дождемъ, спать на голой землѣ, дрожать и мерзнуть. Для чего? Ради покоя другихъ!..

«Проводить жизнь подъ землей, вдыхать отравленный воздухъ, жить въ сырости, не видѣть солнца; будучи человѣкомъ, пресмыкаться подобно змѣѣ, нажать себѣ чахотку. Для чего? Чтобы не умереть!»

Рисуя безъ прикрасъ жизнь рабочаго въ рудникахъ, Халидъ Зія какъ-будто смущается, что обѣщаетъ вѣчность матеріи тому, кто уже на землѣ, отъ колыбели до могилы мучаясь, извѣрился въ счастье¹⁾.

Есть у Халида Зіи (можетъ-быть, сантиментальная) новелла «Повозка Алія», въ сборникѣ «Этюды» (*Ключокъ фикраларъ*), вып. 3, гдѣ онъ рассказываетъ исторію деревенскаго парня, Алія. На мигъ игривость покидаетъ Халида Зію и онъ, видимо, глубоко печалится о своемъ героѣ.

Въ деревню возвращается съ военной службы Алій; радости матери нѣтъ конца; она смотритъ на своего Алія и, слушая его, безпрестанно повторяетъ одно и то же слово: «ну, дальше!» Однако запасъ разсказовъ Алія истощается; «въ теченіе пяти часовъ онъ успѣлъ уже разсказать матери, что пережилъ за пять лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ нея»; теперь у него на устахъ тоже вертится вопросъ, только онъ стыдится называть передъ нею имя невѣсты. Но мать угадываетъ его мысли, и загорѣлый усатый Алій снова ей кажется безпомощнымъ младен-

цемъ; «протянувъ обѣ руки, мать привлекла къ себѣ голову сына, котораго ей такъ хотѣлось поцѣловать съ самаго утра». Оказывается, Эмине, невѣста Алія, согласно уговору съ женихомъ, живетъ все въ Константинополѣ. И внезапно у Алія назрѣваетъ рѣшеніе, — идти въ Константинополь и скопить денегъ на повозку и лошадь, чтобы потомъ, когда онъ женится на Эмине, не чувствовать себя обязаннымъ ей. Мать съ грустью отпускаетъ сына и говоритъ, что по вечерамъ она будетъ у дороги поджидать его возвращенія. Въ пути онъ, вѣроятно, простудился и послѣ свиданія въ Константинополѣ съ Эмине заболѣваетъ. Эмине ухаживаетъ за нимъ, какъ можетъ, тратитъ на лѣченіе свои сбереженія. Все — напрасно. Тогда Алій идетъ въ больницу и отъ правильнаго лѣченія поправляется настолько, что можетъ уже ѣхать съ Эмине въ деревню. Во время переѣзда моремъ, онъ стоитъ часами подъ холоднымъ вѣтромъ (чего, конечно, невѣста не знаетъ, такъ какъ сидитъ въ женскомъ отдѣленіи), и когда они сходятъ на берегъ, силы его покидаютъ. Они останавливаются на постояломъ дворѣ, чтобы подождать знакомаго мужика изъ деревни, который долженъ пріѣхать на базаръ черезъ нѣсколько дней. Томительно течетъ время. Но вотъ Алій — въ повозкѣ своего знакомаго, и мысль, что онъ черезъ день будетъ у себя въ деревнѣ и увидитъ свою мать, оживляетъ его. Только не надолго. На другой день, распрощавшись съ Эмине, онъ тихо угасаетъ. А у дороги, при вѣздѣ въ деревню, все сидитъ старушка-мать и поджидаетъ своего сына въ повозкѣ. Ей осторожно сообщаютъ печальную вѣсть; но она съ дикимъ смѣхомъ кричитъ, что это — ложь, и каждый вечеръ послѣ того она все выходитъ на дорогу и думаетъ, что вотъ-вотъ покажется повозка съ занавѣсью, въ которой на мягкомъ «миндерѣ» сидитъ ея Алій.

Таково содержаніе одного изъ разсказовъ Халида Зіи, появившихся сначала въ газетѣ «Индамъ». Тема какъ-будто говорить о народничествѣ Халида Зіи; только въ разсказѣ мелькаетъ необоснованность и неестественность¹⁾.

Печать наперерывъ зазывала къ себѣ въ сотрудники Ха-

¹⁾ Изъ крупныхъ произведеній Халида Зіи упоминаемъ романы: *Мави се сіяхъ* (изъ жизни журналистовъ), *Ычки мелму* (Запретная любовь), *Несми ахиръ* (Послѣднее поколѣніе).

¹⁾ Paul Horn, op. c., стр. 44.

лида Зію, произведенія котораго жадно читались обществом¹⁾. Такъ, газета «Идамъ», напр., платила ему неслыханный въ Турціи гонораръ,— по одной лирѣ (8½ рублей) за фельетонъ. Одно время, впрочемъ, среди османскаго общества раздавались нападки на Халида Зію за его подражательность и заимствованія. Однако были у него и поклонники; такъ, Тевфикъ Фикретъ взялъ его подъ свою защиту и далъ,— на мой взглядъ, правда преувеличенную,— оцѣнку его произведеній.

И это не единичное мнѣніе. Молодежь, которая любитъ въ Турціи приклеивать иностранные ярлыки, идетъ еще дальше: такъ, Иззетъ Мелихъ въ критической замѣткѣ о Халидѣ Зіѣ сравниваетъ его по широтѣ ума съ Гонкурами, по тонкости чувства и поэтичности образовъ — съ Доде, по выдержанности обстановки — съ Мопассаномъ.

Въ сущности, заслуги Халида Зіи въ области литературы сводятся къ тому, что въ его произведеніяхъ османская проза приобрѣла большую легкость, приблизившись къ строю европейской рѣчи. Это, можетъ-быть,— измѣна родному языку, но съ точки зрѣнія культурно-исторической, стилистическія измѣненія — естественное послѣдствіе западнаго вліянія. Какъ стилистъ, Халидъ Зіа заслужилъ славу, и когда на престолъ вступилъ султанъ Мехмедъ V, онъ былъ выбранъ младотурками въ дворцовые секретари²⁾.

IX.

Хюсейнъ Джахидъ.

Удушливая реакціонная атмосфера, наступившая въ послѣдніе годы царствованія султана Абдуль-Хаида II, подавляла въ писателей всякую охоту и вкусъ къ жизни; только въ грезахъ

¹⁾ На русскій языкъ въ *Стамбульскихъ Новостяхъ* переведены рассказы: 1) За вѣромъ (1910, №№ 1, 14 — 16), 2) Свадебная ночь (1910, №№ 2, 10 — 15), 3) Лѣтомъ (1910, №№ 11, 14, 17 — 19); въ „Турецкомъ сборникѣ“. СПб. 1909 А. Исхаковъ перевелъ стихотвореніе въ прозѣ „Помнишь ли ты?“

²⁾ П. Горнъ передаетъ содержаніе его романовъ: „Дневникъ покойнаго“ (*Birer emonun defteri*), Безталанная (*Humide*), „Ферди и Ко“ (*Ferdi ve korekasi*).— Въ „Anthologie de l'amour turc“, стр. 197—218, переведена новелла изъ „Этюдовъ“: „Брачная ночь“ (по-османски: „Дююнъ эвиде“).

о жизни находили они отдохновеніе отъ ужасовъ лихолѣтя. Ни у кого изъ новѣйшихъ писателей не было, однако, такой безотчетной тоски — въ идеяхъ, такой страстности — въ тонѣ, какъ у Хюсейна Джахида, который и сборникъ своихъ рассказовъ назвалъ «Воображаемая жизнь» (*Hayalti muhayyeli*). Онъ мечтаетъ о «коммунѣ», гдѣ всѣ члены одинаково трудятся и въ трудовой жизни забыли горести.

Когда онъ спускается на землю, онъ опять анализируетъ внутреннія переживанія и настроенія забытыхъ людей. Естественно, что прежде всего онъ раздумываетъ надъ тяжелой долей женщины.

Такъ, въ рассказѣ «Сваха»¹⁾ (*Geryodju*) онъ описываетъ муки дѣвушки, которую пытливо осматриваетъ старая женщина, чтобы опредѣлить, насколько она подходитъ для жениха.

Таковъ былъ Хюсейнъ Джахидъ десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ печатался въ журналѣ *Serveti fionun*. Но конституція встряхнула его, и Хюсейнъ Джахидъ, мыслившій иногда символами, разомъ встрепенулся и сталъ реалистомъ. Онъ основалъ, вмѣстѣ съ Тевфигомъ Фикретомъ, младотурецкую газету «Танимъ» и пишетъ публицистическія статьи, въ которыхъ, какъ эхо, откликается на всѣ вопросы, политическіе и общественные, волнующіе османское общество. Быть-можетъ, даже Х. Джахидъ говоритъ противъ своей совѣсти, публикуя статьи о необходимости сохраненія халифата въ рукахъ османскихъ султановъ.²⁾ Но это—другой вопросъ. Важно, что онъ стремится утвердить въ народѣ свободу, залогъ національнаго счастья.

Къ голосу Х. Джахида прислушивается страна, а было время, и недавно, когда газета *Идамъ* пронизировала надъ недоучившимся студентомъ, взявшимся въ «*Serveti fionun*» судить о корифеяхъ османской литературы (Муаллимъ Наджи). Во всякомъ случаѣ, литературныя статьи Х. Джахида, собранныя въ книгѣ *Гаваларымъ* (Мои пререканія), написаны съ большимъ темпераментомъ.

¹⁾ Переведено въ *Стамбульскихъ Новостяхъ*, 1910, №№ 20—22. Тамъ же былъ помѣщенъ рассказъ „Деревенская свадьба“ (1909, № 10). Въ „Турецкомъ сборникѣ“ былъ напечатанъ еще (слабый) рассказъ „Калѣка“.

²⁾ Французскій переводъ этой статьи, вызвавшей большое оживленіе въ печати, напечатанъ въ *Revue du Monde Musulman*, 1909, № 9, стр. 106, сл.

X.

Мехмедъ Реуфъ (родился въ 1873 году).

Мехмедъ Реуфъ, уроженецъ Константинополя, получилъ образованіе въ морской школѣ въ Портсмутѣ. Вѣроятно, пропасть, лежащая между Англіей и Турціей, внушила ему, по возвращеніи на родину, ужасъ къ абдуль-хамидской обстановкѣ. И, чтобы заглушить въ себѣ это чувство, онъ сталъ нимфоманомъ. Можетъ-быть, разочарованность объясняется въ немъ влияніемъ литературы (чтеніемъ Байрона), и онъ, рисуясь собой, только надѣлалъ «плащъ Чайльдъ-Гарольда».

Однако разочарованность М. Реуфа, такъ-сказать, вульгарнѣе. Въ немъ живетъ неудержимая страсть къ женщинѣ, — и въ погонѣ за «яшмакомъ» (вуалью) онъ впадаетъ въ какое-то бѣшенство, растравляя воображеніе мыслями о прелестяхъ той, чье лицо отъ него скрыто подъ таинственной вуалью. Такъ, въ погонѣ за счастьемъ, убѣгающимъ отъ него, проходитъ жизнь.

«Если нѣтъ женщины, на что мнѣ волны, море, зачѣмъ эта жизнь», — восклицаетъ онъ въ одномъ стихотвореніи. И въ минуты отчаянія онъ плачетъ надъ своимъ сердцемъ, «разбитой лютней»; онъ боготворитъ смерть, какъ избавительницу отъ мученій.

Въ творчествѣ М. Реуфа выпукло выступаетъ контрастъ между мрачной дѣйствительностью и титаничной силой чувства. Въ жизни нѣтъ приложенія силамъ, и онъ ищетъ выхода въ вакханаліи.

Говорятъ, впрочемъ, что увлеченія его — мозговья; въ дѣйствительности, женская душа для него — дверь за семью печатями.

Вотъ для образца рассказъ М. Реуфа изъ сборника «Черныя жемчужины» (*Сіякъ инджилеръ*)¹⁾.

Послѣднее письмо.

«Вотъ уже третій разъ встрѣчаю я снова тебя. Ты такъ странно ведешь себя; лицо у тебя какъ бы застыло, но въ немъ столько

¹⁾ Ему принадлежить также романъ *Эйюль*, сборникъ новеллъ *Истмизаръ*, и др.

вѣроломства, что я наконецъ начинаю понимать. Конечно, ты выходишь на прогулку со своею матерью потому, что у тебя есть оскорбительная цѣль. Ты какъ-будто говоришь: развѣ я могу улыбаться тебѣ, пока она торчитъ около меня? А вѣдь было время, когда стоило тебѣ захотѣть, какія хитрости, какія уловки изобрѣтала ты, чтобы только не брать ее къ себѣ въ коляску! Объ этомъ говорятъ твои письма...

«Да, Вы просите вернуть Вамъ письма. Значитъ, дѣйствительно, между нами все кончено. Когда та женщина явилась ко мнѣ и стала требовать отъ меня Ваши письма, я сперва не повѣрилъ; мнѣ казалось это бессмыслицей. Могъ ли я сразу повѣрить, когда передъ моимъ духовнымъ взоромъ носилась еще атмосфера пылкой страсти, въ которой сквозила такая сильная привязанность ко мнѣ? Но Вы увѣряете, что Вашъ мужъ провѣдалъ о нашей связи, или можетъ скоро провѣдать... Я никогда не думалъ, что эта любовь такъ кончится. Я мечталъ, что одна смерть разлучитъ меня съ Вами. Но я никогда не ожидалъ, что въ теченіе какой-нибудь недѣли Вы не только отвернетесь отъ меня, но даже писемъ своихъ не оставите въ моихъ рукахъ.

«Такъ вотъ что это означало. Три раза, — съ того дня я видѣлъ Васъ три раза, и всякій разъ Вы проѣзжали мимо меня въ коляскѣ, какъ чужая, посторонняя женщина; Вы проѣзжали съ безпечнымъ видомъ, какъ почтенная дама, для которой такъ естественно не обращать вниманія на какого-то мальчишку, попавшаго ей на глаза. Стало-быть, все кончено. Безвозвратно; совсѣмъ, совсѣмъ. Да? Навѣки, навѣки? Какъ человекъ, оглушенный ударомъ по головѣ, я бессмысленно, безсвязно повторяю это слово. Но знаете ли Вы, что я не могу жить безъ Васъ? Знаете ли Вы, что для меня быть безъ Васъ все равно, что умереть? Вы были для меня все. Ты была для меня все. Когда я сейчасъ снова говорю тебѣ «ты», я представляю себѣ, что я нахожусь рядомъ съ тобой, въ твоей комнатѣ, — въ этомъ раю, куда я былъ впущенъ только два раза. Но теперь все уже кончено, все, все! Не такъ ли? И Вы думаете, что послѣ этого я еще могу жить?»

«Ахъ, какой я смѣшной! Ну, не дуракъ ли я? Какое Вамъ до всего этого дѣло? Не такъ ли? Вы тѣшились; въ это зазорное время Вамъ хотѣлось поиграть. Вы выбрали безобиднаго мальчика, который долженъ былъ Васъ забавлять. Онъ немного сумасброденъ, очень горячъ; но изъ страха потерять Васъ, во всемъ

будетъ Васъ слушаться; онъ будетъ ослѣпленъ Вашими чарующими прелестями; когда только Вамъ вздумается, онъ будетъ Васъ развлекать. Такъ, игрушка. Но въ одинъ прекрасный день Вы увидали, что шутка заходить уже слишкомъ далеко. Сперва Вамъ казалось, что въ немъ охладѣваетъ страсть; а вмѣсто того, Вы наткнулись на огнедышущій вулканъ. Вы нашли, что я такъ неистово, такъ пылко выражаю Вамъ свою любовь, что по мѣрѣ сближенія Вы сами подвергаетесь риску запылать страстью. Тогда Вы захотѣли однимъ ударомъ устранить эту опасность. Но, конечно, что Вамъ за дѣло, если отъ этого удара можетъ умереть человѣкъ! Правда? Вамъ нужна забава, безопасная, безвредная; Вамъ нужна новая игрушка... Ну, а я-то? Что станется съ моимъ сердцемъ, съ моей разбитой жизнью? Развѣ я не буду ее защищать? Развѣ я не закричу: Вы поступили дурно; я умру, не губите меня! Вы хотите отвязаться отъ меня, какъ Клеопатра. Да развѣ я, чтобы спасти свою жизнь, не обовьюсь вокругъ Васъ? Развѣ я не буду отбиваться? Развѣ утопающій, чтобы выкарабкаться изъ воды, не хватается за соломинку? Если бы Вы были змѣею, я и то не выпустилъ бы Васъ изъ своихъ рукъ.

«Я еще разъ повторяю: безъ тебя я схожу съ ума. Тысячею обѣщаній, ласками ты заставила меня полюбить эту жизнь. Отъ тебя я узналъ, что такое счастье. Что же я буду теперь дѣлать безъ тебя? Если бы ты знала, въ какомъ отчаяннн, въ какой тоскѣ находился я до встрѣчи съ тобою! Если бы ты знала, какъ изнывалъ я всю жизнь подъ гнетомъ безысходнаго мрака! Одинокій, я влачилъ свои дни, какъ жалкій бродяга. Всему на свѣтѣ я былъ чуждъ; мнѣ все опротивѣло...»¹⁾

Весь занятый мыслью о женщинѣ, М. Реуфъ уже не думаетъ о слогѣ; стиль его произведеній неряшливъ; попадаютъ грубыя ошибки. Неприятно чрезмѣрное обиліе союза «*ve*» (и).

XI.

Запрещеніе литературы; положеніе печати.

Недолго однако продолжалась дружная, совмѣстная работа писателей подъ руководствомъ Т. Фикрета, собиравшаго сотрудни-

¹⁾ На русскомъ языкѣ въ *Стамбульскихъ Новостяхъ*, 1910, № 15 напечатанъ разсказъ „Подъ зонтикомъ“.

ковъ въ редакціи *Servéti fionunъ* для литературныхъ бесѣдъ. Съ годами подозрительность султана Абдуль-Хамида II усиливалась все болѣе и болѣе. Когда одинъ изъ его адъютантовъ завелъ интригу съ дочерью его, бывшей замужемъ за сыномъ Гази Османа-паши (плевненскаго героя), гнѣвъ султана со всей силою обрушился на литературу, такъ какъ въ ней онъ усмотрѣлъ главную причину развращенности нравовъ. И немедленно былъ изданъ указъ, воспрещавшій, прежде всего, печатаніе гдѣ бы то ни было оригинальныхъ романовъ и стиховъ.

Регламентировка печати настолько любопытна, что я извлекаю изъ нея нѣсколько характерныхъ пунктовъ:

1) газетамъ предлагалось давать преимущественно свѣдѣнія о драгоцѣнномъ здравіи султана, состояннн урожаяевъ, и т. д., 2) не помѣщать фельетоновъ безъ предварительнаго одобренія министра народнаго просвѣщенія, «хранителя добрыхъ нравовъ», 3) избѣгать словъ «продолженіе слѣдуетъ», чтобы не возбуждать въ читателяхъ любопытства, 4) избѣгать пустыхъ мѣстъ или многоточій, которыя могли бы «нарушить спокойствіе ума», 5) если бы даже были явныя доказательства, что губернскіе чиновники виновны въ лихоимствѣ, подкупахъ и т. д.,—опровергать факты или же просто-на-просто скрывать истину. Словомъ, вырисовывается знакомая картина восточнаго административнаго произвола.

Эта гроза навалилась на литературу въ 1903 году. Такъ, литературное движеніе, правда, подражательное, которое, несмотря на то, что развивалось подъ желѣзнымъ гнетомъ всякихъ стѣсненій, обѣщало вскорѣ пышно расцвѣсть,—заглохло. Одинъ за другимъ прекращались журналы, для которыхъ борьба была непосильна. Уцѣлѣли наиболѣе старыя газеты, но онѣ могли существовать только потому, что получали изъ дворца денежную субсидію. Но какъ онѣ измѣнились за короткое время! Прежде онѣ откровенно высказывались обо всемъ; теперь это были заведенныя машины, выдѣлывавшія опредѣленныя движенія; это были куклы, которыя стоило дернуть за веревочку, и онѣ принимали требуемое положеніе. Три османскихъ газеты были сохранены: „*Индаль*“ „*Сабахъ*“ и „*Терджимани хакикатъ*“, и такъ какъ всѣ три покорно печатали официальные распоряженія и назначенія, правительство рѣшило, что ему не для чего уже издавать свою официальную газету «*Таквими векаи*», основанную еще султаномъ Махмудомъ II. О томъ, какія мытарства

пришлось испытать печати въ теченіе злосчастнаго пятилѣтія (1903—1908), распространяться не приходится: факты были зарегистрированы общей европейской печатью и цитуются, напр., въ общедоступной книгѣ Л. Саломона «Allgemeine Geschichte des Zeitungswesens». Все, что такъ или иначе могло затрагивать султана, все, что могло «колебать основы государства», — строжайше было изъято со столбцовъ печати. Такъ, читатель долженъ былъ вѣрить во внезапную смерть сербскаго короля Александра и королевы Драги; такъ же внезапно всегда умирали: президентъ Карно, русскій министръ Плеве, и др. Когда началась русско-японская ройна, османское правительство, преисполненное страхомъ передъ своимъ сосѣдомъ, тщательно слѣдило первое время, чтобы въ печать не проникали извѣстія, въ которыхъ русское посольство въ Константинополѣ могло бы усмотрѣть для себя оскорбленіе. Такъ какъ султанъ вступилъ на престолъ въ августѣ мѣсяцѣ, то запрещалось слово «кобылка», потому что османское названіе, («августовское насѣкомое») (*agostose bédjese*), могло быть принято за намекъ на султана. Усердные слуги султана въ своемъ рвеніи пошли дальше: изъ словарей были вычеркнуты такія арабскія слова, какъ «*хамі*» (сверженіе съ престола), «*хамидъ*» (осель); слово «*решадъ*» (имя наслѣдника, теперь султана Мехмеда Решада) было выброшено изъ формулы оправдательнаго приговора, и т. д.

Шутки цензуры начались, впрочемъ, уже во время греко-турецкой войны. Такъ, когда одна газета выразила желаніе послать на театръ военныхъ дѣйствій своего корреспондента, правительство соглашалось, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы корреспондентъ телеграфировалъ только о побѣдахъ султанскихъ войскъ.

При такихъ условіяхъ никакая работа не спорилась. Но цензоры нисколько этимъ не смущались; они только и знали, что черкали, и задерживали печатаніе книгъ, такъ какъ были увѣрены въ безнаказанности своихъ дѣйствій.

Газеты, на страницахъ которыхъ нѣкогда подымались литературно-научные споры, обратились въ «правительственные вѣстники»; литература, общественная жизнь, судебная хроника, — словомъ, все было для нихъ забронировано, и онѣ влачили жалкую судьбу, перепечатывая обзорѣніе политической жизни иностранныхъ государствъ изъ западно-европейскихъ газетъ, преимуще-

ственно изъ вѣнской газеты «*Neue Freie Presse*». Только субботній номеръ, заключавшій въ себѣ описаніе селямлика султана, открывался редакціонной статьёй, гдѣ снова блистала позабытая уже османцами восточно-азиатская трескучая пышность выражений.

XII.

Заключеніе.

11-го іюля 1908 года конституція въ Турціи была восстановлена. Когда вечеромъ, по обыкновенію, въ редакціи газетъ явились цензоры, они были прогнаны. Печать была опять свободна. И всякій наскоро стряпальъ рассказъ или драму, чтобы заклеить эпоху реакціи, но политика заполонила все; въ художественномъ отношеніи всѣ эти, появившіяся за первый годъ конституціоннаго режима, произведенія — жалкая макулатура. Вспоминая подъемъ, господствовавшій въ литературѣ лѣтъ 10 — 12 тому назадъ, газета «*Идамъ*» съ грустью констатировала ничтожество литературы. И правда, куда дѣвалась молодая плеяда писателей? Одни изъ нихъ, наиболѣе вліятельные, были куплены султаномъ, и на теплыхъ мѣстечкахъ забыли скоро объ увлеченіяхъ юности; другіе, приспособляясь къ моменту, погубили свой талантъ или размѣняли его на мелочи.

Султанъ Абдуль-Хамидъ II на-время добился своего; только жизнь сильнѣе его: старыя деревья вянутъ, но они пустили уже молодые побѣги, въ которыхъ скрыта будущность націи.

Приложеніе.

Литературный кружокъ «Грядущая заря»; движеніе въ литературѣ.

Едва минуло со времени возстановленія конституціи два года, какъ въ литературѣ заперстрѣли уже новыя имена, и, — впрочемъ, это обыкновенно бываетъ въ Турціи, — молодежь, обрадованная молчаніемъ стариковъ, возмнила о себѣ и рѣзко ополчилась противъ своихъ учителей. Образовалось какъ бы два литературныхъ лагеря: «сегодняшніе» (*буюнжилеръ*), «властители думъ общества», и «вчерашніе» (*дюнжилеръ*), «отжившіе свой вѣкъ». «Сегодняшніе» основали литературный кружокъ «Грядущая Заря» (*Феджерити*), который долженъ былъ быть вершителемъ литературныхъ судебъ въ Турціи; но между членами начались препирательства, и мѣсяцевъ черезъ семь собранія кружка, происходившія у А. Ихсана, издателя журнала *Серветти флюнунъ*, прекратились; кружокъ недавно развѣнчанъ былъ журналомъ *Ребабъ*, который предъявилъ притязанія, тоже беспочвенныя, на вниманіе къ своимъ сотрудникамъ. Впрочемъ, какъ первая попытка сплотиться воедино, исторія кружка представляетъ значеніе. Самая идея зародилась у поэта Фаика Алиа, приверженца младотурокъ, воспѣваемаго «отца османской конституціи», Мидхата-пашу. Въ составъ кружка входило до 20 человекъ: 1) Хамдулла Субхи, сотрудникъ *Серветти флюнунъ*, поэтъ гражданской скорби; 2) А. Хашимъ, подражатель Роденбаха; сторонникъ опрощенія османскаго языка; 3) Рефикъ Халидъ, новеллистъ, который беретъ темы изъ жизни рабочихъ, выступая врагомъ капитализма; онъ писалъ между прочимъ о духоборахъ; 4) Якубъ Кадри, рассказы котораго проникнуты пессимизмомъ (возможно, что это — наследственная черта: отецъ писателя кончилъ сумасшествіемъ); 5) Кёпрюлю-заде М. Тевфикъ, критикъ *Серветти флюнунъ*;

6) Эминъ Бюлендъ, поэтъ, опубликовавшій, между прочимъ, въ *Серветти флюнунъ* стихотвореніе «Ненависть» (*Кимъ*), посвященное критскимъ мусульманамъ. Отъ стихотворенія вѣетъ духомъ непримиримой злобы и ненависти къ Европѣ: «Я не простилъ тебѣ, западный тиранъ, — кричитъ поэтъ, — я — турокъ, и твой врагъ; я буду ненавидѣть тебя, если даже останусь одинъ. Я населю пустыню своего сердца ненавистью, и съ этимъ оружіемъ въ рукахъ буду выжидать момента... О, славные предки, спите спокойно въ своихъ могилахъ: единственный девизъ вашихъ дѣтей, это — мѣсть!»; 7) Нейиръ-бей (псевдонимъ: Невинъ), поэтъ (обличалъ въ стихахъ политику французовъ въ Марокко; 8) Иззетъ Мелихъ, новеллистъ; охотно пишетъ по-французски театральныя рецензіи въ константинопольскихъ газетахъ; пьеса его «*Лейла*» была поставлена въ Парижѣ. Во время экскурсіи во Францію читалъ въ Парижѣ лекціи объ османской дѣвушкѣ и о театрѣ въ Турціи; 9) Мурадъ Ратибъ, критикъ и драматургъ; 10) Джелиль Сахиръ, президентъ кружка, поэтъ-эротоманъ (сборники: *Бенъзъ йилелеръ*, *Сяхъ*, и др.); 11) Тахсинъ Нахидъ, поэтъ, авторъ сборника «Беззаботная душа» (*Рухи бикайдъ*), представитель равнодушія, пожалуй, даже цинизма; 12) Джемиль Сюлейманъ (докторъ), авторъ новелль «*Тимсали чинкъ*» и романа *Сяхъ йезлеръ*; 13) Шехабъ-эд-динъ Сюлейманъ, представитель богемы, врагъ предрасудковъ. Онъ написалъ двухактную драму *Фуртунъ* («Буря»), въ которой Маджидъ, «османскій Гамлетъ», страстно стремившійся въ Парижъ, послѣ мучительной борьбы, сдается на увѣщанія стариковъ и отказывается отъ поѣздки за границу. Позже онъ занялся публицистикой и историко-литературными работами: написалъ (правда, небрежно) исторію османской литературы; 14) Фазылъ Ахмедъ, авторъ педагогическихъ и публицистическихъ сочиненій; 15) Хайръ-эд-динъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ; написалъ нѣсколько томовъ историческихъ и дипломатическихъ очерковъ. 16) Сюлейманъ Фехми, профессоръ османской литературы въ лицей Галатасерай; 17) А. Самимъ, публицистъ-либераль, убитый политическими противниками. Онъ интересовался русской литературой и хотѣлъ написать трактатъ, чтобы доказать превосходство Достоевскаго надъ Толстымъ, и др.

Опечаленный быстрымъ, головокружительнымъ банкротствомъ литературнаго кружка «Грядущая заря», Мехмедъ Реуфъ

доказываетъ въ *Сервети фюнунъ*, что это проистекаетъ отъ аномальныхъ условій общественной жизни въ Турціи, гдѣ литература—развлеченіе для какого-нибудь десятка лицъ; равнодушіе общества, разбитыя надежды, — все разъядаетъ и подтачиваетъ ихъ душу, и въ тридцать лѣтъ они дряхлѣютъ, и гаснетъ свѣтъ жизни.

Пожалуй, М. Реуфъ, представитель «вчерашнихъ», невольно вноситъ въ свое сужденіе о «сегодняшнихъ» горечь обиды, и потому отрицаетъ въ нихъ проблески дарованія. За короткій промежутокъ времени члены кружка все же что-то создали. Если бы М. Реуфъ, какъ литературный критикъ, внимательно оглядѣлся вокругъ себя,—онъ различилъ бы, въ сонмѣ бездарностей, писателей, произведенія которыхъ, и по своимъ сюжетамъ, и по отдѣлкѣ слога, говорятъ о движеніи въ литературѣ: это—А. Хазимъ, авторъ романа изъ крестьянской жизни *Кючюкъ паша* («Маленькій паша»); Халиде Салихъ, написавшая романъ *Севіе Талибъ*, въ которомъ рассказана исторія османской дѣвушки, борющейся за право любви¹⁾; Мехмедъ Акифъ, поэтъ, затрагивающій социальныя темы (сборникъ *Сафахатъ*), и др.

Османская имперія переживаетъ болѣзненный, мучительный кризисъ, затянувшійся отъ международныхъ осложненій, и это отражается на настроеніи общества, создаетъ неуверенность и разочарованность въ могуществовѣ идей, которыя должны были, думали младотурки, со сказочной быстротой насадить въ странѣ вѣкового безправія счастье. Это нервируетъ остро-впечатлительнаго османца, для котораго малѣйшая неудача или задержка какъ бы вѣщаетъ уже полное крушеніе идеаловъ.

¹⁾ Она выпустила также сборникъ рассказовъ „Разрушенная капища“ (*Харабъ мабедлеръ*).

Указатель именъ османскихъ писателей.

Абдулла Тевфикъ — 59.	Кадри (Якубъ) — 144.
Абу-з-зія Тевфикъ — 5, 13, 17, 37,—46, 51.	Касабъ (Тодоръ) — 35, 36.
Агяхъ — 6, 74.	Кемаль (Алій) — 59, 69, 94.
Акифъ (паша) — 6.	Кемаль (Намыкъ) — 13—27, 38, 41, 43, 45, 51, 84, 117.
Акифъ (Мехмедъ) — 146.	Кязимъ (Муса) — 72.
Алій (Хюсейнъ - заде) — 67.	Кямилъ (Наманъ) — 87—88.
Аліе (Фатима) — 86—87.	Ламинъ (Эминъ) — 73.
Ахмедъ (Фазылъ) — 145.	Ляали — 90—91.
Баязитовъ — 84.	Мелихъ (Иззетъ) — 74, 145.
Биргевп — 82.	Мехмедъ (ага) — 74.
Бюлендъ (Эминъ) — 145.	Мидхатъ (Ахмедъ) — 23, 41, 42, 46—51, 62, 63, 71, 72, 98, 133.
Васфи — 62.	Мурадъ — 71—72.
Веледъ - челеби — 61, 115.	Мюнифъ — 28—29.
Веджихи — 102.	Наджи (Муаллимъ) — 62—64, 137.
Вефикъ (паша) — 28—29, 91.	Надиръ (Алій) — 124.
Визенталь — 71.	Назимъ (Наби-заде) — 101—102.
Джахидъ (Хюсейнъ) — 93, 119, 123, 136—137.	Назифъ (Сюлейманъ) — 93.
Джевдетъ (Абдулла) — 67.	Пахидъ (Тахсинъ) — 59, 145.
Джевдетъ (Ахмедъ) — 67, 84.	Пейпръ — 145.
Джевдетъ (паша) — 91.	Нефъи — 26.
Зекки — 85—86.	Нигяръ - бинтъ - Османъ — 117.
Зія (паша) — 53, 68.	Нури — 66.
Зюхди (Абдулла) — 73, 117.	Нури (Джелаль) — 74.
Зюхди (Мехмедъ) — 72.	Нусретъ (Алій) — 122.
Ибрагимъ (Хаджи) — 92.	Нюзхетъ — 66—67.
Ихсашъ (Ахмедъ) — 73, 118, 144.	Нюзхетъ (Риза) — 113.
	Расимъ (Ахмедъ) — 66, 100.
	Ратибъ (Мурадъ) — 145.

Указатель османских периодических изданий.

Рахми (Хюсейнъ) — 75—80, 123.
Рахми О. — 108.
Реуфъ (Мехмедъ) — 115, 138 —
140, 145 — 146.
Решадъ (Файкъ) — 115.
Решидъ (Мустафа) — 117.
Саидъ (паша) — 8.
Саидъ (Ластикли) — 102—103
Сами (Шемсъ-эд-динъ) — 57 — 61,
103, 112.
Самимъ, А. — 145.
Сафвети (Зія) — 114.
Сафветъ (Незихи) — 114.
Сахиръ (Джеляль) — 145.
Сезан (Сами-паша-заде) — 116—117.
Сиретъ Х. — 124.
Суави (Алії) — 33, 40, 97.
Субхи (Хамдулла) — 144.
Сюадъ (Хюсейнъ) — 123—124.
Сюлейманъ (Джемилъ) — 145.
Сюлейманъ (Шехабъ-эд-динъ) — 145.
Тахиръ (Мехмедъ) — 93, 110.
Тевфикъ (Кёпрюлю-заде) — 144.
Тевфикъ (Мехмедъ) — 96—99.
Тевфикъ (Риза) — 108—112.
Файкъ (Алії) — 124, 144.
Фахр-ун-ниса — 95.
Фехми (Сюлейманъ) — 145.
Фикретъ (Тевфикъ) — 57, 116, 119—
122, 136, 137, 140.

Филиппъ — 32, 33, 97, 102.
Фуадъ (паша) — 9, 28, 91.
Хазимъ, А. — 146.
Хайр-улла — 28, 52.
Хайръ-эд-динъ — 145.
Хаккы (Исмаилъ) — 71, 116.
Халиде (Салихъ) — 20, 146.
Халидъ Зія (Ушаки-заде) — 67, 115,
118, 133—136.
Халидъ (Рефикъ) — 144.
Хамидъ (Абдуль-Хаккъ) — 51 — 54,
116, 119.
Хашимъ А. — 144.
Хикметъ (Ахмедъ) — 67, 114, 125—
133.
Хильми (Мехмедъ) — 68, 96, 99.
Шевки — 30.
Шехабъ-эд-динъ (Дженабъ) — 116,
119, 122, 123.
Шинаси — 4 — 14, 51, 74.
Шуайбъ, А. — 119.
Эвлия-челеби — 95.
Экремъ (Алії) — см. Падиръ, А.
Экремъ (Реджап-заде Махмудъ) —
54—57, 119.
Эминъ (Мехмедъ) — 103 — 110.
Эссадъ — 91.
Эссадъ (Махмудъ) — 86.
Эссадъ (Мехмедъ) — 31.
Юльви (Алії) — 74 — 75.

Асыръ — 97.
Басиретъ — 34, 35, 47, 83.
Вахитъ — 42.
Ватанъ — 102.
Джеридейи аскеріе — 9, 47.
Джеридейи хавадисъ — 8, 31, 32, 38.
Зера — 47.
Ени газета — 73, 117.
Ени тавсіри эфкяръ — 93.
Ибретъ — 16—17, 40.
Идамъ — 59, 67, 69, 72 — 74, 77,
78, 92, 94, 113, 117, 135, 137,
141, 143.
Илтихадъ — 67.
Икклябъ — 38; 73.
Иттибалъ — 37.
Иттихадъ — 36—37.
Карайезъ — 17; 36 — 37.
Кейлю — 113.
Малюматъ — 93, 110.
Манзара — 66.
Меджмуайи фюнуль — 28 — 30.
Мектебъ — 116.
Миллетъ — 59.
Мухарриръ — 42.
Мухбиръ — 15; 32—33, 97.
Неййри хакикатъ — 92.

Османлы — 93.
Ребабъ — 144.
Рузнаме — 8.
Сабакъ — 117, 141.
Садакатъ — 37.
Сервети фюнуль — 72, 73, 93, 117—
119, 127, 137, 141, 144—146.
Сираджъ — 41.
Таквими векаи — 31, 141.
Таминъ — 73, 93, 123.
Таракки — 34.
Тавсіри эфкяръ — 6—9, 13, 14, 15,
32, 38.
Терджимани ахвалъ — 6.
Терджимани хакикатъ — 49, 63, 92,
99, 122, 141.
Түна — 46, 62.
Утаридъ — 34.
Хадика — 40—41.
Хайяль — 35—36.
Хаким-уль-векаи — 17.
Хурриетъ — 15.
Худавендиляръ — 97.
Чайлакъ — 97.
Чоджукъ бахчеси — 108, 109.
Чымыраклы татаръ — 35.
Щаркъ — 41.